

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОПЕРАЦИЯ

«МИФ»

ИЛИ СКОЛЬКО РАЗ
ХОРОНИЛИ
ГИТЛЕРА

Лев Безыменский

ОПЕРАЦИЯ «МИФ»,
или
СКОЛЬКО РАЗ
ХОРОНИЛИ ГИТЛЕРА

Москва

«Международные отношения»

1995

ББК 63.3(0)62
Б40

Безыменский Л.А.

Б40 Операция "Миф", или Сколько раз хоронили Гитлера.–
М.: Междунар. отношения, 1995. – 256 с.: ил.

ISBN 5-7133-0839-1

Сколько раз хоронили Гитлера? На этот вопрос стало возможным ответить лишь теперь, когда писателю и историку Льву Безыменскому стали доступны уникальные документы из архивов Сталина, Молотова и Берия. Книга посвящена оставшемуся долгие годы засекреченным по воле Сталина эпизоду финала Великой Отечественной войны – поиску и находке останков Гитлера. Читатель также познакомится с неизвестными доселе документами, характеризующими отношения между Сталиным и Гитлером.

Для широкого круга читателей.

Б $\frac{0503010000-029}{003(01)-95}$ Без объявл.

ББК 63.3(0)62

© Безыменский Л.А., 1995

© Подготовка к изданию и оформление изд-ва
"Международные отношения", 1995

ISBN 5-7133-0839-1

Содержание

Почему снова?	4
Сталин о Гитлере	11
Встреча в Берлине	27
Писал ли Сталин Гитлеру?	32
Гитлер о Сталине	37
Гитлер в клетке?	48
Кто должен был найти Гитлера	55
Покушение на Сталина?	63
Покушение на Гитлера?	71
Что же произошло в Берлине	79
В поисках мертвого фюрера	83
Письмо доктора Фауста	90
Успех группы Горбушина	98
Начало большой лжи	103
Доклад Вадиса	110
Сталин знал все	117
Как Сталин обманул Жукова	121
<<...Но его нет, он не в наших руках>>	124
Спор, который состоялся слишком поздно	131
В чем я покривил душой	140
Могилы Адольфа Гитлера	142
Операция «Миф»	144
Следственный эксперимент	149
После «Мифа»	168
Выстрел в бункере	170
Поиски в Магдебурге	176
Мероприятие «Архив»	180
Эпилог. Гюнше и Линге	184
Примечания	189
Приложение. О Гитлере	193

Почему снова?

Эту книгу надо было бы писать ровно пятьдесят лет назад. Ибо события, описываемые в ней, необратимо, раз и навсегда, свершились в мае 1945 года. Победа над гитлеровской Германией, крах — военный, политический и физический — лидеров этого режима — все это произошло и никем не ставится под сомнение. Да и как было нам сомневаться, видя нескончаемые ряды берлинских улиц, обращенных в руины, а там, где дома сохранились, белые флаги, большие и маленькие, в которые были превращены полотенца или простыни, кое-где даже с цветной полоской?

Столица побежденной Германии выглядела совсем не как немецкий город. Яркие, свежие надписи на указателях улиц и маршрутов были сделаны на чистейшем русском языке. На главных перекрестках стояли не полицейские, а бравые девушки-регулирующие из автобатальонов 1-го Белорусского фронта. И жил этот город по московскому времени.

Война кончилась. Для меня — как бы во второй раз. За два года до мая 1945-го, в морозном феврале 1943 года, непривычная тишина воцарилась в Сталинграде. Сама война ушла на сотни километров на запад. Но все знали, что до настоящей Победы еще далеко. Зрелище бесконечных колонн немецких военнопленных как бы напоминало: их еще много. В майском Берлине пленные выглядели по-другому и даже вызывали чувство жалости. Рядом можно было видеть полевые кухни, из которых раздавали кашу берлинцам.

...Наш штабной «виллис» свернул налево с еле расчищенной Унтер-ден-Линден на еще заваленную битым кирпичом, вывороченной брусчаткой и сгоревшими кузовами автомашин Вильгельмштрассе, что вызвало явное удивление водителя:

— Зачем сюда, товарищ капитан? Лучше к рейхстагу, давайте посмотрим логово зверя. Я еще не был там, ведь потом рассказывать придётся. Да и расписаться надо...

— Нет уж, давай потерпи, — успокоил я расстроенного сержанта.

Машина миновала руины знаменитого отеля «Адлон», от которого осталась лишь тыльная часть. Дальше в развалинах стояло здание, которое принесло этой улице всемирную известность: когда говорили «на Вильгельмштрассе», то подразумевали германское министерство иностранных дел, обосновавшееся здесь с давних времен. Лучше выглядела левая сторона улицы: огромное мрачное здание «Дойче банк» сохранилось почти нетронутым. Хотя я попал на Вильгельмштрассе впервые в моей жизни, но мог точно опознать городские здания, чему был обязан приказу моего начальника, генерал-майора Николая Михайловича Трусова. Недели за три до взятия Берлина разведотдел штаба 1-го Белорусского фронта, которым руководил Трусов, получил задание от командования: нанести на план германской столицы все объекты, которые не подлежали разрушению, в том числе больницы, электростанции, водонапорные башни, газгольдеры, канализационные сооружения. Особенно надо было обратить внимание на центр города. Эти данные следовало вручить всем частям 16-й воздушной армии, а также артиллерийским частям фронта, которым запрещалось бомбить и обстреливать отмеченные объекты. Приказ был отдан, выполнять его пришлось мне. Не могу сказать, что выполнить его оказалось легко. Разведотдел не был богат справочными материалами по Берлину. Но, благо мы находились уже в Германии, в библиотеках городка, где располагался штаб, и в опустевших домах быстро собрали городские планы, старые и новые справочники «Бедекеры» (могли ли знать авторы сей туристической энциклопедии, для чего она пригодится в ап-

реле 1945 г.?). Несколько дней и ночей я провел за нанесением «выявленных объектов» (этому помогли и опросы пленных), результатом чего и была карта, переданная генералам Руденко (авиация) и Казакову (артиллерия). Так невольно я стал знатоком города, счастливым обладателем коллекции планов и справочников.

Конечно, знал я и здание, находившееся на углу Вильгельмштрассе и Фосштрассе, — имперскую канцелярию, куда я и направлялся этим теплым майским утром. Нет, я не собирался разыскивать останки или следы Адольфа Гитлера. Разведчикам фронта было известно, что этим делом занимается контрразведка — «СМЕРШ». Туда, где действовал «СМЕРШ», лучше было не соваться. Краем уха мы слышали, что в имперской канцелярии «смершисты» уже свое дело завершили, поэтому можно было появиться и нам.

Имперская канцелярия тогда не пользовалась в войсках ни популярностью, ни известностью — не сравнить с рейхстагом, о котором твердил каждый солдат. Много лет спустя я спросил у Георгия Константиновича Жукова, откуда взялась идея сделать рейхстаг главной целью советских войск при штурме Берлина. Жуков был недоволен вопросом и очень неохотно отвечал на него, ограничиваясь ссылкой на то, что войска должны были иметь «заметную цель». Это было определяющим в выборе, который был одобрен Сталиным. И довод, который я услышал от Жукова, конечно, имел смысл. В горящем, дымном Берлине, в путанице похожих друг на друга улиц вдруг возникало крепостеобразное здание с куполом и четырьмя башенками по углам. Кругом простирался парк, вернее, остатки сгоревшего и разбомбленного парка Тиргартен.

Никакого военного значения рейхстаг не имел. В немецком плане обороны Берлина он даже не упоминался, и в нем оборонялись случайные части, никакие не «особые» и не «эсэсовские». Не шло отсюда и управление войсками. Командный пункт коменданта обороны Берлина генерала Вейдлинга располагался совсем не здесь, бункера генштаба сухопутных сил давно были вынесены в пригород Цоссен, южнее Берлина. Гитлер находился в бункере имперской канцелярии.

Рейхстаг как политический символ? Но в этом качестве он прекратил свое существование в день февральского пожара 1933 года. С тех пор национал-социалистический псевдопарламент заседал в соседнем с рейхстагом здании оперы Кролля. Там Гитлером была объявлена война Польше, там произносились его речи. Рейхстаг же был забыт. В нем оставалась лишь библиотека, толстыми томами которой в апрельские дни оборонявшиеся закладывали оконные проемы. Не вели от рейхстага никакие подземные ходы, если не считать ставшего известным в 1933 году хода в соседний дворец президента рейхстага, да и он кончался через пару сотен метров. Может быть, Сталин вспоминал об этих днях былой славы рейхстага, возможно, даже посоветовался с Георгием Димитровым, героем Лейпцигского процесса. Но это было в прошлом. Сегодня же, в апреле 1945 года, тысячи советских солдат в последние дни и часы войны жертвовали своими жизнями за объект номер 105 (так он был обозначен на картах), не имевший практического военного значения. Все концентрические атаки, все попытки преодолеть пространство парка Тиргартен, невероятные усилия солдат и политработников, распределявших флаги для водружения на продырявленном и полуразрушенном куполе, — всего этого можно было избежать. Но на войне таких вопросов не задают, таким сомнениям не может быть места. Безымянная высота у безымянного поселка на Волховском фронте. Зееловские высоты перед Берлином, рейхстаг в самом Берлине и многие другие — все должны были быть взяты, и за ценой советские солдаты не постояли.

По сравнению с рейхстагом имперская канцелярия (объект номер 153) была куда менее заметна. Ни куполов, ни башен. Старая имперская канцелярия, построенная при прусских королях, едва выделялась среди других зданий Вильгельмштрассе. Новая была построена в 1936–1939 годах по проекту будущего рейхсминистра Альберта Шпеера в скучном, подчеркнуто спартанском стиле. Мой сержант вообще не мог понять, зачем мы сюда приехали, тем более что столь эффектные в прежние времена внутренние анфилады теперь были завалены поломанной мебелью, обвалив-

шейся после обстрела штукатуркой. Ни в парадном кабинете Гитлера, ни в соседних залах ничто не задерживало взгляда, если не считать обгоревший огромный глобус, некогда составлявший главную достопримечательность кабинета. Он, видимо, навел великого Чарли Чаплина на сцену с глобусом в том самом знаменитом фильме «Диктатор», который советский зритель так и не увидел: в сталинские времена из-за того, что Чаплин слишком подчеркивал «еврейскую тему», а в нынешние — из-за капризов проката, предпочитающего платить доллары за зарубежную трёхсортную продукцию.

Парадоксальное противоречие: если на никому не нужный рейхстаг организовали штурм, то имперскую канцелярию не только не штурмовали, но даже... не брали. Хотя советская военная историография описывает штурм канцелярии и даже называет имя офицера, водрузившего знамя над резиденцией Гитлера (майора Никулина), в действительности боёв за нее не было. Капитуляция берлинского гарнизона состоялась утром 2 мая 1945 года, а к этому времени наступавшие в районе канцелярии советские войска дошли только до здания министерства авиации на Лейпцигерштрассе, расположенного за добрых полкилометра до имперской канцелярии. Генерал Илларион Толконюк, начальник оперативного отдела штаба 8-й гвардейской армии, вспоминает:

«В том, что 1 мая у имперской канцелярии боёв не было, я могу ручаться. Ведь с утра до конца этого памятного дня шли переговоры с немецкими парламентарями, выходившими к нам в полосу нашей армии. Среди них был начальник генштаба генерал Кребс, он вернулся в бункер канцелярии днем. Вечером 1 мая оборонявшая канцелярию группа Монке покинула ее, а в 6 часов утра 2 мая боевые действия вообще прекратились, так как гарнизон столицы капитулировал».

Объект номер 153 прекратил свое существование, так и не став объектом боя. Части 301-й дивизии вошли на его территорию, когда все стихло¹.

Повторяю: я тогда не имел отношения к поискам останков Гитлера и его сподвижников. Я знал лишь одно: Адоль-

фа Гитлера в живых нет, и знал благодаря особому везению, которому мог бы позавидовать любой историк. В ночь на 1 мая 1945 года мне пришлось переводить маршалу Жукову в его штабном блиндаже в берлинском пригороде Штраусберг письмо, напечатанное особо крупным шрифтом на небольших листках плотной веленовой бумаги. Стояли подписи: д-р Йозеф Геббельс, Мартин Борман. Смысл письма, адресованного Иосифу Сталину: извещение о самоубийстве Адольфа Гитлера. Как я мог ощутить, тогда среди присутствующих не было ни малейшего сомнения в правдоподобности сообщения Геббельса и Бормана — тем более, что оба от имени образованного по последней воле Гитлера правительства предлагали Сталину переговоры. Как впоследствии вспоминал Жуков, когда он этой же ночью позвонил Сталину, тот сказал:

— Доигрался подлец. Жаль, что не удалось взять его живым.

Таким образом, и Сталин как будто не сомневался. Он лишь спросил:

— Где труп Гитлера?

Маршал ответил, что, по сообщению немецкого эmissара генерала Ганса Кребса, труп Гитлера сожжен на костре...

Может быть, Сталин и вспомнил имя бывшего помощника немецкого военного атташе в Москве Кребса. Именно к нему 13 апреля 1941 года Сталин подошел на Белорусском вокзале при проводах японского министра Мацуока, взял под руку ошарашенного немецкого офицера и сказал:

— Ведь мы остаемся друзьями, что бы ни случилось...

Вспоминать об этом четыре года спустя, в день разгрома «друзей», Сталину едва ли хотелось. В любом случае в ночном разговоре с Жуковым он не выразил сомнения в факте смерти Гитлера. Финита ла комедия? Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не начал именно в этот день фантастическую по своему иезуитству операцию. Ту операцию, из-за которой лишь сегодня, 50 лет спустя, приходится ставить точку в истории конца Адольфа Гитлера. Сталин начал войну с мертвым Гитлером.

Двадцать пять лет назад я выпустил книгу, посвященную розыскам останков Гитлера. С тех пор появилось много нового материала. Но еще важнее, что появилась возможность писать об этом более откровенно и полно, отбрасывая былые ограничения, которые я соблюдал, беспрекословно подчиняясь тогдашнему порядку. Двадцать пять лет назад нельзя было получить документы иначе, как подчинившись цензуре тех органов, которые документами располагали. Не буду лукавить: я шел на это без внутреннего сопротивления, веря в то, что делаю добро во имя престижа советской власти. Сегодня я пытаюсь преодолеть самого себя.

Начиная изложение новых документов о конце немецкого диктатора, я не могу уйти от мысли, которая преследовала меня, когда после долголетних усилий удалось попасть в доселе закрытые московские архивы. О Гитлере ли я должен писать? Или о Сталине? Этот вопрос возник вовсе не из желания следовать моде, которая заставляет сегодня одних исследователей изыскивать все новые злоеющие черты советского диктатора, а других — искать доводы в защиту этой личности.

Так или иначе, все происходившее в поверженном Берлине в мае — июне 1945 года и в те же месяцы в Москве меньше всего относилось к Гитлеру. Этого человека не было в живых. Зато жил и действовал другой человек, поединок которого с Гитлером был в центре не только второй мировой войны, но и всей трагедии Европы в первой половине XX века.

Сравнительному анализу Сталин — Гитлер посвящены сотни, если не тысячи публикаций. На Западе — с 30-х годов, у нас — примерно с 70-х, а по настоящему — с начала 90-х. Среди них и фундаментальные исследования сэра Аллана Баллока, и бульварные газетные статьи. Не соревнуясь ни с первым, ни со вторыми, я хочу лишь дать документальные материалы* для умозаключений читателя. За эти материалы автор благодарит руководство и сотрудников архива Президента Российской Федерации, Государственного архива РФ, архивов Федеральной службы контр-

*В публикуемых документах сохранены орфография и пунктуация подлинников.

разведки, Генштаба Вооруженных Сил и Разведуправления Генштаба, Министерства обороны, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Центра хранения современной документации РФ и Федерального архива ФРГ.

Сталин о Гитлере

Когда Сталин впервые узнал о Гитлере? В дни «пивного путча» 1923 года, когда мир впервые заговорил об этом человеке? Очень возможно, если судить по вниманию, которое уделялось тогда Германии в кремлевской верхушке. Если заглянуть в документы Политбюро ЦК РКП(б) лета — осени 1923 года, то берет просто оторопь. Архивное дело так и называется: «Коммунистическая партия Германии — германская революция». Короче говоря, в Москве серьезно считали, что в Германии вот-вот свершится революционный переворот, после чего не исключено вооруженное участие Красной Армии на стороне восставшего немецкого пролетариата. Именно в этом контексте в 1923 году Сталину пришлось столкнуться с немецким фашизмом. Столкнуться в контексте действий германских коммунистов и обсуждений в Коминтерне отношений КПП и национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Это было в 1923 году, когда в Германии назревал политический кризис, который КПП и некоторые лидеры Коминтерна считали преддверием социалистической революции.

Сохранилась переписка Сталина — секретаря ЦК РКП(б) с тогдашними его друзьями (будущими врагами) — лидером Коминтерна Григорием Зиновьевым и Николаем Бухариным. Оба отдыхали тогда в Кисловодске и обменивались письмами с Москвой. 27 июня 1923 года Сталин иронически сообщает Зиновьеву о том, что у немецких товарищей безо всяких оснований «вскружилась голова» и они ныне опомнились, отказавшись от массовых демонстраций. Зиновьев же был встревожен поведением Сталина, который «сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает» и под влиянием Радека соглашается с примирением.

тельным отношением к «фашистам» (так тогда часто писалось слово «фашист»). Радек, мол, несправедливо бичует КПГ за ее воззвание против «фашизма». Самому Сталину Зиновьев пишет (более осторожно), что не надо верить «болтунишке Радеку», а Брандлер (тогда лидер КПГ) прав, когда готовит «рабочих к бою с фашистами».

И вот Сталин (еще задолго до появления рокового тезиса о «социал-фашизме» как главной опасности) отвечает Зиновьеву следующими рассуждениями в письме от 7 августа 1923 года:

«...Что касается Германии, дело, конечно, не в Радеке. Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.-д., созрели ли они уже для этого — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) земля крестьянам, в) поддержка громадного большинства раб[очего] класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем» случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад. Дело не в том, что Брандлер хочет «учить массы», — дело в том, что буржуазия плюс правые с.-д. наверняка превратили бы учебно-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия не Болгария). Кроме того, фашисты, по всем данным, слабы в Германии. По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять.

*Всего хорошего
И. Сталин»².*

Интереснейшая логика! Не говоря уж о скепсисе Сталина по адресу братьев по классу — немецких коммунистов. Важнее другое — иезуитский принцип «чем хуже, тем лучше». Давайте путь фашистам, и нам будет легче затем сплотить рабочий класс!

Увы, получилось только первое, а второе не допустил тот же Сталин, требуя от КПГ признать борьбу с СДПГ

своей главной задачей. Единственное, в чем Сталин в 1923 году был прав, — это в том, то тогда будущая гитлеровская партия еще была слаба, что подтвердил мюнхенский «пивной путч» в ноябре того же года. Но дальновидный политик был обязан понимать перспективы политического развития, зародыши которого обнаружались уже в начале 20-х годов. Сталин же всеми силами толкал немецких коммунистов против социал-демократов, «фачисты» не привлекли его внимания.

Когда в Коминтерне разгорелись споры о том, кто же представляет главную опасность для международного рабочего класса — социал-демократы («социал-фашисты») или национал-социалисты, Сталин фактически стал лидером ортодоксального крыла коммунистических партий Европы, представители которого основного противника видели не в фашизме, а в социал-демократии. Этот тезис, выдвинутый ВКП(б), был навязан и другим компартиям.

Эта дискуссия продолжалась долго. Еще в январе 1924 года лидер Коминтерна Григорий Зиновьев на заседании президиума ИККИ (Исполкома Коминтерна) заявил, что социал-демократия «скатилась» к фашизму. Его поддержал Сталин — член делегации РКП(б) и ИККИ. В сентябре 1924 года в статье «К международному положению» он пишет, что «социал-демократия и фашизм не антиподы, а близнецы»³. Гитлера он не упоминает, ибо в то время у всех на устах был не малоизвестный баварский политик, а Бенито Муссолини, совершивший «марш на Рим». Конечно, Сталин тогда не играл решающей роли, и тезис о социал-фашизме принадлежал не ему, а Зиновьеву. Но к концу 20-х годов ситуация изменилась. Уже не Зиновьев, а Сталин определял линию ВКП(б), а следовательно, ИККИ. X пленум ИККИ в июле 1929 года определил «социал-фашизм» как особую форму фашизма в странах с сильной социал-демократией. Этот тезис сохранял обязательную силу до 1934 года — до горестных уроков, преподанных Гитлером в Германии. Лишь под давлением этих событий и нажимом нового руководителя Коминтерна Димитрова Сталин, как показывает архив Димитрова, неохотно согласился на формулу «единого фронта» коммунистов и соци-

ал-демократов, принятую в 1935 году на VII конгрессе Коминтерна.

Сегодня, после трагического опыта 30—40-х годов, выглядит даже странно, когда в работах и выступлениях тех лет кто-либо мог отрицать главную опасность — опасность фашизма. В этом отрицании часто видят злой умысел, а что касается Сталина, то и по давню усматривают в его оценках отражение дьявольского плана. Однако модернизация истории — дело соблазнительное, но и опасное. Рождение губительной теории «социал-фашизма» как главной опасности для мирового рабочего движения было не только понятным, но даже закономерным. Коммунистические партии (в первую очередь российская, во вторую — немецкая) родились как отрицание социал-демократии, выйдя из ее чрева. Ленин делал это в российском (РСДРП) и международном (II Интернационал) масштабах в жестокой, почти истерической борьбе с признанными лидерами социал-демократии — Каутским, Гильфердингом, Бауэром и их коллегами.

Аналогичным образом, правда в специфической форме, действовал Сталин. Он был замечен Лениным после публикации работы «Марксизм и национальный вопрос», в которой, дебютируя на теоретической сцене, Сталин всю свою полемику направил против австрийских марксистов и их воззрений в национальном вопросе. «Чудесный грузин» (как его называл Ленин), прожив 1913 год в Вене, потратил это время на борьбу с социал-демократией. Правда, не зная ни слова по-немецки. Но ему помогли его соотечественники, также жившие в австрийской столице.

Для Сталина, как, впрочем, и для более образованных членов ЦК Зиновьева или Бухарина, конфронтация с социал-демократическими партиями II Интернационала была естественной. Все, что шло от социал-демократии, подлежало анафеме и отвержению. Зато любой ее противник становился возможным союзником (по рецепту «враг моего врага — мой друг»), что было использовано на практике КППГ чуть позже (в 1929 г.). Социал-демократы были все еще влиятельной политической силой, и коммунисты именно их избрали в качестве оппонентов.

Следует отметить, что у Сталина мог быть и свой, «закавказский», счет к международной социал-демократии. В Грузии до 1921 года правила партия меньшевиков, пользовавшаяся поддержкой своих социал-демократических друзей в Западной Европе. В Армении меньшевики также имели определенное влияние. Когда в апреле 1922 года в Берлине состоялся знаменитый «конгресс трех Интернационалов», там выступил лидер грузинских меньшевиков Церетели, обвинивший большевиков в том, что они «империалистическим путем во имя своих экономических целей совершили насилие над социалистической Грузией»⁴. Народный комиссар по делам национальностей И. Сталин, безусловно, наматал себе это на ус, равно как и другие акции Социалистического интернационала.

Известно очень мало прямых высказываний Сталина о Гитлере. Со слов Анастаса Микояна (сказанных им Валентину Бережкову), известна сталинская реплика по поводу «путча» 1934 года, когда Гитлер расправится с неугодным ему крылом собственной партии (Эрнстом Ремом, Грегором Штрассером и др.). На заседании Политбюро Сталин сказал своим коллегам:

— Вот, смотрите, как надо расправляться с оппозицией...

Это высказывание тем более примечательно, если учесть, что в Москве знали о событиях «ночи длинных ножей» — 30 июня 1934 года не понаслышке и не только по противоречивым сообщениям западной печати. В непосредственном окружении Германа Геринга, который осуществлял расправы с неугодными штурмовиками в Берлине, находился криминалькомиссар и давний член НСДАП Вилли Леман, с 1929 года являвшийся секретным агентом советской резидентуры в Берлине под псевдонимом «Брайтенбах». В тот же вечер Леман проинформировал советского резидента Василия Зарубина о событиях и впоследствии представил для ОГПУ подробный анализ действий Гитлера и Геринга. Такого отчета не имели ни в Лондоне, ни в Париже...

Своих «специальных источников» у Сталина было достаточно. Недавно, благодаря розыскам моего друга, московского медика Виктора Малкина, стал известен источник совершенно необычный. В 1932 году Гитлер предстал перед мюнхенским судом — на этот раз не как подсудимый в 1923 году, а как истец к журналисту, который якобы оклеветал его. Суд велся фундаментально, включая психоневрологическую экспертизу, для которой из Берлина был приглашен крупнейший психиатр, профессор Артур Кронфельд. Он несколько дней наблюдал Гитлера с «ближайшей дистанции» и сделал для себя подробные записи. И вот этот самый Кронфельд в 1935 году оказался... в Москве. В отличие от иных политэмигрантов, он не испытал никаких сложностей при переезде; ему даже удалось перевезти (через Швейцарию) свою огромную библиотеку. В Москве Кронфельд стал ведущим исследователем в крупнейшей психиатрической клинике (знаменитая «Канатчикова дача»), причем ее сотрудники между собой поговаривали, что Кронфельд находится под особым патронажем Кремля, консультируя его по интересующим Сталина вопросам, в том числе и о личности Гитлера. В 1941 году в Москве вышла книга Кронфельда, в которой были опубликованы его медицинские суждения по поводу психических особенностей фюрера. Кронфельд писал:

«Гитлер среднего роста, узкие плечи, широкий таз, толстые ноги, тяжелая походка подчеркивает безобразное строение тела. Незначительный рост, небольшие мутные глаза, короткий череп, слишком большой подбородок подчеркивают известную дегенеративную примитивность... Он невероятно гримасничает, постоянно в каком-то беспокойном движении. Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении... У Гитлера бывают судорожные эпилептические припадки»⁵.

Подобная характеристика с медицинской точки зрения была очень важна. Строение тела, организация речи и ее мимическое сопровождение представляют для психиатров огромный интерес, что дало Кронфельду основания для своих выводов. Кроме того, книга содержала подробности, касающиеся интимной сферы жизни Гитлера. Свидетельство Кронфельда было хотя и спорно, но интересно, потому

что, по словам медика, основывалось как на личных впечатлениях от пациента, так и на беседах с ближайшими соратниками Гитлера. Имена их он не назвал, ссылаясь на врачебную тайну. Кронфельд писал:

«Можно считать установленным, что чувство любви к женщине ему недоступно. В прошлом он был в половой связи с Гейнесом и Эрнстом. Оба были убиты по приказу рейхсканцлера 30 июня 1934 года. Я располагаю следующими сведениями о его интимной жизни: в конце 1932 года известный в Берлине «телепат-гипнотизер» Гануссен, сторонник Гитлера и человек, близкий к фашистскому берлинскому начальнику полиции графу Гельдорфу, передавал мне, что Эрнст сам очень подробно рассказывал ему о его гомосексуальной близости с Гитлером в 1933 году»⁶.

Эти особенности оспаривались, в том числе и самим Гитлером. Тем не менее интересно, что до сведения советского руководства они доводились. В больнице считали, что Кронфельда использовали в Кремле, чтобы получить информацию о Гитлере «из первых рук». Что же, и это нельзя исключить...

Нелепо изображать Сталина чуть ли не давним поклонником Гитлера, который якобы спал и видел дружбу Советского Союза и Германии. Среди исконных врагов коммунизма и СССР, которые в глазах Сталина окружали «родину социализма», Гитлер занимал свое законное место. «Майн кампф» в специально сделанном для Политбюро русском переводе была прекрасно известна и Сталину, и другим советским лидерам. Антисоветская направленность германской политики с момента прихода Гитлера к власти не могла и не должна была игнорироваться в Москве. Как говорил Сталин 25 ноября 1936 года, «мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира»⁷. Он призывал к «борьбе против фашистского варварства». Более того, Гитлер был нужен и полезен Сталину для конструирования «образа врага», который только и ждал случая напасть на СССР, в частности и тогда, когда военной опасности для советской страны не существовало.

О том, что для Сталина Гитлер был удобнейшим средст-

вом создания «образа врага», свидетельствует один архивный документ более позднего времени. В 1937 году Лев Троцкий прислал из эмиграции на имя ЦИК телеграмму с предложением принять участие в «повороте в сторону советской демократии, начиная с открытия последних судебных процессов». Телеграмму, конечно, передали Сталину. Он наложил на ней размашистую резолюцию: «**Шпионская рожа! Наглый шпион Гитлера**»⁸.

К этой резолюции присоединились Молотов, Ворошилов и Жданов. Конечно, им удобнее всего было для компрометации Троцкого и иных оппозиционеров изображать их прислужниками Гитлера. Так поступили с Тухачевским, а на судебных процессах Вышинский сконструировал несуществовавшие контакты сына Троцкого с гестапо и т.п.

Когда же речь шла о серьезной политике, Сталин вел себя осмотрительнее. В этом смысле показательна ставшая известной уже после войны история со статьей того же М.Н.Тухачевского в «Правде», в которой маршал 31 марта 1935 года выступил с резким разоблачением военных планов Гитлера. Статья так и должна была называться: «Военные планы Гитлера». Человек опытный, Тухачевский заранее послал текст Сталину. Сразу прочитав статью, тот, во-первых, изменил ее название: вместо «Военные планы Гитлера» — «Военные планы нынешней Германии», во-вторых, сократил цитаты из Гитлера. Кроме того, Сталин вычеркнул абзацы статьи, в которых сопоставлялась военная позиция Германии в 30-е годы и после первой мировой войны и подтверждалось мнение автора об исключительно антисоветской, а не антифранцузской линии Гитлера. Наконец, Сталин снял такой «мажорный» и, видимо, слишком традиционный финал статьи:

«Неистовая, иступленная политика германского национал-социализма толкает мир в новую войну. Но в этой своей неистовой милитаристской политике национал-социализм наталкивается на твердую политику мира Советского Союза. Эту политику мира поддерживают десятки миллионов пролетариев и трудящихся всех стран. Но если, несмотря на все, капиталисты и их слуги зажгут пламя войны и рискнут на антисоветскую интервенцию, то наша Красная Армия и вся наша социалистическая индустриальная страна

Мартин

Шмелева
Какая шкура индуса!

И. Сталин
В. Власов
В. Власов
М. М. М.
А. А. А.

С П Е Ш Н О

Из Меккино от Троцкого в адрес ЦИК Москва
получена телеграмма следующего содержания:

Политика Сталина ведет к окончательному,
как внутреннему так и внешнему поражению.

Единственным спасением является радикаль-
ный поворот в сторону Советской демократии, начи-
ная с открытия последних судебных процессов.

На этом пути я предлагаю полную поддержку.
Троцкий!

Зам. Начальника Второго Отдела ГУГБ НКВД
Старший майор гос. безопасности:
(З а л п е т е р)

(Handwritten signature)

Донесение НКВД о телеграмме Троцкого

железными ударами любую армию вторжения обратят в армию гибели, и горе тем, кто сам нарушил свои границы. Нет силы, способной победить нашей социалистической колхозной страны, страны с ее гигантскими людскими и индустриальными ресурсами, с ее великой коммунистической партией и великим вождем тов. СТАЛИНЫМ»⁹.

Конечно, автор согласился с правкой.

Так что это было? Желание «не обижать» фюрера? Нет, конечно. Сталин лишь снимал те возможные дипломатические осложнения, которые могли быть следствием слишком прямолинейных обвинений в адрес Гитлера. В некотором смысле Сталин действовал в духе Литвинова, который, как выясняется из архивных документов, в 1935 году вместе со всем Политбюро еще надеялся на то, что удастся — базируясь на принципах советско-германских отношений 30-х годов — предотвратить нарастание угрозы внешнеполитической изоляции Москвы. В это время — с полного согласия Сталина — советская дипломатия и разведка осуществляли довольно глубокие зондажи, пытаясь нащупать в германских правящих кругах своих союзников. Эту миссию в 1935—1936 годах выполнял специальный эмиссар, тбилисский знакомый Сталина по дореволюционным временам Давид Канделаки. Вступив в контакт с банкиром, тогда еще министром, Яльмаром Шахтом и с ближайшим окружением Геринга, Канделаки зондировал возможность возобновления высокого уровня экономических отношений с Германией и возможность политического урегулирования. Была ли это попытка предвосхитить пакт Молотова—Риббентропа? Опять же не будем искажать исторические факты. Они же говорят, что в 1935 году советский расчет делался вовсе не на Гитлера, а на его оппонентов. В секретном письме на имя Сталина от 12 марта 1935 года Литвинов прямо разъяснял, что Канделаки предлагал «поддержать Шахта против Гитлера»¹⁰.

Другое дело, что этот расчет был ошибочным. Сталин ошибался вместе с Литвиновым и тогдашним послом в Берлине Крестинским (своими будущими жертвами), полагая возможным «укрощение» Гитлера, в чем, впрочем, он был далеко не одинок. Такую же ошибку совершали Чемберлен в Лондоне и Даладьё в Париже, готовя курс мюн-

хенского «умиротворения». В 1935 году Гитлер, узнав от Геринга о советских «авансах», дал отрицательный ответ, понимая, что о нем будет известно лично Сталину (о Канделаки немецкая разведка ошибочно докладывала, будто он является школьным товарищем Сталина). Но Канделаки сам намекал своему партнеру Герберту Герингу (племяннику генерала), что свои предложения вносит по согласованию со Сталиным...

В том, что примерно в 1934 году Сталин надеялся «укротить» Гитлера и избежать перехода Германии в лагерь открытых врагов Москвы, нельзя видеть преступления. Преступным и роковым зато было то, что Сталин в стане своих врагов-империалистов не смог увидеть главного, самого опасного врага. Если прочитать его основополагающую речь на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года, то там достаточно атак на Англию и Францию как представляющих главную опасность для СССР, а фашистские государства упомянуты весьма мягко и даже извинительно: он говорил, что приход нацистов к власти не повод для ухудшения отношений с Германией.

«Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной...»¹¹.

Была ли альтернатива такому толкованию? Она была изложена на том же съезде в последней съездовской речи Николая Бухарина. Тот требовал отнестись к нацистской идеологии со всей серьезностью, ибо в ней проповедуется «открытый разбой, открытая скотская философия, окровавленный кинжал, открытая поножовщина». Бухарин предупреждал, что германская агрессия будет направлена против СССР. Его заключительные слова сегодня звучат пророчески:

«Вот кто стоит перед нами и вот с кем мы должны будем, товарищи, иметь дело во всех тех громаднейших исторических битвах, которые история возложила на наши плечи»¹².

Стенограмма фиксирует: «Аплодисменты». Не бурные, не продолжительные, не овация, какие получали Сталин и его приверженцы. Просто аплодисменты.

Кто будет спорить о ключевой роли периода 1939–1941 годов в политическом уравнении Сталин — Гитлер? Ведь в это роковое для Европы время вплотную и, главное, без каких-либо посредников столкнулись эти личности. Каждый из них действовал в расчете на ту или иную прямую реакцию партнера, строя схему игры, в которой один хотел переиграть другого. Об этом Гитлер прямо говорил в кругу ближайших сподвижников, Сталин делился тем же, по свидетельству Н.С.Хрущева, со своими соратниками.

Был ли драматический поворот августа 1939 года результатом сговора, взаимного обмана или маневром? Или всем вместе? Над этими загадками бились и бьются политики и историки, перебирая довольно скудные архивные свидетельства, особенно касающиеся принятия решения о пакте Сталиным. Сегодня критики и обличители этого решения возмущенно спрашивают: как мог Сталин не видеть, что пакт выгоден Гитлеру, что он открывает Германии дорогу к разгрому Польши, что он оставляет Советский Союз один на один — без западных держав — с фашистской Германией?

То, что случилось летом — осенью 1939 года, долгое время представляло загадку для историков. Теперь документы позволяют составить «расклад» сложной дипломатической игры, в которой каждый из участников — Сталин, Гитлер, Чемберлен, Даладье — пытался перехитрить другого и всех вместе взятых. Какова же была игра Сталина?

Документы говорят, что будущее нападение Германии на Советский Союз было для Сталина ясным. Если взглянуть на документы стратегического планирования Генштаба Красной Армии, то они — начиная с 1936 года — определяли Германию в качестве будущего противника на Западе. Оперативный план будущей войны, сформулированный в 1938 году¹³, исходил именно из этого. В 1939 году он не изменялся (вплоть до августа 1940 г.)¹⁴. Сохранился этот «категорический императив» и в начале 1939 года, когда начались первые немецкие зондажи. Существует уникальный документ: дневник советского посла в Германии А.Мерекалова, который записал содержание его доклада

на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 апреля 1939 года¹⁵, куда его вызвали из Берлина. Сталин задал послу простой вопрос:

— Скажи, пойдут на нас немцы или не пойдут?

Мерекалов ответил:

— Да, немцы неизбежно пойдут на Советский Союз. Пройдет 2 или 3 года, но неизбежен военный конфликт Германии и СССР, и исходя из этого необходимо строить наши политические отношения с ней.

Как вспоминал Мерекалов, Сталин согласился с его оценкой, и на этом же заседании Политбюро приняло соответствующие решения.

Оценка была принята, но выводы оказались неожиданными. Именно с апреля советские дипломаты в Берлине (самому Мерекалову было приказано остаться в Москве) стали внимательно относиться ко всем казавшимся ранее абсурдными немецким «авансам».

В эти дни в Москве побывал и посол в Англии Майский, который участвовал в переговорах с Англией и Францией. В 30-е годы советская дипломатия видела выход в создании системы коллективной безопасности (с ее пактами между СССР, Францией, Чехословакией). В условиях безусловной угрозы Советскому Союзу со стороны Германии на Западе и Японии — на Востоке эти соглашения казались и Сталину приемлемыми. Но никогда его не оставляла подозрительность в отношении западных демократий, игравших тогда ключевую роль в европейском концерте держав. Советский Союз все время оставался на положении Золушки в европейском дворце, и перспектива оказаться в таком же положении в случае войны Сталина, безусловно, не устраивала. Достаточно прочитать его заявления на XVII и XVIII съездах партии. Они отражали принципиальное, в том числе психологическое, неприятие любого капиталистического партнера, даже если союз с ним обещал преимущества, как англо-французско-советский альянс против Германии.

Но вот на мрачном горизонте затяжных и изнурительных переговоров Москвы с Лондоном и Парижем появляется новая фигура — Гитлер с его заманчивыми предложениями: исключение угрозы участия СССР в войне, устранение негод-

ного соседа — Польши, приращение за ее счет советской территории, перспектива дальнейшего прироста территории СССР за счет Прибалтики. Как прозрачно намекали немецкие дипломаты — Шнурре, Вайцзеккер и сам Риббентроп, предлагался прямой раздел сфер влияния в Восточной и Юго-Западной Европе. Перед этим искушением Сталин устоять не смог. Иными словами, решение в 1939 году пойти по пути возможного раздела сфер влияния (по типичному империалистическому принципу!) означало нечто большее, чем уловку. Недаром, как вспоминал переводчик Сталина Владимир Павлов, в самом начале первой беседы с Риббентропом 23 августа 1939 года Сталин нетерпеливо прервал вступительные пышные тирады имперского министра и потребовал перейти к «сути дела» — к обозначению сфер взаимных интересов. Конечно, о таком Сталин не мог и мечтать в отношениях с Англией и Францией. Для Чемберлена или Даладье подобный раздел был просто невыносим. Скорее они пошли бы на сделку с Гитлером (Чемберлен и Даладье попытались это сделать в Мюнхене в 1938 г.), но со Сталиным они этого делать не собирались...

Конечно, Сталин не был наивным политиком, пришедшим в телячий восторг от предложений, привезенных Риббентропом в Москву 23 августа 1939 года. Во-первых, он прекрасно знал эти предложения от советских дипломатов в Берлине. Во-вторых, он сразу потребовал от имперского министра больше того, что он привез (тот был вынужден срочно звонить в Берлин), и получил. Некоторого скепсиса и даже издевательской иронии Сталина имперский министр, спешивший донести Гитлеру о своих успехах, просто не заметил. Например, он не сообщил о такой сцене, разыгравшейся на приеме в Кремле в честь Риббентропа. Министр поднялся по знаменитой лестнице Большого Кремлевского дворца и приветствовал Сталина вытянутой рукой. Окружение Сталина замерло: какая провокация! Но Сталин неожиданно ответил... книксеном. Взявшись пальцами за края своего френча, он картинно присел перед гостем. Собравшиеся разразились громовым хохотом.

У Сталина были свои резоны. Он их излагал редко: например, нет никаких следов его высказываний на заседани-

ях Политбюро в мае — августе 1939 года. Есть, однако, ценное свидетельство, в подлинности которого нет никаких сомнений. Сомнение может быть только в полной искренности изложенной Сталиным позиции: Но она так или иначе была изложена им в длительной беседе с главой Коминтерна Георгием Димитровым 7 сентября 1939 года и сразу была записана последним в своем дневнике. Запись гласила¹⁶:

«7.9.39.

В Кремле (Сталин, Молотов, Жданов).

*Сталин**

— *Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.).*

— *Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга.*

— *Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии).*

— *Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему.*

— *Позиция коммунистов у власти иная, чем коммунистов в оппозиции.*

— *Мы хозяева у себя дома.*

— *Коммунисты в капиталистических странах в оппозиции, там буржуазия хозяин.*

Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались.

— *Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии.*

— *Следующий момент — подталкивать другую сторону.*

— *Коммунисты капиталистических стран должны выступать решительно против своих правительств, против войны.*

До войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно.

* Здесь и далее выделено Димитровым!

— Во время войны между имперскими державами это уже неправильно.

— Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл.

— Война вызвала коренной перелом.

— Единый народный фронт вчерашнего дня был для облегчения положения рабов при капиталистическом режиме.

— В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства!

— Стоять сегодня на позиции вчерашнего дня (единый нар. фронт, единство наций) — значит скатываться на позиции буржуазии.

— Этот лозунг снимается.

— Польское государство раньше (в истории) было нац. государство. Поэтому революционеры защищали его против раздела и порабощения.

— Теперь — фашистское государство угнетает украинцев, белорусов и т.д.

— Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!

— Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население.

Мы предпочитали соглашение с так называемыми демокр. странами и поэтому вели переговоры.

— Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить!

— Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше, ничего не получая.

Надо сказать рабочему классу —

— Война идет за господство над миром.

— Воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы.

— Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений.

— Выступить решительно против войны и ее виновников.

— Разоблачайте нейтралитет, буржуазный нейтрал.

стран, которые, выступая за нейтралитет у себя, поддерживают войну в других странах в целях наживы».

Если отвлечься от «специального заказа» беседы Сталина с Димитровым, которому Сталин хотел доказать пользу и даже благотворность пакта для мирового коммунистического движения, то в знаменателе остается: стремление к укреплению позиций СССР, который должен был оставаться «третьим смеющимся» в схватке двух империалистических хищников. Такого рода мечту Сталин высказал еще в 1925 году, на пленуме ЦК РКП(б), явно желая подражать Ленину, который, совершив в Бресте свой резкий поворот, стремился использовать одного хищника против другого. Достаточно наивное представление Сталина о Гитлере как о человеке, который «подрывает капиталистическую систему», сочеталось с макиавеллистским призывом «подталкивать одну сторону против другой». Еще циничнее рассуждения о «фашистской Польше» — давнем противнике Сталина, не пожелавшем сдаться Красной Армии в 1920 году. Запись Димитрова дает нам своего рода образец сталинского метода обоснования любых своих действий. Это не волюнтаристское «делаю, что хочу», а «делаю, потому что хочу».

Встреча в Берлине

Сталин и Гитлер никогда не встречались, хотя легенды об этом ходят по миру. Первая из них относится к 1913 году, когда оба действительно жили в одном городе — Вене. Владельцы небольшой гостиницы на Шенбруннершлоссштрассе в XIV районе Вены близ знаменитого императорского дворца рассказывают посетителям, что в комнате на первом этаже жил Иосиф Сталин и здесь же снимал комнату Адольф Гитлер. Но, как гласит известная поговорка, «если это и неправда, то хорошо придумано».

В свои венские годы Сталин и вправду жил в этом доме, снимая койку в комнате другого русского эмигранта, будущего советского дипломата Александра Трояновского. В

эти месяцы Гитлер жил в другом, далеком отсюда XX районе в мужском общежитии на Мельдемманнштрассе. Гитлер пробавлялся уличной продажей своих акварелей, к которым русские эмигранты едва ли приценивались; Сталин же, языка не зная, вообще по городу старался не бродить...

Вторая легенда относится к более позднему времени. Ее пустил в ход не кто иной, как небезызвестный шеф ФБР Эдгар Гувер, который в 1940 году доложил Рузвельту, что, по его надежным данным, Сталин и Гитлер точно встретились во Львове 17 октября 1939 года, якобы для заключения секретного военного соглашения. Сведения Гувера были чистой выдумкой. Сталин в этот день был в Москве (это подтверждают записи секретарей, тщательно фиксировавших посетителей генсека), Гитлер — в Берлине. Да и зачем им было тайно ехать в беспокойный Львов, когда Молотов в скором времени посетил Берлин? Именно тогда, провожая 13 ноября 1940 года посланца Сталина к дверям, Гитлер, обращаясь к нему, попросил переводчика Валентина Бережкова перевести: «Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам я рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, встретились. Я прошу Вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем...»

Интерпретаторы советско-германского пакта о ненападении с традиционных позиций советской эпохи считают его хитрой, даже гениальной уловкой и не видят за тогдашними формулировками пакта Молотова—Риббентропа серьезной стратегической линии на возможность дальнейшего (после 1939 г.) раздела сфер влияния с участием Советского Союза. Ссылаются они и на знаменитые переговоры В.Молотова в Берлине 12–14 ноября 1940 года с Гитлером. Перед этим Германия в необычной форме — было направлено письмо министра Риббентропа не его коллеге Молотову, а прямо Сталину — предложила Сталину обсудить вопрос о вступлении СССР в подписанный 27 сентября 1940 года «тройственный пакт» Германии, Италии и Японии. Как известно, СССР в пакт не вступил.

Более того: сразу после встречи с Молотовым Гитлер принял решение подписать директиву на операцию «Барбаросса». Те же традиционные интерпретаторы видят в подобном развитии событий аргументы в свою пользу. Но реальная политическая фактура ноябрьских переговоров заставляет снова серьезно задуматься о смысле политики Сталина.

Спора нет: до сего времени это сделать было трудно. Каждая из сторон — немецкая и советская — излагала ход переговоров по-своему. После войны появились немецкие записи бесед Молотова с Гитлером, по которым окончательных выводов сделать было невозможно. Затем — лишь в 1992 году! — в Москве был опубликован текст шифротелеграмм, которые Молотов посылал Сталину из Берлина (автор книги предпринял эту публикацию на страницах журнала «Международная жизнь» вместе с молодым дипломатом С.Горловым)¹⁷. Но и они не дали ответов на все вопросы, так как в шифровках Молотов ссылался на некие предварительные директивы¹⁸, которые в архиве МИД найти не удалось. Единственное, что было ясно: Молотов в Берлине боялся лишнее слово произнести без согласования со Сталиным. Не будет преувеличением сказать, что по сути это была встреча Гитлера не с Молотовым, а со Сталиным.

Сегодня мы в состоянии еще раз повторить вещи булгаковские слова: рукописи не горят. Вопреки неоднократным заверениям руководителей дипломатических архивов, директивы Сталина для берлинских переговоров сохранились. Они находятся в личном архиве Молотова, хранившемся в архиве Общего отдела ЦК КПСС. Текст действительно рукописный. Писал Молотов, судя по всему, под диктовку (Сталина, конечно). Многие слова сокращены, текст испещрен подчеркиваниями различного вида. Подлинность — абсолютная, так как молотовский почерк прекрасно известен. Дата — 9 ноября 1940 года, то есть день перед отъездом из Москвы. Запись озаглавлена: «Некот.[орые] дир.[екти]вы к берл.[инской] поездке». Текст гласит^{19*}:

* Все сокращения и выделения — в рукописном тексте.

«С. Секретно

Некот. дир. вы к берл. поездке

9.XI.40

«1. Цель поездки:

а) Разузнать действительные намерения Г. и всех участников Пакта 3-х (Г., И., Я.) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик. Восточноазиатского Пространства», границы «Новой Евр.» и «Вост. Аз. Пр.»; характер госуд. структуры и отношения отд. европ. государств в «Н.Е.» и в «В.А.», этапы и сроки осуществления этих планов, и по кр. мере ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе и также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г., а также с И., но не заключать какого-либо соглашения с Г. и И. на данной стадии переговоров, имея в виду продолжить эти переговоры в Москве, куда должен приехать Риб. в ближайшее время.

2. Исходя из того, что с.-г. соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Германии событиями исчерпано (за исключ. Финл.), в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены:

а) Финляндия — на основе с.-г. соглашения 39 г., в выполнении которого Г. должна устранить всякие трудности и неясности (вывод герм. войск, прекращение всяких политич. демонстраций в Ф. и в Г., направленных во вред интересам СССР).

б) Дунай, в части морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву.

Сказать также о нашем недовольстве тем, что Г. не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.

в) Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Г. и И., отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

г) Вопрос о Турции не может быть решен без нашего участия, т.к. у нас есть серьезные интересы в Турции.

д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.

[е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить].

ж) В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринимать».

Далее шли пункты о Швеции, Балтике, Турции, Англии, США. Под конец упоминались Китай и судьба Британии:

«9. Относительно Китая в секретном протоколе в качестве одного из пунктов этого протокола сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан-Кай-Ши), в чем СССР, м.б. с участием Г. и И. готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Манчжоу-Го остается за Я.).

10. Предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснить благоприятный ход основных переговоров: Болг., Турция и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний...»

Историкам предстоит разбираться во всех подробностях этого документа, потрясающего своим цинизмом. Сейчас важнее не подробности, а общая концепция сталинского замысла возможного раздела сфер влияния между Советским Союзом, с одной стороны, и Германией, Италией, Японией — с другой. В нем делятся не какие-либо малые страны типа прибалтийских. Идет речь о континентах, включая великодушную гарантию «Великобританской Империи» (кстати, именно это предлагал англичанам Гитлер на закулисных переговорах, на которые в особом пункте Сталин велел Молотову намекнуть).

Могут возразить: все это он «разыгрывал», заранее зная обо всем (многомудрый, великий и всеведущий Сталин). Но зачем было в разговоре наедине со своим ближайшим сподвижником говорить о «подготовке первоначальной наметки сферы влияния СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможности соглашения с Г., а также с И.»? Обманывать Молотова?

Зачем было Сталину 25 ноября срочно вызывать к себе Георгия Димитрова и сообщать ему о том, что «сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта взаимопомощи» с далеко идущими политическими, экономическими и военными целями? Сталин разъяснил, что «при заключении пакта о взаимопомощи мы не только не возражаем, чтобы Болгария присоединилась к тройственному пакту, но тогда и мы сами присоединимся к этому пакту»²⁰. Зачем было после возвращения Молотова из Берлина посылать Гитлеру формальное согласие на вступление СССР в тройственный пакт?

Вопросов много. Много и ответов, но они не могут вычеркнуть из истории XX века трагических событий, которые предшествовали нападению Германии на Советский Союз. Другое дело, что Гитлер вовсе не собирался делиться со Сталиным. Сталин понял это слишком поздно.

Писал ли Сталин Гитлеру?

Факт остается фактом: непосредственное общение двух «таких политических деятелей», как Сталин и Гитлер, ограничилось перепиской. Первое послание Гитлера было датировано 21 августа 1939 года, ответ Сталина — тем же днем. Известны и телеграммы, которыми обменивались Сталин и Гитлер по табельным датам (среди них многозначительная телеграмма Сталина «о немецко-советской дружбе, скрепленной кровью»). Но в этом общении есть одно «белое пятно». О нем-то и пойдет речь в этом разделе.

...5 мая 1941 года в резиденции немецкого посла в СССР графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга состоялась встреча, которая, оказавшись она успешной, могла бы повлиять на ход XX века. Граф Шуленбург — приверженец той самой прорусской группы немецких политиков, на которых в начале гитлеровской эры ставили Сталин и Литвинов, — решился на шаг, не имевший прецедента в дипломатической практике. Посол страны, готовившей нападение на

СССР, решил предупредить будущую жертву агрессии о грозящей опасности. Только что он побывал в Берлине и из разговоров в своем ведомстве и с друзьями-военными убедился, что нападение предрешено и приготовления к нему завершаются. Говорить об этом советскому послу в Берлине было бы опасным, зная систему подслушивания. Но приехав в Москву, граф узнал, что посол Деканозов находится в советской столице. Дипломатический этикет делал обычным делом встречу двух послов, тем более что Шуленбург пользовался в Москве высокой репутацией. Бояться советских «жучков» не следовало: они могли лишь продублировать сообщения Шуленбурга для советского высшего руководства. Днем 5 мая Деканозов прибыл на завтрак в резиденцию посла в Чистом переулке вместе с переводчиком Владимиром Павловым — человеком надежным, работавшим в этом качестве со Сталиным и Молотовым. Сохранилась запись, сделанная Деканозовым для доклада начальству. Из нее «вычитать» шуленбургское предупреждение можно лишь с трудом, что вполне объяснимо: Деканозов прекрасно знал настроения Сталина и Берия, так как на его соответствующие шифротелеграммы из Берлина он получал гневные ответы о «фальшивках» и «английских провокациях». Поэтому при написании документа Деканозов и Павлов избирали самые осторожные формулировки — благо, они были без свидетелей²¹. Зато в устной версии Анастаса Микояна, которому Сталин рассказывал о беседе Деканозова, предупреждение было достаточно недвусмысленным.

Беседа не прошла без следа. 9 мая Деканозов неожиданно для Шуленбурга попросил о новой встрече, которая состоялась уже не в Чистом переулке, а недалеко от резиденции Шуленбурга, в знаменитом особняке Наркоминдела на Спиридоньевке. Деканозов вернулся к теме «взаимного недовольства» СССР и Германии, разобрав отдельные пункты (германские гарантии Румынии, советско-югославский пакт, никелевые рудники в Петсамо), и изложил предложение, безусловно, исходившее от Сталина и Молотова. Запись, снова сделанная Павловым и до 1993 года хранившаяся в секретном архиве Молотова, гласит²²:

«Я продумал вопрос о мерах, которые можно было бы предпринять... Мне казалось, что поскольку речь может идти об обоюдных действиях, то можно было бы опубликовать совместное коммюнике, в котором, например, можно было бы указать, что с определенного времени распространяются слухи о напряженности советско-германских отношений и о назревающем якобы конфликте между СССР и Германией, что эти слухи не имеют под собой основания и распространяются враждебными СССР и Германии элементами.

Я подчеркнул, что не формулирую окончательного содержания коммюнике, ибо высказываю свое личное предложение. При этом я, отклоняясь от темы, спросил Шуленбурга, читал ли он опровержение ТАСС, опубликованное сегодня в газетах, и какого он мнения по поводу этого опровержения.

Шуленбург ответил, что читал, но от высказывания своего мнения уклонился. В ответ на мое предложение Шуленбург заявил, что у него имеется другое предложение. Он полагал бы целесообразным воспользоваться назначением Сталина главой Советского правительства. По мнению Шуленбурга, Сталин мог бы в связи с этим обратиться с письмами к руководящим политическим деятелям ряда дружественных СССР стран, например к Мацуока, Муссолини и Гитлеру, «может быть, — добавил Шуленбург, — и к Турции», и указать в этих письмах, что, став во главе правительства (Ш. опять как бы ошибочно сказал — «государства»), заявляет, что СССР будет и в дальнейшем проводить дружественную этим странам политику. Текст писем, адресованных указанным странам, мог бы быть одинаковым, но в письме, адресованном Гитлеру, во второй его части, могло бы быть сказано, например, так, что до Сталина дошли сведения о распространяющихся слухах по поводу якобы имеющегося обострения советско-германских отношений и даже якобы возможности конфликта между нашими странами. Для противодействия этим слухам Сталин предлагает издать совместное германо-советское коммюнике примерно указанного мною содержания. На это последовал бы ответ фюрера, и вопрос, по мнению Ш., был бы разрешен.

Передав мне это, Ш. добавил, что, по его мнению, мое предложение о коммюнике хорошее, но надо действовать быстро, и ему кажется, что можно было бы таким образом объединить эти предложения.

В дальнейшей беседе Шуленбург отстаивал свое предложение, говорил, что надо сейчас очень быстро действовать, а его предложение можно очень быстро реализовать. Если принять мое предложение, то в случае передачи текста коммюнике в Берлин там может не оказаться Риббентропа или Гитлера и получится задержка. Однако если Сталин обратится к Гитлеру с письмом, то Гитлер пошлет для курьера специальный самолет и дело пойдет очень быстро».

Деканозов вел себя очень осторожно:

«Видя, что Шуленбург не поддерживает предложение о совместном коммюнике, я сказал, что не настаиваю на своем предложении, которое было мною сделано по просьбе посла, выразившего беспокойство по поводу слухов. Кроме того, разговор о письме т. Сталина Гитлеру вообще является гипотетичным, и я не могу входить в подробности его обсуждения. К тому же я предвижу трудности в его реализации».

Шуленбург, в свою очередь, «вернул» предложение: *«Было бы хорошо, чтобы Сталин сам от себя спонтанно обратился с письмом к Гитлеру».*

Самое главное было сделано: идея письма Сталина стала на повестку дня. Записи (опять-таки сделанные Владимиром Павловым) не содержат указаний на то, какие выводы были сделаны на основании бесед 9 и 12 мая. Но мне представляется возможным высказать определенное предположение о практических выводах, что я основываю на словах, слышанных не от кого другого, как от Георгия Константиновича Жукова. Этот разговор состоялся в 1966 году на его подмосковной даче, где маршал жил последние годы своей жизни. Здесь он писал свои мемуары, точнее, вел бумажную войну с партийными контролерами, навязывавшими маршалу свои представления о войне и вычеркивавшими им неудобное. Но ко мне маршал отнесся благосклонно — то ли потому, что я служил в его штабе весной 1945 года, то ли потому, что приехал с рекомендацией хорошо знакомого Жукову Константина Симонова.

Основная речь у нас шла о битве под Москвой, но маршал не мог не говорить о предвоенном периоде, о его роли как начальника Генерального штаба Красной Армии. Было упомянуто и злополучное заявление ТАСС, появившееся в

советской печати 14 июня 1941 года. В нем советское правительство категорически опровергало спровоцированные «враждебными СССР и Германии силами» слухи о якобы готовящемся немецком нападении. Это заявление привело тогда советских людей в полное замешательство: с одной стороны, народ чувствовал, что в воздухе действительно «пахнет войной», с другой — привык верить сообщениям ТАСС как святому евангелию.

— Но я воспринял его по-своему, — сказал маршал.

— Почему?

Он объяснил это так:

— Где-то в начале июня я решил, что должен предпринять еще одну попытку убедить Сталина в правильности сообщений разведки о надвигающейся опасности. До сих пор Сталин отвергал подобные доклады начальника Генштаба. Как-то он говорил по их поводу: «Вот видите, нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга». Вместе с наркомом обороны Семеном Константиновичем Тимошенко мы взяли подготовленные штабные карты с нанесенными на них данными о противнике и его сосредоточении. Докладывал я. Сталин слушал внимательно, но молча. После доклада он отправил нас, не сказав своего мнения. Настроение у меня было тяжелое. Прошло несколько дней — и меня вызвал Сталин. Когда я вошел, он сидел за своим рабочим столом. Я подошел. Тогда он открыл средний ящик стола и вынул несколько листков бумаги. «Читайте», — сказал Сталин. Я стал читать. Это было письмо Сталина, адресованное Гитлеру, в котором он кратко излагал свое беспокойство по поводу немецкого сосредоточения, о котором я докладывал несколько дней назад. «А вот ответ, читайте», — сказал Сталин. Я стал читать. Боюсь, что не смогу столько лет спустя точно воспроизвести ответ Гитлера. Но другое помню точно: раскрыв 14-го утром «Правду», я прочитал сообщение ТАСС и в нем с удивлением обнаружил те же самые слова, которые прочитал в кабинете Сталина. То есть в советском документе была точно воспроизведена аргументация самого Гитлера...

Жуков не оговорился, когда в беседе со мной рассказал о письме Сталина Гитлеру. Об этом упомянул он и во вре-

мя своей встречи осенью 1968 года с писательницей Еленой Ржевской. Он ей прямо сказал, что перед началом войны Сталин писал Гитлеру. Говорил об этом маршал и Константин Симонов.

В архивах такой переписки не обнаружено. Но это ничего не значит. В архиве Сталина следов нет, но они могли быть уничтожены. Что же касается немецкой стороны, то из свидетельств очевидцев известно о существовании личного секретного архива фюрера, который был доступен лишь ему. 22 апреля 1945 года он дал своему адъютанту от СС Юлиусу Шаубу поручение ликвидировать содержимое двух сейфов в комнате Гитлера в бункере. Такие же сейфы Шауб по заданию фюрера обнаружил в квартире Гитлера в Мюнхене и в его горной резиденции «Бергхоф» и также сжег их содержимое. Со слов Гитлера Шауб знал, что там в числе прочего находилась личная переписка с видными государственными деятелями. Вполне возможно, что лежало там и письмо Сталина...

Кстати, Сталина глубоко уязвило поведение его партнера. Светлана Аллилуева вспоминала: «Он не мог предположить и предвидеть, что пакт 1939 года, который он считал своим детищем и результатом его огромной хитрости, будет нарушен врагом более хитрым, чем он сам... Это было его огромной политической ошибкой. Даже когда война уже кончалась, он часто любил повторять: «Эх, вместе с немцами были бы непобедимы»».

Гитлер о Сталине

Адольф Гитлер впервые назвал имя Иосифа Сталина 9 февраля 1929 года в нацистском листке «Иллюстриртер беобахтер», где опубликовал свою очередную статью, посвященную политическим событиям в Европе. Речь в ней шла о Сербии, Баварии, о Вашингтонском морском договоре и о России. Гитлер выступил против идеи союза с Россией. Обеспокоенный германо-советским соглашением о долгах от 25 января 1929 года, будущий рейхсканцлер наз-

вал надежду на согласие с Россией «фантомом, который однажды может принести Германии катастрофический крах». Написав эти слова за 10 лет до пакта Риббентропа—Молотова, Гитлер продолжал²³:

«Если я сейчас заговорил о России, то должен вооружиться осторожностью по поводу все время появляющихся сообщений о «росте антисемитизма» в России. Это представление основывается на слабом знании еврейства. Если евреям где-либо дают править, то видно, как они сами себя очень быстро уничтожают. Тогда начинается борьба между либеральными евреями-владельцами и жаждущими власти еврейскими писателями. Внешний мир тогда не должен видеть в такой борьбе, ведущейся еврейской оппозицией против находящихся у власти евреев, свидетельств наличия антисемитских сил. Уже 12 лет непрерывно говорят о «наступлении антисемитизма» в России. Об этом пишут и национал-социалистические авторы. Сообщения о том, что Сталин, мол, не еврей, ничего не доказывают. О Ленине утверждают то же самое. В Германии надо быть осторожным — учитывая, что так называемая борьба оппозиции вольно или невольно может превратиться в комедию по поводу того, чтобы разрешить господину Троцкому деятельность в Берлине. Если господин Браунштейн (правильно — Бронштейн. — Л.Б.) действительно появится в Берлине, то наших благоверных пророков «антисемитского духа» в России скоро надо будет просветить о прекрасном сотрудничестве оппозиции этих еврейских эмигрантов с якобы антисемитским господином Сталиным».

Фанатичного антисемита Адольфа Гитлера, видевшего всюду еврейские козни, мне не хочется представлять как пророка, предвидевшего будущие антисемитские деяния советского диктатора, но в одном Гитлер был, безусловно, прав: в 1929 году он уже видел в Сталине хозяина Советской России, равного по власти Ленину. В течение своей жизни Гитлер не раз говорил о Сталине, особенно охотно в своих «застольных беседах», сочетая презрение к большевистскому лидеру с восхищением его варварскими методами правления. Так, 11 апреля 1942 года он говорил:

«Если Сталин в прошлые годы применял к русскому народу методы правления, которые Карл Великий применил к германскому народу, то об этом не надо горевать, учитывая

тогдашний культурный уровень русских. И Сталин действовал исходя из понимания того, что русских надо объединить в строгую государственную организацию»²⁴.

15 апреля 1942 года:

«Одна из первых задач, которую он [Гитлер] решил после прихода к власти, была единая организация всей немецкой печати (как Сталин в СССР)»²⁵.

27 апреля 1942 года:

«Неясно, не стали ли бы разногласия между Сталиным и Тухачевским и его единомышленниками со временем настолько сильными, что Сталин должен был бы опасаться убийства... Миры Сталина и царского офицера Тухачевского сильно расходились. «Гениальный» Сталин был уверен в том, что в своих планах мировой революции и нападения на Центральную и Западную Европу он сможет воспользоваться плодами неудачи перехода христианства от метафизики к материализму в конце XIX — начале XX века»²⁶.

«Сталину надо воздать уважение. В своем роде он гениальный парень! Он знает свои прообразы — Чингисхана и ему подобных, и его экономическая система так всеобъемлюща, что его могут превзойти только наши четырехлетние планы»²⁷.

О сталинском антисемитизме:

«В Сталине надо ценить, что он евреев не допускает в искусство»²⁸.

Но все-таки:

«За Сталиным стоит еврей. Еврейский лозунг диктатуры пролетариата требует устранения пролетариатом нынешней системы господства и создания господства контролируемого еврейством меньшинства, ибо сам пролетариат к господству не способен»²⁹.

«Если победит Сталин, у нас будет коммунизм в самом отвратительном виде... Когда кончится эта война, мир вздохнет. Ибо с окончанием войны из Европы будет выкинут последний еврей — коммунистическая опасность с Востока будет истреблена»³⁰.

В официальных выступлениях лидеров рейха не было недостатка в хулении Сталина как главы «еврейско-большевистского» государства. Но иногда думали по-другому. Немецкий дипломат Хассо фон Этцдорф однажды (22 сентября 1941 г.) записал такие слова Гитлера³¹:

«Для судьбы Сталина есть две возможности: либо его убьют собственные люди, либо он попытается заключить с нами мир. Ибо Сталин (а он является величайшим государственным деятелем современности) должен понять, что в его 66-летнем возрасте (Сталину тогда было 62 года. — Л.Б.) он уже не может начать новое дело, для завершения которого нужна человеческая жизнь. Поэтому он попытается с нашей помощью спасти то, что можно спасти. Надо пойти ему навстречу. Если бы он решил направить русскую экспансию на юг (Персидский залив), что ему уже предлагалось (в ноябре 1940 г.), то можно себе представить мирное сосуществование Германии и России».

Но как сам Гитлер иногда пытался реально взглянуть на своего «врага-партнера», так и в высших политических кругах Берлина под влиянием сокрушительных ударов Красной Армии пытались по-иному оценить роль Сталина. В этом отношении очень интересен обнаруженный мною в архиве Сталина документ. Это перевод письма Геббельса к Гитлеру, написанного примерно в конце 1944 года. Письмо сохранилось в бумагах Геббельса, захваченных советскими войсками под Берлином. Трофейные документы стали разбирать, и тогдашний министр внутренних дел Сергей Круглов счел нужным послать Сталину перевод нескольких писем Геббельса Гитлеру. Одно из них* гласило³²:

«Развитие войны в последние месяцы, когда враг на востоке и западе не только подошел к границам империи, но даже перешел их, побуждает меня изложить перед вами мои мысли относительно нашей военной политики. При этом я оставляю без рассмотрения дальнейшее течение военных операций, как бы оно ни сложилось под влиянием благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, так как судить об этом не входит в сферу моей деятельности. Я не располагаю к тому же необходимыми данными, которые позволили бы мне прийти к правильным выводам. Поэтому я хочу ограничиться в этом вопросе лишь констатацией того факта, что события этого лета значительно поколебали наши надежды. На востоке наш фронт не смог удержаться на той линии, где мы считали это возможным; на западе мы не могли отразить вторжение. Напротив, оккупированные нами

* Сохранился только текст русского перевода, сделанного в НКВД.

ранее западные территории, являвшиеся предпосылкой наших операций на востоке, утеряны нами, за небольшим исключением. Я довольно точно знаю причины, которые привели к этим тяжелым военным поражениям. Они зависят более от отдельных лиц, чем от материальных условий. Но, по моему, при оценке шансов на окончательную победу они имеют меньшее значение, чем сами факты, а к последним мы не можем не прислушаться.

Наше самое существенное преимущество в дальнейшем ходе войны заключается, на мой взгляд, в том, что нам противостоит крайне неоднородная коалиция противников. Западный и восточный вражеские лагеря разделены между собой горами противоположных интересов, которые сегодня не проявляются лишь потому, что обе группы движимы стремлением сначала уничтожить нас, а затем уже перейти к решению своих собственных конфликтов. Таким образом, мы имеем точно такую же ситуацию, как в ноябре 1932 года, когда партия была ослаблена и морально угнетена в результате тяжелых поражений, а коалиция ее противников справа и слева имела полную возможность уничтожить ее, но не пыталась это сделать, так как в глазах наиболее влиятельной части наших врагов победа над партией повлекла бы за собой гораздо большее зло, чем победа партии. В то время гениальное достижение вашей дипломатии, мой фюрер, выразилось в том, что вы путем умного маневрирования так умело использовали противоречия внутри противостоявшей нам враждебной коалиции, что 30 января 1933 года мы пришли, правда, к ограниченной победе, но эта победа явилась предпосылкой для полного завоевания власти. Для подрыва вражеской коалиции вы использовали тогда способнейших и умнейших своих людей. Ни один из нас не думал о прекращении собраний партии только потому, что велись переговоры со Шлейхером, Папеном, Мейснером, Гинденбургам — младшим и старшим, коммунистами, социал-демократами, партией Центра, «Стальным шлемом», Гугенбергом или с «Ландбундом». Одно не исключало другое и даже не противоречило ему. Боевое руководство партией достойно завершилось дипломатическим использованием ее успехов на выборах и даже неудач.

Я знаю, что восхваляю здесь всем известные истины. Но, несмотря на это, я привожу этот пример потому, что он чрезвычайно характерен и для современного положения. Тог-

да мы использовали противоречия между нашими врагами и попытались извлечь из них выгоды. Но не ждали, когда они пойдут на нас, а сами наступали на них. Сегодня, как мне кажется, мы слишком долго позволяем им наступать на нас. В этом, по моему мнению, лежит причина пассивности нашей внешней политики, которая показала во время событий в Румынии, в Болгарии и Финляндии, что она стоит не на высоте положения. Имперский министр иностранных дел вряд ли может ссылаться на то, что военные успехи должны создавать предпосылку для успешной внешней политики. При военных успехах вряд ли нужно заниматься внешней политикой, так как последняя в таких случаях делается при помощи убедительной силы оружия. Но при поражениях она именно и должна показать свое мастерство. Точно так же домашней хозяйке не следует ссылаться на то, что она может вкусно готовить лишь тогда, когда у нее есть достаточное количество жиров и мяса. Свое поварское искусство она может показать лишь при ограниченности продуктов питания, когда испытываются ее находчивость и фантазия. Характерно, что наша победа 30 января 1933 года пришла после переговоров, которые мы вынуждены были вести под давлением неудач, а не под впечатлением победы. Достигнутый незадолго до этого относительно ограниченный успех являлся, правда, решающим, но если приводить сравнения, то я полагаю, что и сегодня мы можем достичь того же самого на любом участке фронта.

Хотя конференция в Квебеке внешне и завуалировала противоречия во вражеской коалиции, но для знатока сделала их еще более явными. Если западные державы играли с мыслью отойти от требования безусловной капитуляции Германии, то, очевидно, для того, чтобы сделать попытку быстрой политической победы над нашим народом и лишения его руководства. Неожиданная поездка Идена в Квебек имела, по-моему, целью заявить об энергичном протесте Кремля против такой попытки, которая в конечном результате приняла бы форму одностороннего решения европейского вопроса западными державами, и тогда в Квебеке отказались от этого. Благодаря военным успехам западные державы стали чувствовать себя более уверенно по отношению к Сталину, но Сталин со своей стороны ищет возможности создать на юго-востоке свершившиеся факты, так как он точно знает, что при своем продвижении он как раз

в этом чувствительном пункте натолкнется на англо-американские и особенно английские интересы, что может при известных обстоятельствах привести его к тяжелому и непоправимому конфликту с западными государствами. Такое развитие событий является для нас весьма обнадеживающим, и задачей нашей дипломатии и внешней политики должно быть стремление использовать этот случай, пустив в ход всю нашу хитрость. Мы ведем — чего мы хотели избежать в самом начале при всех обстоятельствах — войну на два фронта в ее самой острой форме. В нашей истории мы никогда не выигрывали войны на два фронта; так же и сегодня, учитывая численное соотношение сил, нам не удастся ее выиграть в военном отношении. Если бы в 1932 году наши враги были едины, они могли бы подавить нас, точно так же и наши теперешние противники могли бы это сделать сейчас при тех же самых предпосылках. Но этих предпосылок нет и теперь. Судьба распорядилась так, что для нас остается удобный выход из дилеммы этой войны. Но, я думаю, судьба ждет также от нас, что мы вступим на этот путь. Я не хочу, чтобы меня заподозрили в желании говорить языком авантюристической военной политики. Это не авантюра, если мы зондируем почву с той или с другой стороны с целью здесь или там отсрочить, быть может, конфликт, с тем чтобы нанести поражение в другом месте. Попытка действовать одновременно в двух направлениях малоперспективна. Мы не можем одновременно заключить мир с обеими сторонами и в то же время не можем продолжительное время вести успешную войну на два фронта.

Возникает вопрос: склонна ли вообще одна из сторон вступить с нами в переговоры, и если да, то какая? Я мало возлагаю надежд в настоящее время на западную сторону, хотя это, естественно, было бы самым логическим разрешением конфликта. Оно соответствовало бы, мой фюрер, представляемой уже давно вашей внешнеполитической установке и дало бы нам широчайшие перспективы для успеха на востоке. Но история нелогична, и даже, если бы, например, Черчилль тайне и желал такого решения, в чем я сомневаюсь, он не мог бы практически осуществить его, так как он связан по рукам и ногам внутривнутриполитически и должен был бы к тому же опасаться, что Сталин при малейшей попытке в этом направлении опередит его. Конференция в Квебеке показала это. Англия находится в поистине трагическом положении. Даже если

бы она осознавала необходимое и правильное, она не могла бы это осуществить. И победа означала бы поражение. Другое дело с Советским Союзом. Внутривнутриполитически Сталин никоим образом не связан. Он может принимать далеко идущие решения, не нуждаясь в предварительной подготовке общественного мнения своей страны. Он пользуется славой хладнокровного реалиста, в чем Черчиллю полностью отказывают. Факты показывают, что Советы планомерно преследуют свои державно-политические цели и умеют использовать благоприятный момент. Но Сталин не был бы человеком хладнокровного расчета, если бы не знал, что рано или поздно он должен будет столкнуться с западными государствами и что нельзя допустить до того, чтобы истечь кровью на восточном фронте и тем более чтобы англичане и американцы овладели подавляющей частью германского военного потенциала. Другими словами, наступил момент, когда во вражеском лагере начинают опять играть свою роль обнаженные державно-политические интересы, а наши политические и военные шансы благодаря этому значительно возросли.

Мы располагаем сильным союзником — Японией. Япония целиком заинтересована в том, чтобы мы каким-либо образом договорились с Советским Союзом. Это является, так сказать, вопросом жизни или смерти в ведущейся Японией войне. Я думаю, что Япония не захочет продолжать эту бесперспективную войну. Она имеет императорский дом с влиятельным двором, а Тенно*, несмотря на свою божественность, все же остается императором. Япония, очевидно, была бы готова принести со своей стороны жертвы для германо-советского соглашения. Наши надежды на союзников в Европе теперь уже бесплодны, так как они сами сдались. Мы имеем еще в руках один шанс, который мы бросим на чашу весов, не навредив этим серьезно делу нашей великой исторической победы на востоке. Такой поворот в ходе войны германский народ приветствовал бы с глубочайшим удовлетворением. Мы получили бы свободу действий на западе, а англичане и американцы не смогли бы под тяжестью таких событий продолжать войну неограниченное время. То, чего мы достигли бы этим, не было бы той победой, о которой мы мечтали в 1941 году, но это было бы все же величай-

* Император Японии.

шей победой германской истории. Жертвы, которые принес германский народ в этой войне, были бы полностью оправданны. Опасность на востоке хотя и не была бы окончательно устранена, но мы были бы подготовлены к ней на будущее. Это еще вопрос, когда наш народ проявляет большие способности: в опасности или вне ее.

Вы, мой фюрер, может быть, отклоните все это как утопию. Но во всяком случае это следовало бы испробовать со всяческой деликатностью и осторожностью, само собой разумеется, так, чтобы в случае неудачи мы во всякое время могли бы отступить без вреда для нашей военной морали или нашего международного престижа. Существуют бесчисленные каналы, через которые можно было бы предварительно прозондировать почву. В мировой прессе так часто утверждают, что мы будто бы предпринимали попытки заключить мир, что в худшем случае такое утверждение больше не имело бы места. Наш народ твердо убежден, что такие попытки давно уже предпринимаются. Последний визит японского посла к вам, мой фюрер, дал этим слухам среди германской общественности новую пищу, к тому же этот визит был отмечен почти во всех газетах. Во всех этих слухах можно легко ощутить, как наш народ реагировал бы на такое развитие событий. Подобный дипломатический удар по западным державам он счел бы высшим достижением германского политического и военного искусства. Нет надобности говорить о том, какое влияние окажет этот удар на нейтральные и вражеские государства. Картина войны сразу резко изменилась бы, а общественному мнению Англии и Соединенных Штатов Америки неизбежно было бы нанесено тяжелое поражение. Мы опять оказались бы на высоте положения, обрели бы свободу действий, могли бы облегченно вздохнуть и затем опять, если будет необходимо, нанести такие удары, которые решились бы исход войны.

Я не могу, однако, умолчать здесь о том, что не считаю нашего министра способным управлять подобным развитием событий. Он руководит учреждением, аппарат которого, как показали многие процессы и приговоры, в большей части коррумпирован и настроен пораженчески. Тем более он не верит в победу и поэтому не может работать для нее с пламенным фанатизмом. Это первый случай, мой фюрер, когда я вам излагаю официально в письменном виде крити-

ческие суждения о коллеге. Я делаю это сегодня потому, что чувствую себя обязанным к этому как национал-социалист. Едва ли найдется кто-либо в германском руководстве партии, государства и армии, который не разделит бы со мной этого суждения. Несколько недель тому назад я имел полуторачасовую беседу с фон Риббентропом, который хотел объясниться со мной по поводу моих статей в «Райхе», и я был чрезвычайно обескуражен его неспособностью понять хорошо обоснованные аргументы, а также отсутствием у него такта и оскорбительным для меня ведением беседы. Престиж для него превалирует над всем. Он не принимает добрых советов, потому что слишком высокомерен и не желает прислушиваться. Он всех обижает, а его столь часто восхваляемая стремительность лишена необходимой духовной эластичности. Он считает внешнюю политику тайной наукой, которой владеет он один, а если он из милости и приоткрывает завесу, то получается всего-навсего дурная передовая статья. Если ему докладывают донесение, поступившее из-за границы по линии какого-либо другого ведомства, то он проверяет не само донесение, а лишь то, каким образом оно могло быть переправлено через границу, несмотря на осуществляемый им строгий контроль всех путей и каналов, ведущих за границу. Если министр иностранных дел дошел до того, что потерял симпатии своих коллег, то я не думаю, что он способен произвести за границей фурор.

Фон Риббентроп при создавшемся положении вещей не может зондировать почву ни на Западе, ни на Востоке. Это достойно сожаления, но это так. Это он узнает сам. Мы должны иметь такого министра иностранных дел, который сочетал бы ясное представление цели и упорство с высокой интеллигентностью и гибкостью. Он должен получить от вас, мой фюрер, четкие директивы для проведения военной политики империи и тогда уже приниматься за работу. Он должен углубить вскрывшиеся во вражеском лагере противоречия, использовать их, извлечь из них выгоду и неотступно и упорно стремиться к тому, чтобы внести раскол во вражескую коалицию. Не удастся это ему сегодня — удастся завтра. Он должен иметь время, чтобы двигать фигуры на шахматной доске военной политики. Он должен окружить себя рядом лучших сотрудников, которые могут говорить и убеждать. Он должен очистить министерство иностранных

дел от пораженцев и тем самым снова создать твердую почву для германской внешней политики. Было бы чудом, если бы при этих условиях он не достиг всех наших целей.

Мой фюрер! Я долго медлил представить вам письменно свои соображения. Нет необходимости специально подчеркивать, что в основе их лежат самые чистые намерения. Я не преследую при этом никаких корыстных целей. Теперь не может идти речь о крошечных самолюбиях отдельных ваших сотрудников. Если мы эту войну когда-нибудь успешно закончим, я буду желать только одного — жить на собственной земле, посвятить себя своей семье и детям и каждые два года писать по книге — лучше всего о вас, мой фюрер, и о титанической борьбе, которую вы ведете всю свою жизнь и в которой я мог стоять рядом с вами верно и бескорыстно. Но сегодня я должен исполнить свой долг перед вами и вашим делом. Ни на один момент я не сомневаюсь в том, что вашей гениальности, вашему мужеству и настойчивости удастся довести до победы эту величайшую в нашей истории войну и обеспечить нашему народу счастливую будущность. Я считаю почти неприличным приходить к вам со своими советами; но ведь вы это все поймете. Они являются результатом бесчисленных одиноких вечеров и бессонных мучительных ночей. Если при этом я ничего другого не достиг, кроме того, что облегчил свое собственное сердце, то по крайней мере для меня достаточно и этого.

Я очень сожалею, мой фюрер, что доставил вам этим заботы, но я думаю, что они и без того лежат на вас угнетающей тяжестью. Нелишне подчеркнуть, что эти мои рассуждения со столь деликатным содержанием я ни с кем не согласовывал и не обсуждал и никого не знакомил с этим письмом. Я не хочу становиться в позу и еще менее разыгрывать роль пророка, а хочу лишь сослужить хорошую службу вам, мой фюрер, и нашему делу, которое должно победить и которое победит...

Хайль, мой фюрер!»

Не только Геббельс приходил к таким еретическим мыслям. Например, в архиве Гиммлера сохранилось письмо его верного сподвижника, обергруппенфюрера СС Готтлоба Бергера, начальника Главного управления СС. Аргументация Бергера в его письме Гиммлеру от 28 сентября 1944 года была такой: положение на фронтах тяжелое, дивизии обескровлены. Солдаты верят только Гитлеру, Гиммлеру и Геб-

бельсу, в то время как Геринг — национальное несчастье. «Постарайтесь, — советовал Бергер, — освободить свои руки на Востоке на рубеже Карпат, а лишь следующий удар нанести на Востоке. Я по-другому отношусь к большевизму. Он не выдержит 1—2 поколений и сам сойдет на нет. Если англо-американцы ворвутся в Германию, то для Сталина будет бесспорно, что он должен вступить с нами в переговоры». И далее: «Если мы в переговорах с Россией достигнем успеха и заключим соглашение с Россией, это окажет воздействие на Англию: Черчилль сразу исчезнет, а победа Рузвельта на выборах станет сомнительной»³³.

Сова Минервы вылетает поздно. Руководителям рейха не мешало бы пораньше задуматься о бесперспективности войны Гитлера против Советского Союза. Но, как говорится, когда боги хотят кого-либо наказать, то...

Военные преступления германского режима, уничтожение целых стран и народов невидимым грузом давили на Германию и ее тогдашних руководителей. Именно эти преступления объясняли панический страх Адольфа Гитлера перед встречей с победоносными армиями Иосифа Сталина, которые приближались к немецкой столице.

Гитлер в клетке?

Безусловно, отношение Сталина к Гитлеру менялось, как менялся и сам Сталин. В 45-м он уже превозмог психологическую травму, нанесенную ему Гитлером в году 41-м. Для оценки состояния Сталина в дни победы — в те дни, когда он действительно победил Гитлера, но не смог его заполучить, — у нас мало аутентичных свидетельств. Но вот одно из них, принадлежащее Молотову, который рассказал о любопытном эпизоде. На дачу к Сталину привезли карту Советского Союза, и он стал ее рассматривать со следующими комментариями:

«Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у

нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально. — И сразу перешел к восточным границам. — Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, — Сталин провел трубой по Китаю, — и КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» — сказал Сталин и показал южнее Кавказа»³⁴.

Победитель, властитель минимум половины мира? Конечно, такого рода эмоции нельзя вменять Сталину в вину. Другое дело, что эту победу принесли ему народы Советского Союза, к которым он относился со смесью пренебрежения и даже презрения. С которыми мог поступать и поступал, как хотел. Еще в 1937 году после очередной ноябрьской праздничной демонстрации на обеде в весьма узком кругу он произнес такую речь, которую после обеда записал в своем личном дневнике Георгий Димитров, руководитель Коминтерна³⁵:

«Стал.: Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство, до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отд. части и национальности, он враг, заклятый враг государства народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!».

Кому тогда были адресованы эти угрозы — нетрудно понять, если учесть, что из 26 присутствовавших не менее 8 были вскоре уничтожены. Но тогда они дружно пили за здоровье великого вождя. Внимание руководителя «штаба мировой революции» Димитрова должно было привлечь другое: неожиданное обращение Сталина к «хорошему делу» русских царей. На первый взгляд, оно не могло не покоробить Димитрова. Но вскоре тому пришлось выслушать больше: рекомендацию Сталина... распустить Коминтерн. 20 апреля 1941 года Димитров записал такие слова Сталина:

«Интернационал был создан при Марксе в ожидании близкой международной революции. Коминтерн был создан при Ленине также в такой период. Теперь на первый план выступают национальные задачи для каждой страны»³⁶.

Сталин напрямик сказал раболепно подчинявшемуся ему болгарину, что Коминтерн «является помехой». Правда, начавшаяся через два месяца война помешала осуществлению плана Сталина. Коминтерн был распущен лишь в 1943 году. Но уже в годы войны тот же Димитров фиксировал в дневнике очередное обращение Сталина к идеям монархии. Беседуя с болгарскими гостями в январе 1945 года, Сталин стал рассуждать о судьбах панславизма, обращение к которому он счел полезным для создания «великого» блока славянских государств в Европе в составе Болгарии, Югославии и СССР (о Польше и Чехословакии речи не шло). И вдруг Сталин стал размышлять:

«Может, мы делаем ошибку, когда думаем, что советская форма единственная, которая ведет к социализму. Оказывается на деле, что сов. форма лучшая, но совсем не единственная. Могут быть и другие формы — демократическая республика и даже в известных условиях — конституционная монархия...»³⁷.

Многие исследователи послевоенного советского периода склоняются к тому, что Сталин вел дело к провозглашению себя монархом. Его явная склонность к возвращению старых царских мундиров и иерархических форм, введение раздельного обучения в школах говорили о многом — ведь описал же замечательный белорусский писатель Алесь

Адамович Сталина в виде государя! Кто бы посмел возразить Сталину, если бы он возложил на себя корону императора всероссийского и всесоветского?..

Но весной 1945 года в Москве думали о другом — о завершении справедливого дела народа, государства и армии: о Победе. 29 марта маршал Жуков прибыл в Ставку для обсуждения последних деталей предстоящей последней битвы, которую решено было начать 16 апреля.

Правда, Адольф Гитлер тешил себя надеждой, что советские войска не пойдут на Берлин. Он говорил в марте генералу Гудериану:

— Русские не будут так глупы, как были мы, когда, ослепленные близостью Москвы, хотели непременно взять ее. Ведь как раз вы, Гудериан, хотели быть первым в Москве со своей армией. Вы должны были бы лучше других знать, к чему это привело...

Да, Гудериан знал, чем это кончилось. Но напрасно Адольф Гитлер успокаивал себя и других, что мощные советские удары минуют столицу третьего рейха. Вместе с Гитлером занимался этим «самоутешением» и немецкий генштаб. Как свидетельствуют германские историки А. Филиппи и Р. Хейм, немецкая разведка располагала сведениями, будто в советском командовании были расхождения: Жуков, мол, хотел наступать на Берлин, а Сталин предпочитал направить удар на Прагу.

Когда уже после войны я при случае рассказал об этом маршалу Жукову, тот рассмеялся:

— Чепуха! Конечно, и на этот раз немцы не знали о наших намерениях. Берлинская операция в это время была не только задумана, но и разработана почти во всех подробностях...

А вскоре она была осуществлена.

В том, какая судьба ожидает Адольфа Гитлера и его соратников в случае поражения Германии в войне, у фюрера, рейхсканцлера и верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии сомнения быть не могло.

Первая декларация — так называемая «Сент-Джеймская» — о наказании за преступления, совершенные во время войны, подписанная 9 государствами, к которым присо-

единились еще 10 государств, была провозглашена в Лондоне 13 января 1942 года. В ней выражалась готовность осуществить как одну из целей войны «наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответствен за эти преступления независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме». 18 декабря 1942 года последовала совместная декларация 12 государств о наказании виновных за истребление населения Европы. В ней прямо упоминался Гитлер. Наконец, Московская декларация СССР, США и Англии от 30 октября 1943 года говорила об ответственности за совершение военных преступлений и вводила понятие «главные военные преступники», наказание коих должно было быть условием «любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии».

Когда в 1944 году в Лондоне три державы начали готовить документы на случай будущей капитуляции Германии, советский проект требовал от Германии выдачи для суда Гитлера, Гиммлера, Геринга, Геббельса, Розенберга и Риббентропа³⁸. Это уточнение в дальнейшем было опущено — имени Гитлера не было в тексте капитуляции (ни в Реймсе, ни в Берлине). Но кто мог сомневаться в неотвратимости наказания? К весне 1945 года уже состоялось несколько процессов против военных преступников, правда, «низшей» категории (в Краснодаре, Харькове). Создание будущего Международного трибунала уже обсуждалось между союзниками.

Речь о наказании главных преступников зашла в начале 1945 года на Ялтинской конференции. Как только Рузвельт прибыл в Крым, он в первой же беседе со Сталиным стал говорить о преступлениях немцев, разрушивших Крым, и о необходимости наказания преступников. Он напомнил Сталину, что тот 4 февраля 1943 года в Тегеране поднял тост за «расстрел 50 тысяч немецко-пруссских офицеров». Рузвельт сказал Сталину (советская запись)³⁹:

"Теперь, когда он увидел в Крыму бессмысленные разрушения, произведенные немцами, он хотел бы уничтожить немцев в два раза больше, чем до сих пор... Это был очень хороший тост".

За столом в Ливадии вопрос о военных преступлениях поднял Черчилль. Стенограмма гласит⁴⁰:

«Черчилль говорит, что он хотел бы обсудить вопрос о военных преступниках. Имеются в виду те военные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

Рузвельт заявляет, что вопрос о военных преступниках сложный. Его невозможно рассмотреть во время нынешней конференции. Не лучше ли передать этот вопрос на рассмотрение трех министров иностранных дел? Пусть они дадут отчет через три-четыре недели.

Черчилль говорит, что он составлял проект декларации о военных преступниках для Московской конференции 1943 года. Черчилль сделал тогда предложение, которое было принято, о выдаче преступников тем странам, где они совершали свои преступления. В названной декларации имеются также упоминания о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Как быть с этими главными преступниками? По мнению Черчилля, прежде всего следует составить список таких лиц с правом пополнения его в дальнейшем. Это изолировало бы их от народов. Черчилль считает, что лучше всего было расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы.

Сталин спрашивает: а как быть с теми преступниками, которые уже пойманы, например с Гессом? Будет ли он включен в список, который предлагает составить Черчилль? Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных нельзя судить.

Черчилль отвечает, что военнопленных, нарушивших законы, конечно, можно привлекать к суду. Иначе преступники войны начнут сдаваться в плен для того, чтобы избежать наказания. Однако Черчилль понял маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?

Рузвельт заявляет, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Черчилль говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим

актом. Черчилль хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить союзным военнопленным.

Рузвельт предлагает передать вопрос о преступниках войны на изучение министрам иностранных дел трех держав.

(Это принимается.)».

Дискуссия закончилась быстро, все предыдущие решения, в их числе и Московская декларация, были подтверждены. Списки стали составляться в Лондоне, однако в проектах документов о капитуляции имени Гитлера и иных решили не упоминать. Советским представителям их западные коллеги рассказали, что идею расправы с Гитлером и иже с ним впервые выдвинул Черчилль в Квебеке в 1944 году, и Рузвельт, было, с ним согласился. Однако возражения Сталина в Ялте были признаны основательными, ибо, как разъяснил в частных беседах советский маршал, отказ от суда мог быть истолкован как боязнь победителей дать слово нацистским обвиняемым.

У Гитлера были свои рецепты победы в войне — они успеха не принесли. Рецепт поражения выглядел однозначно. Шпееру на пороге смерти Гитлер сказал:

— Если война будет проиграна, у народа тоже не будет будущего. Нет нужды беспокоиться о том, что понадобится немецкому народу для элементарного выживания. Напротив, все эти условия лучше уничтожить. Ибо нация показала себя слабейшей, а будущее принадлежит только более сильной, восточной нации. Во всяком случае, эту схватку переживут лишь худшие — лучшие уже погибли...⁴¹

Гитлер уже давно принял подобное решение. 27 ноября 1941 года — а это было как раз в те дни, когда немецкие войска застряли под Москвой, — Гитлер принимал датского министра иностранных дел Скавениуса и вдруг произнес следующие слова:

— Если однажды окажется, что немецкий народ недостаточно силен и не готов к жертвам для того, чтобы пролить свою кровь за собственное существование, то пусть он лучше погибнет и будет уничтожен еще более мощной силой. Он тогда не будет заслуживать того места в мире, которое сегодня себя завоевал...⁴²

Итак, приняв решение еще в 1941 году, весной 1945 года Гитлер приступил к его осуществлению. В этой самоубийственной Германии Гитлеру места не было. Проблема самоубийства не раз обсуждалась в бункере. Например, 30 апреля Гитлер признался своему шеф-пилоту Хансу Бауру: он боится, что русские «обстреляют нас усыпляющими газами, чтобы взять нас живыми в плен». Гитлер добавил, что у немцев такой газ есть, но есть он и у русских. 29 апреля слуга Крюгер присутствовал при разговоре Гитлера и Евы Браун о методах самоубийства, причем речь шла о цианистом калии. Камердинер Гитлера Линге подтвердил эти сведения, добавив, что Гитлер опасался, что «его труп может быть потащен в Москву напоказ». Линге запомнил слова Гитлера о том, что он «не желает, чтобы трупы (его и Евы Браун) попали в Москву на посмешище, как это было сделано с трупом Муссолини в Милане». Полковник Шварц (со слов адъютанта Гитлера Отто Гюнше) сообщал, что в последние дни жизни фюрер «все время находился в состоянии страха перед возможностью попасть в руки русских». В других разговорах Гитлер замечал, что не хочет «попасть в клетку», куда его посадят русские.

О подобном намерении советские источники ничего не говорят. Тем не менее оно могло существовать. Сталин был не прочь устраивать публичные акции — вспомним хотя бы день июня 1944 года, когда через Москву провели тысячи немецких военнопленных с пленными генералами во главе. Ему же принадлежала нашедшая одобрение в народе идея торжественных залпов-фейерверков в честь крупных побед Красной Армии. Таким образом, «клетка для Гитлера» могла стать реальностью.

Кто должен был найти Гитлера

Странное слово «СМЕРШ» придумал Сталин. Когда весной 1943 года было решено преобразовать органы безопасности в Советской Армии, новая организация получила символическое название, образованное из сокращения

фразы «Смерть шпионам». Ее главой стал Виктор Семенович Абакумов — к тому времени генерал-лейтенант, заместитель наркома госбезопасности.

Строго секретное постановление Совета народных комиссаров от 19 апреля 1943 года предусматривало создание в рамках Наркомата обороны, а не в НКВД соответствующего управления для ограждения вооруженных сил от проникновения агентуры противника, для противодействия акциям вражеской разведки и т.д. Будущая функция поиска военных преступников в постановлении не предусматривалась; лишь пункт «ж» говорил, что «СМЕРШ» должен будет выполнять «особые задания народного комиссара обороны». Но это было еще впереди.

Нет слов, военная контрразведка — дело государственной важности. В любом государстве армия всегда является объектом внимания и проникновения со стороны потенциальных и реальных противников. Разведка старается проникнуть в тайны организации, управления, снабжения и вооружения армии и флота. Самые блестящие операции разведок всегда относились к вооруженным силам, и история русской разведки вписала сюда немало интересных страниц — стоит напомнить лишь хрестоматийное дело полковника Редля. Красная Армия с момента своего возникновения должна была защищать себя от вполне реального противника, и последний не замедлил себя показать. Знаменитый и до сих пор до конца не разгаданный английский разведчик Сидней Рейли — он же одесский авантюрист Розенблюм, приехавший в Москву в 1918 году, свою главную цель видел в проникновении в Красную Армию, а именно — в ее сердцевину, которую составляли так называемые «латышские стрелки», охранявшие Кремль и Ленина в нем. Впоследствии советская пропаганда ввела в оборот понятие «заговор послов», то есть заговор послов Франции, США и Англии в Москве, чем, среди других доводов, обосновывалась необходимость «красного террора». Теперь установлено, что послы были притянуты за уши, но заговор военных атташе и их агентов против молодой советской власти действительно существовал, о чем Сидней Рейли писал сам, обещая Черчиллю быструю ликвидацию советского режима.

Уже в 1918 году Феликс Дзержинский, организовавший Чека, создал свои органы контрразведки в частях Красной Армии, получившие впоследствии наименование особых отделов. С 1940-го по июль 1941 года они входили в структуру Наркомата обороны (т.н. 3-е управление), затем стали подчиняться НКВД, а в 1943-м вернулись в НКО. И хотя «особисты» (как их называли в обиходе) были выходцами из рядов Красной Армии, они вскоре стали орудием борьбы преемника Чека — ОГПУ (Объединенное главное политическое управление) против головки Красной Армии, внушавшей подозрения Сталину. Волна политических репрессий 30-х годов была нацелена на верхушку армии — Тухачевского, Якира, Егорова, Блюхера и их друзей. Особые отделы сыграли здесь свою роль старательных исполнительных органов сталинского руководства.

Формально особые отделы входили в военные структуры, их офицеры носили обычную военную форму, хотя подчинялись не военному, а «чекистскому» руководству (НКВД). Насколько губительным этот параллелизм оказался перед началом войны 1941 года, рассказывают недавно опубликованные документы НКВД, из которых ясно: хотя с делом Тухачевского все было давно покончено, особые отделы плели воображаемую сеть «антисоветского заговора», якобы существовавшего в Красной Армии в 1940–1941 годах. Собирались «компрометирующие» данные на высший генералитет, например на генерала Кирпоноса, будущих маршалов Мерецкова, Кулика и Конева, политработников Щаденко, Запорожца, из которых хотели сделать «преемников» не существовавшего заговора Тухачевского — Якира — Уборевича. Например, о Коневе составили справку, что «по официальным материалам он характеризуется... как активный защитник и покровитель врагов народа», скрывавший свое «кулацкое происхождение» (справка за подписью начальника 3-го управления НКО Михеева)⁴³.

Результаты репрессий 30-х годов были губительны. Когда после первых катастрофических поражений июня—июля 1941 года Сталин решил в качестве «образца», призванного утешить всех высших командиров, расправиться с командующим Западным фронтом, бывшим командующим

Белорусским особым военным округом, героем испанских боев генералом Дмитрием Павловым, то услужливые особы немедля «организовали» участие Павлова в... анти-советском (читай: антисталинском) заговоре. Дело Павлова, подобно многим другим, было неким «театром абсурда»: шли страшные бои, Красная Армия истекала кровью (не в последнюю очередь по вине Сталина), а в застенках Лубянки из арестованных советских военачальников выбивали угодные следователям показания. Талантливый танкист, честный человек Дмитрий Павлов, которого Сталин назначил командующим вопреки его воле (Павлов опыта не имел и на столь высокий пост не претендовал), превращался в агента мирового империализма, сознательно предавшего свою советскую родину и, разумеется, Сталина.

Павлов сначала отрицал эти обвинения, но после избиений «признался». Есть страшный документ его признаний⁴⁴:

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ПАВЛОВА ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

*Павлов Д.Г., 1897 года рождения, уроженец Горьковского края, Кологривского р-на, дер. Вонюх, русский, гр-н СССР, быв. член ВКП(б) с 1919 г., до ареста командующий Западным фронтом — генерал армии.
11 июля 1941.*

Допрос начат в 13 час. 30 мин.

Вопрос: *На допросе 9 июля т[екущего] г[ода] вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной Армии в первые дни войны с Германией.*

Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Ответ: *Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т.г.*

Вопрос: *На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявля-*

ете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

Ответ: *Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.*

Признаю, что в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной Армии.

Вопрос: *Не хотите ли вы сказать, что вражескую работу вы начали вести только с 1937 г.? Так ли было в действительности?*

Ответ: *Не отрицаю, что еще в 1934 г. я имел некоторые суждения о заговорщической работе, однако организационно с участниками заговора в Красной Армии я тогда связан не был.*

Вопрос: *С кем вы имели суждения о заговорщической работе?*

Ответ: *В августе 1934 г. в Бобруйск на учения, проводившиеся мною в 4-й танковой бригаде, которой я командовал, приехал бывший начальник Автобронетанкового управления Красной Армии Халепский.*

Халепского я знал с 1932 г. По рекомендации Халепского я был назначен командиром 6-го мехполка и по его же представлению был награжден грамотой ВЦИК и золотыми часами.

Перед началом учений мы беседовали с Халепским на армейские темы. Халепский говорил, что в армии отсутствует твердый порядок, войсковая дисциплина развалена, а руководство не в состоянии перестроить надлежащим образом Красную Армию. В этих условиях трудно что-либо сделать, продолжал Халепский, так как попытки командиров навести порядок в частях встречают со стороны руководства армией резкое противодействие.

Вопрос: *Как вы отнеслись к этому заявлению Халепского?*

Ответ: *К замечаниям Халепского я отнесся одобрительно, тогда он продолжил разговор и заявил, что в армии имеется уже группа решительных командиров, которая противопоставляет себя руководству Красной Армии и ставит перед собой задачу — добиться смены ее руководящей верхушки и выдвижения на высшие командные посты способных и решительных командиров. Вы здесь у себя также должны над этим подумать, заключил Халепский.*

Вопрос: Изложенный вами разговор не дает ясного представления о том, что предложение Халепского носило заговорщический характер.

Ответ: Для меня было очевидно, что речь идет о заговорщической группе среди командиров, в задачу которой входило добиться замены руководства Красной Армии и выдвижения на руководящие посты своих людей. Хотя Халепский и не упомянул лично Ворошилова, однако он недвусмысленно давал понять, что речь идет именно о нем. Антисоветский характер предложения Халепского не вызывал у меня никаких сомнений.

Вопрос: Этот разговор с Халепским у вас был наедине?

Ответ: Нет, вместе со мной была группа командиров, в частности: бывший начальник бронетанковых войск Белорусского округа Сурен Шаумян; бывший командир 3-й мехбригады того же округа Хрулев и бывший командир 5-й танковой бригады Тылтынь.

После отъезда Халепского вместе с Шаумяном, Тылтынем и Хрулевым мы обменивались мнениями по существу предложения Халепского и условились занять независимую по отношению к руководству армией линию и строить работу по своему усмотрению.

Вопрос: Возвратимся к вашему разговору с Халепским. Покажите, что вы ответили ему после его предложения организовать группу командиров для противодействия руководству Красной Армии.

Ответ: Определенного ответа я Халепскому не дал, так как в это время мне доложили о чрезвычайном происшествии (танком был задавлен красноармеец), и пока я отдавал необходимые распоряжения, связанные с этим делом, Халепский уехал.

Не отрицаю, однако, что мое положительное отношение к предложению Халепского было выражено при обсуждении этого вопроса с Шаумяном, Хрулевым и Тылтынем.

Исходя из установок Халепского, я занял линию ограничения прав политработников, чинил препятствия в их работе и одновременно, не согласовывая, как это предусмотрено приказами, с наркомом обороны, начал самовольно устранять от должности и отправлять из части командиров, совершавших незначительные проступки.

Вопрос: Выходит, что к заговорщической работе вы были привлечены Халепским, тогда как в начале допроса вы пока-

зали, что в военно-заговорщическую организацию вас вовлек Мерецков. Как это понимать?

Ответ: Я показываю так, как это было в действительности. После разговора с Халепским никто из заговорщиков ко мне не обращался, и я не считал себя организационно связанным с заговорщической организацией в Красной Армии.

Лишь в 1937 г. в Испании я был посвящен Мерецковым о существовании в Красной Армии заговора и привлечен к вражеской работе.

Вопрос: Что связывало вас с Мерецковым? На какой почве он вовлек вас в заговорщическую организацию?

Ответ: С Мерецковым я познакомился в 1934 г., когда он был начальником штаба Белорусского военного округа, а я в том же округе командовал 4-й мехбригадой. По службе мне приходилось с ним сталкиваться.

Мерецков несколько раз проводил в моей бригаде учения, и у нас установились хорошие взаимоотношения.

В ноябре 1936 г. я был направлен в Испанию, где к тому времени был и Мерецков. Встретил он меня очень радушно, представил главному советнику при военном министре Берзину и ходатайствовал о назначении меня генералом испанской армии. В дальнейшем мы часто разъезжали по фронтам и участвовали в боевых операциях. Это еще более сблизило нас и создало почву для откровенных разговоров.

В феврале 1937 г. я приехал из Алканы в Мадрид и посетил Мерецкова в гостинице. После деловых разговоров мы обменивались с Мерецковым мнением о положении в Красной Армии.

В беседе выяснилось, что оба мы сходимся в оценке состояния Красной Армии. Мы считали, что командный состав Красной Армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной Армии.

В Красной Армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной Армии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу — сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной Армией. «Вот

приедем мы домой,— сказал Мерецков,— нужно и тебе работать заодно с нами».

Вопрос: Что вы ответили Мерецкову?

Ответ: Мерецкову я сказал, что глубоко уважаю военный авторитет Уборевича и готов поэтому примкнуть к группе командного состава, которая идет за Уборевичем.

Вопрос: Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

Ответ: Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации.

Вопрос: Какие практические задачи поставил перед вами Мерецков?

Ответ: В этот раз никаких практических заданий Мерецков мне не давал.

Допрос прерывается в 17 час. 10 мин.

Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь.

(Д.) Павлов

Допросили:

Зам. начальника следчасти

3-го Управления НКО СССР

ст. батальонный комиссар

Павловский

Следователь 3-го Управления НКО СССР

ст. лейтенант госбезопасности

Комаров»

Следователь Комаров был хорошо известен на Лубянке как мастер «выбивать» необходимые показания, и ему не раз поручали такие дела, в том числе и после войны. Но, ознакомившись с абсурдными показаниями Павлова (от которых тот через несколько дней отказался на суде), Сталин решил по-иному: в ходе дела эти обвинения Павлову не предъявлять, они отсутствуют в тексте смертного приго-

вора, который говорит о каких-то военных ошибках Павлова (в сущности, он честно выполнял указания Генштаба). Армию надо было припугнуть, и этого Сталину было достаточно⁴⁵.

Покушение на Сталина?

Было бы ошибкой полагать, что контрразведка в Красной Армии была лишь напрасной выдумкой советских органов безопасности. Немецкая сторона была исключительно активна в засылке агентуры. Вальтер Шелленберг вспоминал, что Гиммлер однажды изложил ему недовольство фюрера деятельностью разведслужбы на Восточном фронте, на что Шелленберг ответил: «Для борьбы со столь гигантским врагом, как Россия, необходима массовая заброска агентов»⁴⁶.

Обосновавшиеся на захваченной территории абверкоманды активно вербовали из советских военнопленных и местных жителей агентов для ближней и глубокой разведки. Они либо перебрасывались через линию фронта, либо выбрасывались с самолетов. Начиная с 1942 года под руководством абвера и СД проводилась широкая операция «Цеппелин», призванная дать большой разведывательный эффект. Замышлялись и иные, далеко идущие операции.

Покушение на Сталина — эта тема не раз обсуждалась в верхах рейха. Вальтер Шелленберг вспоминал об одном из таких обсуждений, участниками которого были Риббентроп, Гитлер, Гиммлер и сам Шелленберг. Где-то в 1944 году (Шелленберг время не уточняет) Риббентроп пригласил к себе молодого начальника VI Управления РСХА и рассказал под секретом, что разработал такой план: необходимо «завлечь» Иосифа Сталина за стол дипломатических переговоров и при этих переговорах его... убить, за что брался сам министр. Именно для этой цели Риббентроп хотел получить у Шелленберга, во-первых, согласие на его личное участие в будущей операции и на «техническую помощь». Риббентропу стало известно, что в ведомстве Шелленберга разработали револьвер в виде самопишущей ручки, который стреляет на расстоянии 6—8 метров...

Эта бредовая идея осталась невыполненной, зато был разработан другой план: укрепить на автомашине Сталина мину-присоску, управляемую по радио на расстоянии до 7 километров. Шелленберг о плане⁴⁷:

«Два военнопленных офицера Красной Армии, прошедшие долгие годы в заключении в Сибири и ненавидевшие Сталина, — а один из них был знаком с монтером из сталинского гаража — взялись за это задание. Они были высажены с тяжелого самолета вблизи Москвы вместе с русской полицейской автомашиной. Под видом полицейского патруля они наверняка могли бы достичь центра русской столицы, так как не только тренировались для этой операции, но располагали нужными бумагами. Однако план сорвался. Мы никогда и ничего не узнали об этих людях или о попытке покушения на Сталина».

Возможно, что Шелленберг кое-что спутал в подробностях, но летом 1944 года случилось нечто подобное.

5 сентября 1944 года над селом Завражье близ Ржева сел подбитый немецкий самолет. Сотрудники «СМЕРШ», следившие за посадкой, наблюдали, как от самолета на мотоцикле отъехали двое — мужчина и женщина. Их быстро задержали. Выяснилось, что они на мотоцикле (не на автомобиле, как писал Шелленберг) собирались выполнять задание, полученное в абверштелле Риги.

Задержанные — Петр Таврин и Лидия Шилова, одетые в офицерскую форму майора и младшего лейтенанта Советской Армии (у Таврина была Звезда Героя Советского Союза), — сначала показаний не давали, заявляя, что они сотрудники «СМЕРШ» 1-го Прибалтийского фронта. Однако их документы оказались фальшивыми, и оба были отправлены в Москву. Уже 5 сентября они признались, что прибыли по заданию немецкой разведки. С каким заданием? Об этом Таврина допрашивали на Лубянке три высоких чина НКВД. Протокол гласит⁴⁸:

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ТАВРИНА ПЕТРА ИВАНОВИЧА

Таврин П.И., 1909 года рождения, урожен. с. Бобрин, Нехинского района, Черниговской обл., УССР, русский, в 1942 г. на фронте вступил в кандидаты в члены ВКП(б), образование незаконченное высшее, до войны работал нач. Туринской геологоразведочной партии Исыковского приискского управ-

ления, прииск «Урал-Золото». В Красную армию призван 14-го августа 1941 года.

Вопрос: 5 сентября с.г. при вашем задержании вы заявили, что являетесь агентом германской разведки. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я действительно являюсь агентом германской разведки.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с германской разведкой?

Ответ: 30-го мая 1942 года, будучи командиром пулеметной роты 1196 полка 369 стрелковой дивизии 30 армии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 года в гор. Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо БАЙЕР и ТЕЛЬМАН и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие.

Вопрос: Когда и каким путем вы были переброшены через линию фронта?

Ответ: Через линию фронта я был переброшен германской разведкой в ночь с 4 на 5 сентября с.г. с рижского аэродрома на 4-х моторном транспортном самолете специальной конструкции. Немецкие летчики должны были высадить меня в районе Ржева и возвратиться в Ригу. Но самолет при посадке потерпел аварию и подняться снова в воздух не смог.

Вопрос: В чем заключается «специальность» конструкции самолета, в котором вас перебросили?

Ответ: Этот самолет снабжен каучуковыми гусеницами для приземления на непригодных площадках.

Вопрос: А разве не была заранее подготовлена площадка для посадки самолета, на котором вы были переброшены?

Ответ: Насколько мне известно, площадка никем не была подготовлена и летчики произвели посадку самолета, выбрав площадку по местности.

Вопрос: Для какой цели вы имели при себе мотоцикл, отобранный у вас при задержании?

Ответ: Мотоцикл с коляской был дан мне германской разведкой в Риге и доставлен вместе со мной для того, чтобы я имел возможность быстрее удалиться от места посадки самолета и этим избежать задержания.

Вопрос: С какими заданиями вы переброшены германской разведкой через линию фронта?

Ответ: Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя советского государства И.В.СТАЛИНА.

Вопрос: И вы приняли на себя такое задание?

Ответ: Да, принял.

Вопрос: Кто вам дал это задание?

Ответ: Это задание мне было дано начальником восточного отдела «СД» в Берлине подполковником «СС» ГРЕЙФЕ.

Вопрос: Кто персонально должен был совершить террористический акт?

Ответ: Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа «СД» в Риге, именуемого главной командой «Цепелин» («Норд»), майором КРАУС Отто, я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и взрывных пуль, специальным аппаратом под названием «панцеркнаке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

Вопрос: Что это за аппарат?

Ответ: «Панцеркнаке» состоит из небольшого ствола, который при помощи специального кожного манжета закрепляется на правой руке. Аппарат портативный и может быть замаскирован в рукаве пальто. В стволе помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производится бронебойно-зажигательными снарядами.

Перед переброской через линию фронта я тренировался в стрельбе из «панцеркнаке», при этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм.

Вопрос: Каким образом вы намеревались использовать это оружие?

Ответ: Подготавливавший меня для террора названный мною выше майор «СС» КРАУС Отто предупредил меня, что машины, в которых ездят члены советского правительства, бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами. «Панцеркнаке» я должен был применить в том случае, если бы мне представилась возможность совершить

террористический акт на улице во время прохождения правительственной машины.

Вопрос: А для какой цели предназначались отобранные у вас при задержании отравленные и разрывные пули?

Ответ: Этими пулями я должен был стрелять из автоматического пистолета в том случае, если бы очутился на близком расстоянии от И.В.СТАЛИНА.

Вопрос: Расскажите подробно, каким путем вы должны были совершить террористический акт? Какие указания в этой части вы получили от германской разведки?

Ответ: Майор КРАУС поручил мне после высадки с самолета проникнуть в Москву и легализоваться. Для этого я был снабжен несколькими комплектами воинских документов, большим количеством чистых бланков, а также множеством штемпелей и печатей военных учреждений.

Вопрос: Как вы должны были проникнуть в Москву?

Ответ: В Москву я должен был следовать с документами на имя заместителя начальника контрразведки «СМЕРШ» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. По прибытии в Москву я должен был этот документ сменить.

Вопрос: Почему?

Ответ: Мне было указано, что документы «СМЕРШ» абсолютно надежны и что я по ним проникну в Москву, не вызвав никаких подозрений.

Но, как объяснил мне КРАУС, по этому документу находится длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если я по прибытии в Москву изготовлю из имеющихся у меня чистых бланков документ на имя офицера Красной Армии, находящегося в отпуску после ранения. В Москве я должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам.

Вопрос: Что вы должны были сделать дальше?

Ответ: Обосновавшись таким образом в Москве, я должен был, расширяя круг своих знакомых, устанавливать личные отношения с техническими работниками Кремля либо с другими лицами, имеющими отношение к обслуживанию руководителей советского правительства. При этом КРАУС рекомендовал мне знакомиться с женщинами, в частности с такой категорией сотрудниц, как стенографистки, машинистки, телефонистки.

Вопрос: Для какой цели?

Ответ: Через таких знакомых я должен был выяснить места пребывания руководителей советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где должны происходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства.

КРАУС предупреждал меня, что такие сведения получить нелегко, и поэтому рекомендовал с нужной мне категорией женщин устанавливать интимные отношения. Он даже снабдил меня специальными препаратами, которые при подмешивании в напитки вызывают у женщин сильное половое возбуждение, что я и должен был использовать в интересах порученного мне дела.

Независимо от степени близости с людьми, сведения о членах правительства мне поручено было выведать в очень осторожной форме.

Для проникновения на торжественные заседания с участием членов правительства я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: Перед переброской через линию фронта германской разведкой мне были даны: золотая звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена «Красного Знамени», орден «Александра Невского», орден «Красной Звезды» и две медали «За отвагу», орденские книжки к ним, а также специально сфабрикованные вырезки из советских газет с Указами о присвоении мне звания Героя Советского Союза и награждении перечисленными орденами и медалями.

Должен заметить, что германская разведка своих агентов, забрасываемых в СССР, снабжает фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но мне были выданы подлинные.

Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И.В.СТАЛИНУ и стрелять в него отравленными и разрывными пулями.

Работниками германской разведки, в частности ГРЕЙФЕ и КРАУС, мне было также указано, что, если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства.

Вопрос: Против кого именно?

Ответ: Против В.М.МОЛОТОВА, Л.П.БЕРИЯ и Л.М.КАГАНОВИЧА. Причем для осуществления террора

против них я должен был руководствоваться теми же указаниями, какие мне были даны ГРЕЙФЕ и КРАУС в отношении осуществления террористического акта против И.В.СТАЛИНА...

Вопрос: Кто вас практически подготавливал на роль террориста кроме КРАУСА?

Ответ: Практически кроме КРАУСА меня никто не подготавливал, если не считать трех бесед со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Кто такой СКОРЦЕНИ и для чего вам были организованы встречи с ним?

Ответ: СКОРЦЕНИ был известен мне из газет, как руководитель и личный участник похищения из Италии МУССОЛИНИ, после того, как он был взят в плен англичанами. В первой беседе со мной в ноябре 1943 года в Берлине СКОРЦЕНИ расспрашивал о моем прошлом и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью. Цель этого свидания стала для меня ясна несколько позже, после второй встречи со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Расскажите об этой встрече подробно.

Ответ: В январе 1944 года, находясь в Риге, я получил приказ КРАУСА выехать в Берлин. Сопровождал меня переводчик «СД» ДЕЛЛЕ. По прибытии в Берлин я узнал от ДЕЛЛЕ, что полковник ГРЕЙФЕ погиб в начале января 1944 г. во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор «СС» ХЕНГЕЛЬХАУПТ.

ДЕЛЛЕ мне сообщил, что ХЕНГЕЛЬХАУПТ вызвал меня для личного знакомства, но придется подождать некоторое время, так как он занят и не может меня принять.

Через два-три дня мне была организована встреча со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Где происходила эта встреча?

Ответ: ДЕЛЛЕ привез меня в служебный кабинет СКОРЦЕНИ на Потсдамерштрассе № 28. Кроме СКОРЦЕНИ в кабинете находились еще два неизвестных мне работника «СД».

В беседе СКОРЦЕНИ объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях организованного им похищения МУССОЛИНИ. СКОРЦЕНИ заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. СКОРЦЕНИ рассказал, как

во время похищения МУССОЛИНИ он перепрыгнул через ограду замка, очутился в 2-х шагах от стоявшего на посту карабинера. «Если бы я тогда хоть на секунду замешкался,— заявил СКОРЦЕНИ, — то погиб бы, но я без колебаний прикончил караби́нера и, как видите, выполнил задание и остался жив».

Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, действующий в операции, может остаться живым и стать «таким же героем», каким стал он — СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Вы рассказали только о двух встречах со СКОРЦЕНИ. Когда же состоялась ваша третья встреча с ним?

Ответ: Третья встреча со СКОРЦЕНИ состоялась также в январе 1944 года в Берлине.

Вопрос: О чем вы говорили в этот раз?

Ответ: СКОРЦЕНИ в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и под конец прямо поставил передо мной вопрос — возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провел в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такой операции в СССР значительно сложнее, чем похищение МУССОЛИНИ из Италии.

Вопрос: Почему СКОРЦЕНИ интересовался вашим мнением по этому вопросу?

Ответ: У меня создалось впечатление, что СКОРЦЕНИ разрабатывает план похищения кого-то из руководителей советского правительства».

Допрос Таврина вели «тузы» чекистской колоды: начальник отдела НКВД по борьбе с бандитизмом генерал Леонтьев, заместитель начальника 2-го Управления НКГБ генерал Райхман и начальник отдела Главного управления «СМЕРШ» полковник Барышников. Протокол очень обширен и содержит показания Таврина о восточном отделе СД, о власовской армии и немецкой агентуре. Признаться, у меня zakралось сомнение: не было ли это красивой фальшивкой, предусмотренной для того, чтобы отличиться перед Сталиным? Однако против этой версии говорит мно-

гое: во-первых, упоминание о покушении в мемуарах Шелленберга, во-вторых, тот факт, что Таврин (его настоящая фамилия Шило) и его жена (Адамчик) были использованы НКГБ для долгой и успешной радиоигры с их бывшими вербовщиками вплоть до апреля 1945 года. Наконец, известно, что после ареста Шило произошли изменения в организации охраны Сталина.

Финал же оказался традиционным: когда оба стали не нужны НКГБ, их предали суду за измену Родине и 1 февраля 1952 года на закрытом заседании Верховного Суда приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в марте—апреле 1952 года.

Покушение на Гитлера?

То, что с немецкой стороны задумывались о том, что надо ликвидировать Сталина, было вполне логичным. Но не менее логичными для НКВД были и планы ликвидации Гитлера. Опыт подобного рода уже имелся, если вспомнить об убийстве Льва Троцкого в 1940 году, ликвидации пронемецкого лидера украинских националистов Евгения Коновальца, о похищении ряда руководителей белой эмиграции. И если 5 июля 1941 года Берия создал специальную группу для организации разведывательной и диверсионной деятельности в немецком тылу, а начальником группы был назначен генерал НКВД Павел Судоплатов — убийца Коновальца, а его заместителем Наум Эйтингон — руководитель убийства Троцкого, то как было этим двум профессионалам не задуматься об убийстве Гитлера?

Именно на Лубянке родилась идея организации акций, направленных против высших руководителей третьего рейха⁴⁹. Первые из подобных акций выглядели весьма странно, так как должны были быть выполнены при... захвате немцами Москвы. В конце сентября — октябре 1941 года такая возможность не только не исключалась, но была положена в основу активной подготовки для создания московского партийного подполья. Это решение было принято с учас-

тием Сталина, после чего Александр Щербаков — секретарь ЦК и МК — дал соответствующее указание начальнику Управления НКВД по Москве Михаилу Журавлеву. В Москве создавались организованное подполье, диверсионные группы, система связи. Рассматривая подобные планы, думали и о том, что в побежденную Москву, безусловно, прибудет Адольф Гитлер. Тогда не знали о существовании особого распоряжения того же Гитлера о том, что ни в Москву, ни в Ленинград немецкие войска — а тем более сам фюрер! — вступать не должны. Но, исходя из исторических реминисценций, московские чекисты полагали, что по примеру Наполеона Гитлер прибудет в Москву и, возможно, будет принимать там парад войск. Эти мероприятия подпольщики должны были использовать для организации покушения. Подумать только: Гитлер убит в захваченной немцами Москве! Какой всемирный резонанс имела бы такая акция!

Успешное контрнаступление Красной Армии изменило предпосылки для деятельности группы Судоплатова — Эйттингона. Надо было искать иные возможности для охоты за Гитлером.

В Москве, разумеется, внимательно наблюдали за передвижениями фюрера. Тщательно читали немецкую и иную прессу, собирали сведения у военнопленных, через партизан. Вот почему с особой радостью в Москве прочитали донесение от украинского НКВД, что со второй половины июня 1942 года под Винницей немцы начали сооружение полевой ставки верховного главнокомандования, а 10—15 июля сюда прибыл сам Гитлер!⁵⁰ Сегодня из журналов гитлеровской ставки известно, что полевая ставка под условным наименованием «Вервольф» («Оборотень») была сооружена вблизи Винницы, а Гитлер с апреля по октябрь 1942 года руководил оттуда боевыми действиями, иногда вылетая в свою баварскую резиденцию «Бергхоф» или в Берлин. В конце года он покинул «Вервольф» и лишь посетил Винницу в октябре 1943 года.

Тем не менее в НКВД решили проверить данные, а затем начать приготовления к возможной операции. Выбор пал на специально подготовленный диверсионный отряд

под руководством будущего Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Медведев был мастером своего дела, но у его отряда был большой недостаток: он действовал в районе Ровно, то есть значительно западнее Винницы. Винницкие же партизаны не располагали нужными силами. Поэтому дело затянулось. Медведевцы лишь позже достали необходимые сведения, захватив осенью 1943 года документы со схемой «Вервольфа». Рассматривался даже вариант бомбежки ставки с воздуха. За Винницей велось тщательное наблюдение. 25 января 1943 года Берия представил на имя Сталина показания пленного немецкого летчика, подробно описавшего ставку «Вервольф»⁵¹. Однако эти данные не могли уже пригодиться: Гитлер в 1943 году был в Виннице лишь недолго, а затем покинул ее навсегда, перебравшись в ставку «Вольфшанце» близ восточнопрусского города Растенбург.

Тандем Судоплатов — Эйтингон был по-своему идеален. Коренной пролетарий, пользовавшийся полным доверием и имевший давний стаж в ЧК, Судоплатов умел хорошо ладить с начальством и находить фарватер в бурных лубяньских водах. Выходец из бедной еврейской семьи, Наум Эйтингон имел два минуса: во-первых, свое происхождение (в 40-х годах это уже вызывало подозрение, а в 50-х привело Эйтингона в тюрьму), во-вторых, эсеровское прошлое. Но перевесили блестящий комбинационный ум, всесторонняя подготовка (военная академия), знание языка и большая практика нелегала на Дальнем Востоке, в США, во Франции, в Испании и Мексике.

Задача выглядела так: для организации любой операции в самой Германии нужно было заслать туда верных и умелых людей. Это было трудной, но выполнимой задачей.

Для операции надо было искать человека, а для него — легенду. Она была найдена благодаря одному случаю, попавшему в поле зрения НКВД. Осенью 1941 года при невыясненных обстоятельствах к немцам под Москвой перешел известный артист Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин. Сын знаменитой актрисы Малого театра, он был личностью неординарной: ни в одном театре не уживался, блестяще играл с небольшой собственной труппой траги-

ческие роли, но пользовался репутацией неуравновешенного человека, к тому же склонного к загулам. Когда немцы подошли к Москве, он остался на своей даче в Новом Иерусалиме. Вскоре его хорошо поставленный голос зазвучал на волнах немецких радиостанций, вещающих на Красную Армию. Вопрос ставился так: а если послать человека как бы к Блюменталь-Тамарину?

Осведомленность НКВД о советском обществе уже тогда была известна. Всеслышащие уши и всевидящие глаза секретной службы были ее непременными атрибутами. Особенно внимательное наблюдение велось за деятелями культуры и искусства. Был и специальный отдел в Секретно-политическом управлении НКВД.

Виктор Николаевич Ильин в предвоенный период занимался именно этой сферой. Участник гражданской войны, политработник, заместитель директора треста «Союзкинохроника» (на фото он изображен в этом качестве вместе со Сталиным в день его 50-летия), с 1933 года он работал в НКВД, зная в Москве вся и всех. Благодаря этому Ильину и удалось найти путь.

Цепочка выглядела так: Блюменталь-Тамарин, женатый на актрисе Инне Лащилиной, был в ближайшем родстве с известной в Москве артистической семьей. Красавица Августа Миклашевская, игравшая в Камерном театре, была последней любовью Сергея Есенина, а ее муж, танцор Лев Лащилин, был братом Инны, супруги Блюменталь-Тамарина. Ильин знал и сына Августы — молодого и энергичного Игоря, начинающего боксера. Таким образом, комбинация выглядела так: послать за линию фронта Игоря, который, вполне естественно, будет ссылаться на свое родство с дядей Всеволодом.

Сказано — сделано. Ильину осенью 1941 года не составило труда установить, что Игорь Миклашевский служит в армии где-то под Ленинградом, куда майор госбезопасности немедля полетел, разыскал красноармейца Миклашевского и привез его в Москву.

Игорь охотно согласился на предложение Ильина работать в тылу врага. Молодой человек, способный боксер (стал чемпионом Ленинградского военного округа), был рад

использовать свои способности в ответственном деле. Началась подготовка к опасной работе: изучение легенды, приобретение навыков к разведывательной и диверсионной деятельности. Она заняла примерно полгода, после чего Миклашевский зимой перешел линию фронта.

Надо полагать, что весной 1942 года Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были немало обрадованы сообщением, пришедшим из Берлина: Игорь Миклашевский достиг цели.

Игорю пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы немецкой контрразведки. Его тщательно проверяли — не советский ли агент, подсаживали осведомителей, даже инсценировали расстрел. Но в конце концов Игорю поверили, зачислили в «восточный легион», разрешили встретиться с дядей Всеволодом и тетей Инной. Он стал осматриваться среди будущих власовцев, посещать так называемый «восточный комитет». Правда, его свобода передвижения была ограничена. Зато помогла боксерская перчатка. Его стали выпускать на ринг, и во время одного из боев его заметил знаменитый Макс Шмелинг — чемпион мира, гордость нацистского спорта, лично принятый в высших кругах рейха. Шмелинг подарил Игорю свою фотокарточку с автографом, что стало для «легионера» своеобразным пропуском, учитывая славу и репутацию Шмелинга.

Но Игорь посетил не только дядю и тетю. Ему в Москве был дан один берлинский адрес, куда он должен был «заглянуть» и по возможности обосноваться. Имя, названное в Москве: Ольга Константиновна Чехова.

Подлинная роль знаменитой немецкой актрисы Ольги Чеховой еще требует выяснения. Ее мемуары, вышедшие под названием «Я ничего не скрываю», лишь чуть-чуть приоткрыли завесу: из них лишь ясно, что она действительно была вхожа в высшие круги, не раз встречалась и беседовала с Гитлером, Герингом и Геббельсом, порой позволяя себе большие вольности. Например, как она сама пишет, перед нападением на Советский Союз предупреждала об опасности и безнадежности этого предприятия.

Ольга Константиновна Книппер родилась в 1897 году на Кавказе в семье известного инженера-железнодорожника, причем пути трех детей Константина оказались различными. Ада уехала в Германию, где стала преподавателем русского языка. Лев служил в Белой армии, но в 1921 году вернулся из Югославии в СССР и стал известным советским композитором. Автор многих симфоний и опер, он завоевал всемирную известность песней «Полюшкополе». Немалые услуги Книппер оказал и советской разведке.

Ольга же, натура художественная, начала со скульптуры, но перешла на сцену. Нашумел ее недолгий брак с великим русским актером Михаилом Чеховым. Но не менее существенной в ее жизни оказалась роль ее тетки — знаменитой Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, одной из основательниц МХАТ, жены великого писателя. Младшая Ольга играла у Станиславского, но после развода уехала в 1921 году в Германию, где сделала большую карьеру на подмостках, но главное — на экране. В Германии она стала одной из самых известных звезд немецкого и мирового кино. Ольга Чехова прожила бурную и долгую жизнь, скончалась в 1980 году.

Об Ольге Чеховой бродило по миру немало легенд, в том числе и о ее тесных связях с далекой родиной. Павел Судоплатов утверждает: да, так оно и было. Он узнал об этом не от кого иного, как от Лаврентия Берия, который был в курсе деятельности Чеховой, ее огромных связей. От нее в Москве знали о многом важном, что совершалось в имперской канцелярии.

Ольга Чехова принадлежала к числу немногих, кто считался «личным агентом» Лаврентия Берия. Это означало, что все связи с ней контролировались лично наркомом. Когда зашла речь о посылке Льва Книппера в Швецию для организации встречи с Чеховой, эта идея была отвергнута Берия лишь потому, что встреча могла быть «засечена» немецкой агентурой. Берия не хотел рисковать своим «личным агентом», которого никогда не видел, но сообщения которого (порой не очень значительные) сам устно докладывал Сталину. Тому было весьма лестно ощущать, что уз-

нает какие-то, может и не столь важные, подробности из жизни «высшего нацистского света».

Другого своего «личного агента», который должен был помочь в организации покушения на Гитлера, Берия лично знал и даже сам завербовал его. Это был князь Януш Радзивилл, крупнейший польский магнат, парламентский деятель и друг Германа Геринга. Осенью 1939 года, когда Красная Армия вступила в Польшу, Радзивилла арестовали, привезли в Москву, где с ним начали «работу». Как вспоминал в мемуарах сам Радзивилл, Берия воскликнул:

— Вы человек, который нам нужен!⁵²

Радзивилла освободили, он вернулся в Польшу, не раз посещал Берлин и информировал Москву о тамошних настроениях. Его Судоплатов собрался подключить к операции наряду с Чеховой.

Именно к Чеховой должен был явиться Игорь Миклашевский, которого тот же Судоплатов именует членом боевой группы. К группе принадлежали еще три опытных разведчика, приехавшие из Югославии. Эти бывшие офицеры Белой армии обладали и знаниями, и умением подпольной и диверсионной деятельности. Группа, по замыслу Судоплатова и Эйтингона, должна была начать практическую подготовку покушения на Гитлера: установить реальные подходы, собирать необходимую оперативную информацию. Группа располагала связью с Москвой — правда, не по радио, а через систему так называемых «мертвых почтовых ящиков», из которых верные люди изымали послания и передавали (опять же через Швецию) в Москву. По этому пути пришло первое извещение о Миклашевском. Пришли и другие сведения, в частности содержавшие пессимистическую оценку возможностей использования Ольги Чеховой в интересах специального задания. Игорь сообщал, что едва ли удастся «обосноваться» у нее. В своем очередном сообщении Игорь доносил, что у него есть подходы для организации покушения на Геринга. Однако в Москве думали о большем — о Гитлере.

Но здесь-то и появилось еще одно — на этот раз непреодолимое — препятствие. Судоплатов и сегодня считает, что, хотя разработка находилась в начальной стадии, груп-

па могла реализовать план. Если бы было получено «высочайшее благословение», то в Берлин были бы брошены все силы, все специалисты.

Но «благословения» дано не было. План покушения на Гитлера, разумеется, докладывался Сталину. Однажды в 1943 году нарком госбезопасности Меркулов и Судоплатов прибыли по вызову на «ближнюю дачу» в Кунцево. Они знали, что Сталину уже докладывали о секретном замысле и тот одобрил его, — иначе трудно было бы что-либо готовить.

На этот раз дело повернулось иначе. Сталин выслушал прибывших и неожиданно сказал:

— Этого делать не надо.

В обычаи того времени не входило спрашивать Верховного главнокомандующего, наркома обороны, председателя Совнаркома и генсека ЦК ВКП(б), почему он решает так или иначе. Однако, когда в 1944 году Меркулов и Судоплатов еще раз рискнули задать вопрос о покушении, Сталин разъяснил: пока жив Гитлер, он не пойдет на сепаратное соглашение с Западом. А для США и Англии не может быть и речи о сделке, пока у руля находится Гитлер. Другое дело, ежели Гитлер исчезнет. Возможен приход к власти Геринга или Папена, с которыми западные державы могут сговориться...

Судоплатов не знал, что Сталину уже один раз предлагали убить Гитлера. Это предложение пришло в 1938 году в Москву от одного из агентов военной разведки, который имел возможность посещать мюнхенскую пивную «Остерия — Бавария», где часто бывал Гитлер. Эта небольшая пивная могла стать идеальным местом для террористического акта. Однако Сталин не одобрил этого предложения, что вызвало у агента понятное разочарование.

Игорь Миклашевский не получил из Москвы необходимой команды. Он оставался в Германии до конца 1944 года и выполнял другие опасные задания, после чего бежал в Бельгию и во Францию к бойцам Сопротивления. Из-за границы он вернулся в Москву, заслужив боевой орденом Красного Знамени. Бомбу для Гитлера подложил не он, а граф Штауффенберг.

Что же произошло в Берлине

Сталин не только решил «пощадить» Гитлера в 1944 году. Он, безусловно, хотел заполучить Адольфа Гитлера живым. В ночь на 1 мая 1945 года из разговора с маршалом Жуковым он узнал, что это стало невозможным. Такой непредвиденный Сталиным факт и стал источником всех странных событий, разыгравшихся вокруг Гитлера после его смерти. Сталин не хотел мириться с фактом самоубийства Гитлера, а когда Сталин не хотел...

Командная пирамида органов, которые должны были найти Гитлера живым или мертвым, выглядела так:

В Москве — Управление «СМЕРШ» и его начальник, заместитель наркома обороны (т.е. Сталина) генерал-полковник Виктор Абакумов. Занимался этим и сам нарком внутренних дел Берия.

В Берлине — заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом, генерал-полковник Иван Серов, подчиненный как Берия, так и Жукову; Абакумову в Берлине подчинялось фронтовое управление «СМЕРШ» под руководством генерал-лейтенанта Александра Вадиса.

В войсках — отделы «СМЕРШ» армий, вступивших в Берлин, — 3-й и 5-й ударных, 47-й, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. Однако особая роль выпала отделу «СМЕРШ» 3-й ударной армии, куда в апреле прибыл «для усиления» в качестве заместителя начальника опытный чекист полковник Василий Горбушин. О личном задании приступить к розыску Гитлера ему сообщил генерал Серов.

Насколько организовано шли розыски? С одной стороны, от ветеранов (Горбушина, Клименко и др.) я слышал, что специальных розыскных предписаний или директив они не получали. Все предпринималось как бы само собой. В архиве я обнаружил проект, составленный Лаврентием Берия примерно в апреле 1945 года (дата не проставлена). В нем предусматривалось создание при командующих фронтами специальных постов их «заместителей по делам гражданской администрации». В обязанности заместителей должны были входить розыск и наказание военных пре-

ступников, борьба с нацистским подпольем. Особенно важен был пункт, что эти заместители **прямо** подчинялись наркому внутренних дел, то есть Берия. Этот проект был одобрен Сталиным и превращен в постановление Государственного комитета обороны за номером 6377 от 2 мая 1945 года⁵³. Заместители «по управлению гражданскими делами» учреждались на 1-м и 2-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах; на 1-м Белорусском таким заместителем был Иван Серов. Это был приказ с дальним прицелом: именно он позволил Серову в мае вести все расследование помимо Жукова, докладывая данные о Гитлере **прямо** в Москву, Берия. 18 апреля было отдано специальное указание о розыске нацистских руководителей.

«СМЕРШ» можно упрекать и обвинять во многом. Единственное, в чем генералов, офицеров, солдат этого секретного органа упрекнуть нельзя, — в бездействии. Сегодня по архивным документам и свидетельствам очевидцев, с которыми я беседовал начиная с 1962 года по сегодняшний день, можно установить хронологию их операций, давших основу для тех причесанных и «обобщенных» докладов, которые поступили на имя Сталина.

История обнаружения останков обитателей «фюрербункера» не поддается полному восстановлению по ряду причин. Первая из них — специфика этой истории, которая с момента ее начала была строжайше засекречена, как это было свойственно сталинским органам госбезопасности. О подробностях розысков их участникам было приказано молчать, а так как это были кадровые сотрудники органов, то приказ выполнялся неукоснительно, по крайней мере первые 25 лет. Когда же запрет был ослаблен, то ряды участников сильно поредели. Следует иметь в виду и то, что в спешке майских дней 1945 года документы составлялись подчас небрежно и неполно и впоследствии не корректировались. Наконец, когда участники розысков стали вспоминать, что-то оказалось стертым прошедшим временем, и воспоминания потеряли отчетливость.

Эти обстоятельства мне пришлось учитывать, когда в 1965 году — 30 лет назад! — я, изучив документы, стал «объ-

езжать» тех, чьи имена стояли в актах и протоколах. Начальника отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии отставного полковника Ивана Мирошниченко я нашел в Краснодаре, его заместителя Василия Горбушина — в Ленинграде, начальника отдела «СМЕРШ» 79-го корпуса Ивана Клименко — в Одессе, его офицера Георгия Аксенова — в Городке, врача Фауста Шкаравского — в Киеве. В Москве самую большую помощь оказала мне бывшая переводчица Елена Ржевская (Каган), литературный талант которой сочетался с острой наблюдательностью и памятью на детали. Не обошлось, конечно, без разнобоя и даже споров между уважаемыми ветеранами, а это дело деликатное, и не дай бог обидеть кого-либо из них. Мои записи бесед я сохранил и сегодня могу их использовать полнее, чем раньше, ибо некие запреты в 1965—1970 годах еще сохранялись.

Задача поиска выпала на долю контрразведчиков, которые волей событий оказались ближе всего к узловым центрам рейха и к самой имперской канцелярии. Это могли быть контрразведки 3-й ударной или 5-й ударной армии, а дальше дело зависело от умения, настойчивости, чутья и... случая. Этот случай и «выбрал» из многих своим орудием солдат и офицеров 79-го стрелкового корпуса генерала Переверткина, входившего в 3-ю ударную армию. Названный корпус к исходу 1 мая взял рейхстаг, и после окончания боев сотрудники отдела занялись своим делом. Дело же — в первую очередь опрос пленных — само заставило бросить заниматься пустым и бесполезным рейхстагом и переключиться на другой объект, который находился поблизости, на стыке 5-й и 3-й ударных армий, — на рейхсканцелярию.

Хронологически первым свидетельством, добытым в ходе этой операции, можно считать допрос солдата Пауля Марзека, взятого в плен 30 апреля во время боев у рейхстага. 1 мая начальник отдела «СМЕРШ» 79-го стрелкового корпуса подполковник Иван Исаевич Клименко допросил его и узнал, что за два дня до пленения Марзек в группе вновь прибывших для поддержки оборонявших Берлин видел Гитлера во дворе имперской канцелярии. Гитлер вместе с Геббельсом вышел к солдатам и произнес краткую речь⁵⁴.

Эти показания подсказали Клименко, куда направить свои поиски, благо что в рейхстаге делать было нечего. Клименко донес в армию о допросе (забавная деталь: он написал, что Марзек видел Гитлера в «гор. Рейхстаг»). Но не будем придираться. Главное: чутье разведчика заставило его не ограничиваться формальной армейской полосой действий, а перенацелиться на имперскую канцелярию.

Тогдашний майор и начальник отдела «СМЕРШ» 207-й дивизии 79-го корпуса, а во время моей беседы с ним пенсионер, Георгий Аксенов вспоминал:

«Вечером 1 мая Клименко позвонил мне и сказал, что бои завершаются и моей задачей будет искать главарей рейха и обнаружить, где находится сейчас Эрнст Тельман. Наутро я и мой комвзвода Ильин с несколькими солдатами отправились в путь и только пересекли Шпрее, как встретили личность, вызвавшую у нас подозрение. «Ты немец?» — «Нет, русский, моя фамилия Мицкевич». Он оказался человеком, попавшим в плен еще в 1941 году, и был диктором немецкого радио на белорусском языке. Он стал нашим «путеводителем» и привел в имперскую канцелярию, где встретил знакомого — чиновника из «обслуги» по фамилии Цим. С ним спустились в бункер. «Где Гитлер?» — спрашиваю я. «Не знаю. Говорят, покончил жизнь самоубийством и его сожгли». После осмотра бункера поднимаемся в сад и здесь-то заметили трупы Геббельса и его жены. Мицкевич сразу подтвердил, что это именно они. Я немедленно послал Ильина докладывать в корпус, и в сад приехал Клименко».

Первая находка была сделана — характерная для Геббельса «колченовость» подтверждала, что это именно он. Нашли какую-то дверь, положили на нее тела и отвезли их в тюрьму в Плётцензее, где находился отдел «СМЕРШ» 79-го стрелкового корпуса. Там, на кухне квартиры начальника тюрьмы, тела оставались до формального опознания. Первый акт был написан Клименко 2 мая вечером от руки и гласил, что были найдены 8 трупов членов семьи Геббельса⁵⁵.

Клименко так обрадовался своей находке, что не стал обследовать бункер. Это на следующий день сделал офицер из группы того же Аксенова (т.е. из 107-й дивизии)

старший лейтенант Лев Ильин. Им 3 мая 1945 года в бункере были найдены трупы шести детей Геббельса и генерала Кребса. Их тоже отвезли в Плётцензее. Позднее сюда прибыли генералы и офицеры из штаба 3-й ударной армии и штаба 1-го Белорусского фронта, известные военные корреспонденты Мартын Мержанов и Борис Горбатов. Была произведена формальная процедура опознания.

Первым опознавателем был вице-адмирал Фосс, представитель гросс-адмирала Деница при ставке фюрера, который был задержан контрразведкой 3-й ударной армии. Он уверенно опознал Геббельса и его детей. То же самое сделали и другие опознаватели. Был составлен акт⁵⁶.

В истории этих дней процедура опознания рейхсминистра пропаганды и гаулейтера Берлина стала начальным этапом розысков. Не беда, что в акте честь находки была отдана не Аксенову с его солдатами, а Клименко, Быстрову и Хазину (их начальникам). Бывало и так...

В поисках мертвого фюрера

Но это было лишь начало. Надо было искать Гитлера — мертвого или живого. Вот рассказ И.И. Клименко о событиях 3 мая:

«Разумеется, мы спрашивали Фосса, где же Гитлер. Фосс не давал определенного ответа и рассказывал лишь о том, что выходил из Берлина вместе с адъютантами Гитлера, а те рассказывали ему, что Гитлер покончил самоубийством и труп его сожжен в саду имперской канцелярии. После допроса 3 мая я решил снова отправиться в имперскую канцелярию, чтобы попытаться найти какие-то ориентиры.

Мы приехали на «виллисе», в котором находились я, Фосс, один офицер из разведотдела армии, а также переводчик. Проехали по городу, а затем к имперской канцелярии. Спустились в бункер. Было темно. Мы светили фонариками. Фосс вел себя как-то странно, нервничал. После этого мы вышли наверх.

Было около 9 часов вечера. Мы подошли к большому сухому бассейну, в котором лежало много трупов. Здесь Фосс, показав на один труп, сказал:

— О, вот это труп Гитлера!

Покойник был одет в костюм, на ногах — штопаные носки.

Но через минуту Фосс засомневался:

— Нет, нет, я не могу точно сказать, что это Гитлер...

По правде сказать, и у меня штопаные носки вызвали некоторые сомнения!»

Рассказ Клименко подтвердил упоминаемый им офицер из разведотдела штаба 3-й ударной армии. Это был начальник следственной части капитан М.В.Альперович —ныне научный работник, известный специалист по истории Латинской Америки. Он сообщил мне:

«Когда мы приехали во двор имперской канцелярии, то сначала обошли сад, потом спустились в бункер и, ничего не найдя нового, снова поднялись в сад. Тут-то и случилось: Фосс вдруг подошел к одному из лежавших трупов и сказал: «Да вот же Гитлер!» —но вскоре сам в этом усомнился».

И.Клименко: «Вернувшись в Плётцензее, я дал своим работникам команду: среди пленных найти человека, который знает в лицо Гитлера и может нам помочь в опознании.

Наступило 4 мая. С утра среди пленных искали возможных опознавателей, а примерно с 11 часов я с шестью опознавателями снова вернулся в сад имперской канцелярии. Прошли к бассейну, а там уже трупа нет!

Иду в здание. Туда не пускают, поскольку в это время имперская канцелярия уже была передана в полосу 5-й ударной армии. Пришлось пойти в комендатуру, которая находилась в другом конце имперской канцелярии, и получать пропуск. Зашли в зал, где лежал труп человека, похожего на Гитлера*. Из шести человек опознавателей лишь один сказал, что это, может быть, Гитлер. Другие пять категорически отрицали. От офицеров, которые находи-

* Сейчас невозможно установить, был ли это тот самый труп, на который 3 мая указывал Фосс.

лись здесь, я услышал, что ждут какого-то советского дипломата, который может помочь в деле опознания. Это было около 12 часов дня.

Со мной были еще командир взвода старший лейтенант Панасов и несколько солдат. Кто-то из солдат попросил меня: «Покажите, где вы нашли Геббельса». Я пошел с ним в сад, к выходу из бункера.

В это время солдат нашего взвода Иван Чураков залез в воронку, находившуюся рядом и забросанную какими-то сожженными бумагами. Я увидел, что здесь торчит фаустпатрон, и крикнул Чуракову:

— Давай вылезай, еще взорвешься!

На это мне Чураков отвечал:

— Товарищ подполковник, отсюда ноги торчат!

Стали раскапывать, вытащили два трупа — один мужской, другой женский, оба сильно обожжены. Разумеется, в этот момент у меня даже и мысли не было, что это могут быть трупы Гитлера и Евы Браун, поскольку я считал, что труп Гитлера уже лежит в здании имперской канцелярии и его только нужно опознать. Поэтому я приказал завернуть их в одеяла, которые лежали рядом, и закопать снова. А в здании продолжали заниматься опознанием...»

Как это ни парадоксально, но наибольшее число разного рода свидетельств имеется относительно трупа псевдо-Гитлера, который чуть было не спутал весь поиск.

Много лет назад я имел встречу с полковником в отставке (к сожалению, фамилию не помню), который рассказал мне, что был свидетелем опознания «подлинного трупа» Гитлера в здании имперской канцелярии. Я не проявил большого интереса к этому сообщению и к фотографии, сделанной моим посетителем. На ней был изображен мертвый человек с черными усиками в кителе, отдаленно похожий на Гитлера. Видимо, псевдоГитлера видели в имперской канцелярии многие советские офицеры и солдаты, что заставило «Военно-исторический журнал» в мае 1965 года поместить это фото и разъяснить, что речь идет о чистейшем недоразумении.

Вот что мне рассказал кинооператор Михаил Яковлевич Посельский:

«Уже 2 мая мы сделали первые съемки в имперской канцелярии — в здании и в саду. Но это казалось нам недостаточным. Мы продолжили эти съемки — это было, насколько я помню, 4 мая, когда мы вместе с оператором И.В.Пановым снова приехали в имперскую канцелярию. На этот раз здание было оцеплено. И.В. Панов добился пропуска, и, пройдя внутрь, мы увидели, что в одной из комнат лежал труп в кителе. «Идет опознание, — сказали нам, — это, наверное, Гитлер».

Работой по опознанию руководил генерал. Помню, он взял большой лист бумаги и разграфил его пополам. Тех немцев, которых привели для опознания трупа, заставляли расписываться слева или справа — в зависимости от того, считают ли они, что это труп Гитлера или нет. Большинство из них подписывалось в том, что это не Гитлер.

Мы решили сделать съемку, и нам ее разрешили. Но в здании было мало света, и пришлось перенести труп в сад. Съемки были направлены в Москву, однако нам после сказали, что это не был труп Гитлера».

Действительно, много лет спустя эти кадры можно было увидеть в фильме «Хроника без сенсации»: имперская канцелярия, труп и краткий комментарий диктора: «Но это был не Гитлер...»

Среди офицеров и генералов 1-го Белорусского фронта не было никого, кто когда-либо видел Гитлера живым. Но так как предполагалось подписание капитуляции, в Берлине оказались советские дипломаты, видевшие Гитлера до войны. Клименко вспоминает, что именно они сказали веское слово.

Кто это был? Сначала мне рассказали, что это был Владимир Семенович Семенов, который вскоре стал Верховным комиссаром СССР в Германии. При случае я спросил В.С. Семенова об этом, но получил отрицательный ответ: нет, он не был в эти дни в Берлине и не принимал участия в опознании. Но кто же тогда? В ходе беседы мы пришли к мысли, что этим дипломатом мог быть другой знаток Германии — Андрей Андреевич Смирнов.

Летом 1968 года я встретил А.А.Смирнова (он тогда был

нашим послом в Турции после 10-летнего пребывания в Бонне) и, признаюсь, с некоторым трепетом спросил:

— Андрей Андреевич, не вы ли были тем советским дипломатом, который в имперской канцелярии опознавал труп Гитлера?

А.А. Смирнов ответил утвердительно и добавил, что в те дни являлся политическим советником командующего 1-м Белорусским фронтом. Он прибыл из Москвы в штаб фронта и при первой возможности поехал в Берлин. Разумеется, он сразу направился к знакомым местам — к разрушенному зданию посольства СССР на Унтер-ден-Линден (здесь до войны Смирнов был пресс-атташе), к министерству иностранных дел на Вильгельмштрассе. Зашел он и в имперскую канцелярию, где советский комендант продемонстрировал ему «труп Гитлера».

— Конечно, каждый, кто видел ранее Гитлера, — продолжал Андрей Андреевич, — мог сказать, что это не он.

Все это заставило снова вернуться к находке Чуракова. Рано утром 5 мая Клименко вместе со своим заместителем капитаном Дерябиным и шофером Цибочкиным вернулся в сад. Воронку разрыли. Оба трупа были снова извлечены. Составили акт, датированный 5 мая, хотя «находка» была фактически сделана 4-го⁵⁷.

«АКТ

*Мной, зв. старшим лейтенантом Панасовым Алексеем Александровичем и рядовыми Чураковым Иваном Дмитриевичем, Олейником Евгением Степановичем и Сероухом Ильей Ефремовичем в г. Берлине в районе рейхсканцелярии Гитлера, вблизи места обнаружения трупов Геббельса и его жены, около личного * бомбоубежища Гитлера были обнаружены и изъяты два сожженных трупа, один женский, второй мужской.*

Трупы сильно обгорели, и без каких-либо дополнительных данных опознать невозможно.

Трупы находились в воронке от бомбы, в 3-х метрах от входа в гитлеровское бомбоубежище и засыпаны слоем земли.

*Вписано от руки.

Трупы хранятся при отделе контрразведки «СМЕРШ» 79 стрелкового корпуса».*

Кроме того, в воронке, когда ее разрыли глубже, были найдены трупы двух собак. Был составлен акт и об этом. Где он сейчас, Иван Чураков? К сожалению, мне не удалось разыскать его, и я не могу познакомить читателей с биографией человека, который сыграл решающую роль в эти дни. Несколько дней спустя, 13 мая, советскими патрулями был задержан один эсэсовец, который оказался солдатом личной охраны фюрера Гарри Менгерсхаузенем (в документах Клименко он неточно именуется Менгесхаузенем). Так как Менгерсхаузен был очевидцем последних дней бункера, ему предложили дать показания о том, как был сожжен и где закопан Гитлер. Преодолев страх, он сделал это и, придя в сад, подвел советских офицеров... к той самой воронке, которую разрыл Иван Чураков. Сохранился акт, составленный после этого⁵⁸.

«АКТ

...Мы, нижеподписавшиеся: начальник отдела контрразведки «СМЕРШ» 79 стрелкового корпуса подполковник Клименко, старший следователь отдела контрразведки «СМЕРШ» 79 стрелкового корпуса и он же переводчик старший лейтенант Катышев, начальник топографической службы 79 стрелкового корпуса гвардии майор Габелок, фотокорреспондент 79 стрелкового корпуса младший лейтенант Калашников, рядовые отдельного стрелкового взвода при отделе контрразведки «СМЕРШ» 79 стрелкового корпуса Олейник, Чураков, Наваш, Мялкин, с участием опознавателя Менгесхаузена Харри, сего числа осмотрели место погребения трупов рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера и его жены.

*Опознаватель Менгесхаузен Харри заявил, что он с 10 по 30 апреля 1945 года, проходя службу в группе войск «СС» Мундтке**, участвовал в защите территории имперской канцелярии и непосредственной охране Адольфа Гитлера.*

* Далее следуют подписи лиц, составивших акт.

** Имеется в виду группа генерала СС Монке, охранявшая имперскую канцелярию.

В полдень 30 апреля 1945 года Менгесхаузен нес патрульную службу непосредственно в здании новой имперской канцелярии, проходя непосредственно по коридору мимо рабочей комнаты Гитлера до Голубой столовой.

Патрулируя по указанному коридору, Менгесхаузен остановился у крайнего окна Голубой столовой, что первое от выходной двери в сад, и начал наблюдать за движением в саду имперской канцелярии.

В этот момент из запасного выхода «бункера фюрера» иштурмбанфюреры Гюнше и Линге вынесли тела Адольфа Гитлера и его жены Ифы Браун, бывший личный секретарь. Это заинтересовало Менгесхаузена, и он начал внимательно наблюдать за происходящим.*

Личный адъютант Гитлера Гюнше облил тела бензином и поджег. В течение получаса тела Гитлера и его жены были сожжены и занесены в воронку от снаряда, которая была примерно в одном метре от вышепоименованного запасного выхода, и закопаны.

*Всю процедуру выноса, сожжения и погребения трупов Адольфа Гитлера и его жены Менгесхаузен наблюдал сам лично на расстоянии 600 метров**.*

Далее Менгесхаузен заявил, что в указанной воронке 29 апреля 1945 года была зарыта личная собака Гитлера. Ее приметы: высокая овчарка с длинными ушами, спина черная, бока светлые. Со слов Пауля Фени, который специально ухаживал за собакой Гитлера, Менгесхаузен знает, что она была отравлена ядом.

*Осмотром мест, указанных опознавателем Менгесхаузенном, была установлена правдивость его показаний: во время патрулирования 30 апреля 1945 года Менгесхаузен мог из окна Голубой столовой прекрасно наблюдать за происходящим у запасного выхода из «бункера фюрера». Тем более правдивы показания опознавателя Менгесхаузена, так как из названной им воронки «...»*** мая 1945 года нами были из-*

* Речь, конечно, идет о Еве Браун.

** Явная опечатка: надо 60 метров.

*** В тексте пропуск.

влечены обгоревшие трупы мужчины и женщины и две отравленные собаки, которые другими опознавателями опознаны, как принадлежавшие Гитлеру и его личному секретарю Ифе Браун.

Глазомерная съемка места обнаружения трупов Гитлера и его жены и фотоснимки мест, названных опознавателем Менгесхаузенем, к акту прилагаются.

*О чем и составлен настоящий акт...**

Почему же в акте было пропущено указание на день «извлечения»? Это было косвенное отражение почти анекдотической ситуации, в которой оказался Клименко. Когда 5 мая он захотел вывезти найденные 4-го трупы из сада имперской канцелярии, то это оказалось не так просто. Сад охранялся отделом контрразведки 5-й ударной армии. Вечером 4-го Клименко посоветовался со своим заместителем Дерябиным. «Червячок сомнения», по словам Клименко, его одолевал: «Давай выкопаем эти два трупа». Но как? Пришлось на рассвете тела... выкрасть. Тайком пробрались в сад, выкопали трупы Гитлера, Браун и двух собак, завернули в одеяла, положили в деревянные снарядные ящики, затем отвезли уже не в Плётцензее, а в отдел контрразведки штаба 3-й ударной армии, находившегося в северном пригороде Берлина Бух.

Письмо доктора Фауста

Здесь в истории поисков наступила некоторая пауза. Командование в Берлине — заместитель Жукова генерал-полковник Иван Серов, начальник фронтового управления «СМЕРШ» Вадис могли быть довольны — они уже заполучили Геббельса, в Москве об этом знали. Потом последовала краткая история псевдоГитлера.

Но в 3-й ударной армии не успокоились. Во-первых, предстояло провести судебно-медицинское обследование

*Далее следуют подписи лиц, составивших акт.

найденных трупов. Кто должен был этим заняться? По штатному расписанию во фронтовом управлении имелось военно-санитарное управление, в его составе — главный судебно-медицинский эксперт и его служба. Служба не подчинялась «СМЕРШ». Но здесь действовали «высшие силы». Так как в Москву уже было доложено, что труп Геббельса найден, и это донесение пошло туда напрямик (минуя «СМЕРШ») от политических и разведывательных органов, офицеры которых присутствовали при освидетельствовании трупов во дворе тюрьмы Плётцензее, также напрямик из Москвы было дано указание члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Телегину (с ним, кстати, у «смершевцев» были плохие отношения) организовать медицинскую экспертизу. Телегин, как он вспоминал в беседе со мной в 1967 году, вызвал к себе начальника медслужбы и дал соответствующие указания, тот передал эту команду главному эксперту — подполковнику медслужбы Фаусту (да, именно такое имя!) Шкаравскому.

Пусть о дальнейшем расскажет сам Шкаравский, как он сделал это в письме на мое имя. Я раньше не публиковал это письмо — может быть, потому, что вскоре после его получения поехал к Шкаравскому в Киев, и разговор с ним был для меня важнее, чем письмо. Но сейчас надо документировать все, учитывая резкую критику в адрес доктора Шкаравского, которому судьба дала столь редкое имя — Фауст. Документ весь пронизан сознанием того, что ему выпало на долю произвести уникальное обследование, и он с честью справился с этим делом. Его никто не вынуждал, никто не подталкивал (отношения со «СМЕРШ» у него были напряженными), и он испытывал чисто профессиональное удовлетворение тем, что по мере сил исполнил долг врача и гражданина.

Вот его письмо, отправленное мне из Киева 10 октября 1965 года⁵⁹.

«Глубокоуважаемый тов. БЕЗЫМЕНСКИЙ!

Прежде всего, прошу извинить за весьма запоздалый ответ, более месяца я не был в Киеве.

Те данные, которые я Вам сообщаю, являются, с моей точки зрения, историческими. Ведь речь идет о позорной

кончине главного вождя мирового фашизма, на совести которого лежат многие миллионы человеческих жизней. Я знаю из своей практики, что вопросом о смерти Гитлера интересуются весьма часто. Этот вопрос мне лично задавали сотни раз, иногда слегка спорили со мной, но обычно мой ответ всегда их удовлетворял. А посему, чтобы и Вы с полным доверием отнеслись к моим данным, я скажу несколько слов о себе.

Я, Фауст Иосифович Шкаравский, старый киевлянин, врач с 40-летним врачебным стажем, кандидат медицинских наук. Моя специальность — судебная медицина. Меня хорошо знает вся судебно-медицинская верхушка нашего Союза, как профессор суд. медицины Прозоровский, Черваков, Бронникова, Авдеев (мой прямой военный шеф) и все старые судебно-медицинские работники.

До Великой Отечественной войны я был гражданским судебно-медицинским экспертом в Киеве, был старшим ассистентом кафедры судебной медицины Киевского медицинского института и Киевского института усовершенствования врачей, работая вместе с киевскими профессорами суд. медицины — Сапожниковым и Гамбург.

Всю войну был на фронте в должности главного судебно-медицинского эксперта Центрального фронта, 1-го Белорусского фронта и Группы оккупационных войск в Германии. Таким образом, войну закончил в Берлине.

После войны с 1946 по 1962 год работал в Киеве главным судебно-медицинским экспертом Киевского военного округа. В 1962 году вышел в отставку, сейчас на пенсии.

В период Великой Отечественной войны я как главный эксперт фронта возглавлял или лично выполнял все особо важные суд. медицинские экспертизы в зоне фронта (в частности, в Берлине).

Из этого следует, что на мою долю «выпала честь» вскрыть трупы вождей немецкого фашизма — трупы Гитлера и Геббельса.

Я эту экспертизу, весьма интересную и довольно простую, называю исторической.

Речь идет о вскрытии 13 трупов: 1) Адольфа Гитлера, 2) Евы Браун, 3) Геббельса, 4) жены Геббельса, 5—9) пяти трупов дочерей Геббельса, 10) трупа сына Геббельса; 11) трупа предпоследнего немецкого коменданта г. Берлина — генерал-майора Кребса (автор письма в этом месте неточен.—Л.Б.)

и 12—13) трупов двух собак Гитлера, на которых проверялась эффективность действия яда, каким были отравлены все 13 «героев» этой группы.

Несколько слов об обстановке, при которой проводилась эта экспертиза «13-ти». В первых числах мая 1945 года (числа 2—3-го, точно не помню) штаб 1-го Белорусского фронта находился в небольшом городке в километрах 30 от Берлина. Как-то днем я был вызван начальником Военно-санитарного управления фронта генерал-майором медслужбы Барабашовым*, и получил задание срочно выехать в командировку в предместье Берлина — Бух для проведения «особо важной» экспертизы по заданию Политуправления фронта (генерал Телегин).

Я сразу же уехал и в Бухе обратился в «СМЕРШ» 3-й ударной армии. Меня, к великому сожалению, сам начальник «СМЕРШ» и его заместитель приняли весьма недружелюбно. Несмотря на мое высокое служебное положение, со мной не хотели разговаривать и, тем более, допустить к проведению какой-либо экспертизы. Мне было сказано, что мы Вас не приглашали и не нуждаемся в Вашей помощи. Им просто не хотелось «делить лавры победы», ведь они-то нашли трупы Гитлера и Геббельса.

Мое положение было незавидным. Первый раз в моей жизни в моей судебно-медицинской практике меня, судебно-медицинского эксперта, не допускали к выполнению экспертизы, тем паче экспертизы по заданию Политуправления фронта. Но так было, то была война, а на войне свои особые законы.

Я интуитивно чувствовал, что предстоит экспертиза необычная, интересная. Ведь «СМЕРШ» мне в первый день не пожелал сказать, что есть: есть ли трупы, чьи, откуда и т.д., просто молчали. Я решил не отступить, а ждать и, наоборот, наступать. Хозяевам трупов, т.е. «смершевцам», я заявил, что история их осудит за такое своеобразное отношение (по сути, преступно-варварское отношение к экспертизе). В итоге мне с большим трудом удалось их убедить, что «лавры» их мне не нужны, что я как судебно-медицинский эксперт должен по закону установить истину, помочь им. Кроме того, я настойчиво им заявил,

*Правильно — Барабанов.

что при их тактике бесконечного выжидания трупы (я, конечно, в первую очередь думал о трупах людей) из стадии ценных объектов и вещественных доказательств, в силу закона гниения, через день-два обратятся в стадию гнилой, вонючей массы, никому не нужной, в особенности в случае отравления. Для следствия все будет потеряно. Это на них подействовало, и они, наконец, открыли свои карты и заявили, что действительно есть трупы и что они ждут указаний из Москвы, а пока предпринимать что-либо не будут. Однако я настоял, и мне, весьма неохотно, показали объекты экспертизы. Каких-либо документальных данных о трупах (кто, что, когда, откуда и т.д.) мне, конечно, предъявлено или сообщено не было. Позор! Но так было. Мне, главному судебно-медицинскому эксперту фронта, категорически было запрещено фотографировать трупы! Я на все согласился, лишь бы произвести вскрытие...

В тот же день зам. нач. «СМЕРШ» 3-й ударной армии (полковник, фамилии не помню) в предместье Берлина Бухе привел меня в небольшой немецкий коттедж, расположенный в саду. Домик охранялся часовыми, окна и двери его были закрыты. Войдя в дом, на первом этаже на полу я увидел 9 трупов. Комната была совершенно свободной от мебели. Трупы лежали в некотором порядке. Это были трупы Геббельса, его жены, 6 детей Геббельса и труп генерала Кребса.

Комнатный термометр показывал +16°C. Первое, что я сделал, лично открыл окна, дабы хоть немного понизить температуру в комнате и способствовать сохранению трупов. Затем дал указание (по старой профессиональной привычке я хозяин трупов при экспертизе!) зам. нач. «СМЕРШ», чтобы немедленно был доставлен лед для сохранения трупов. И нужно сказать правду, это мое указание было выполнено с военной точностью. К вечеру в комнате было около тонны льда, и так было все время до 9 мая, т.е. до дня вскрытия последнего трупа. Это мероприятие, действительно, сохранило нам трупы, и мы их вскрывали не гнилыми. А это было чрезвычайно важно в данном конкретном случае, когда имело место отравление синильной кислотой (цианистое соединение), т.е. веществом весьма нестойким и быстро разрушающимся в трупе. (Вспомним попытку отравления цианистым калием Распутина!). Если бы трупы подгнили, при судебно-химическом исследовании крови и органов мы не обнаружили бы цианистых соединений и вопрос

о причине смерти всей этой группы «героев», и в частности Геббельса и Гитлера, остался бы открытым. История потеряла бы многое. А сейчас все ясно!

При беглом осмотре трупов я сразу обратил внимание на цвет трупных пятен, они были ярко-малинового цвета, что бывает при смерти от отравления цианистыми соединениями. Мои предположения также подтвердились наличием приятного запаха горького миндаля, особо четко ощущавшегося при надавливании грудной клетки детских трупов. Свои соображения по этому поводу я сразу же сообщил зам. нач. «СМЕРШ». Это несколько расположило его в мою пользу.

И дальше, 4, 5, 6 мая я регулярно посещал «СМЕРШ» 2—3 раза в сутки, ждал ответа из Москвы, т.е. ждал у моря погоды, а погоды-то и не было. Москва молчала! Вместе со мной ждали и члены комиссии, прибывшие для участия в экспертизе, это были главные специалисты 1-го Белорусского фронта и 3-й ударной армии (всего 5 врачей).

Всем надоело такое бесцельное ожидание и даже самим хозяевам, т.е. «СМЕРШ», и 7 мая, сменив гнев на милость, нач. «СМЕРШ» 3-й ударной армии разрешил мне (комиссии) произвести вскрытие трупов 2 собак и 2 наименьших детей Геббельса.

Повторяю, фотографировать трупы мне категорически было запрещено! Но я ухитрился, и когда часовой выходил из комнаты, где проводилось вскрытие, мне удалось сфотографировать труп Геббельса и 2 его дочерей. Эти снимки имею!

Теперь кратко о трупах, об их вскрытии. Вскрытие проводилось в секционной хирургического полевого передвижного госпиталя № 496, располагавшегося в предместье Берлина — Бухе. Отмечаю, что вскрытие проведено комиссией в составе 5 специалистов фронта и 3-й армии, возглавлял комиссию я.

Акты № 1, 2, 8, 9, 10 и 11 — это акты о вскрытии трупов детей Геббельса; возраст детей 6—15 лет. Одежда на трупах простая, но чистая. Повреждений на трупах не было; во рту каждого были мелкие осколки стеклянной ампулы. Из частных разговоров с работниками «СМЕРШ» выяснилось, что врач семьи Геббельса перед отравлением ввел детям морфий и уже в состоянии морфийного сна вкладывал ампулу с синильной кислотой, раздавливая ее; сразу наступала смерть.

Судебно-медицинское исследование крови и органов из трупов, которое произведено по моему указанию во фронтовой санэпидлаборатории № 291, обнаружило наличие цианистых соединений, т.е. смерть всех детей наступила от отравления цианистыми соединениями (синильной кислотой).

Акты № 5 и 6 относятся к трупам Геббельса и его жены. Картина на секции подобна картине вскрытий трупов первой группы, т.е. имело место отравление цианистыми соединениями. Но оба трупа были значительно обуглены. Из разговоров выяснено, что эти трупы обгорели при пожаре рейхсканцелярии, во дворе которой они были обнаружены.

Акт № 7 — вскрытие трупа генерал-майора* немецкой армии Кребса. На трупе одежда генерала немецкой армии, без погон; трупные пятна ярко-малинового цвета, запах горького миндаля при вскрытии. Т.е. причина смерти та же — отравление синильной кислотой.

Числа 5—7 мая были доставлены 2 трупа собак и 2 обгоревших трупа — Гитлера и Евы Браун. Документации никакой. Все эти трупы уже без возражений со стороны «СМЕРШ» также были вскрыты нами. (Акты № 12, 13, 3, 4.)

Везде одна и та же картина, во рту осколки стекла (ампулы), ярко-малиновый цвет крови, запах горького миндаля и наличие цианистых соединений при суд.-химическом исследовании органов. Смерть от отравления синильной кислотой.

Необходимо более подробно остановиться на вскрытии 3 трупов.

1. Труп небольшой овчарки; на нем имелось сквозное пулевое проникающее ранение головы с повреждением мозга и сквозное пулевое ранение грудной клетки. Эти оба сквозных ранения, вполне возможно, произведены одним выстрелом.

В своем акте мы указали, что метод умерщвления этой собаки мог быть таковым: собаке была введена в рот, возможно с пищей, ампула с синильной кислотой, она ее раздавила зубами и сразу выкинула, но некоторое количество яда попало в дыхательные пути, наступили судороги, а смерть сразу не наступила, тогда собаку пристрелили...

2. Труп Евы Браун, значительно обгоревший. Имеется множественное проникающее прижизненное осколочное ра-

*Правильно — генерал пехоты.

нение грудной клетки с ранением сердечной сумки, легкого, с большим кровоизлиянием в полость плевры, а также с небольшими металлическими осколками в легких. Опять осколки ампулы во рту!

Полагаем, что в труп Евы Браун попали осколки мины или артснаряда.

И наконец, 3. —Труп основного нашего «героя» —Адо́льфа Гитлера. Комиссия никаких документов не видела, где хотя бы в предположительной форме было сказано, что это труп Гитлера. Только разговоры! Поэтому перед нами сразу возникло два вопроса: а) установить причину смерти погибшего и б) произвести идентификацию (опознание) трупа, т.е. установить, действительно ли это труп Гитлера, ибо было весьма много разговоров о двойниках, о подставных лицах. Говорили все, кому не лень, и, конечно, говорили разное.

По первому вопросу все сразу стало ясно по аналогии: осколки стеклянной ампулы во рту, запах горького миндаля, ощущавшийся при вскрытии трупа, и положительные результаты суд.- химического исследования трупа на цианистые соединения*. Итог — отравление синильной кислотой.

Подчеркиваю, смертельных повреждений или признаков выраженных заболеваний при вскрытии трупа не обнаружено.

Второй вопрос более сложный — идентификация трупа.

Мы подошли к этому весьма серьезно и установили следующее: верхняя челюсть трупа представляла собой единый массивный золотой мостик с 9 зубами, часть из них — золотые. Нижняя челюсть — также весьма массивный золотой мостик особой конструкции, с большим количеством золота, 15 зубами, из них 10 золотых. Характерно, что этот мостик имел наружную массивную золотую дугу! Силикатные зубы укреплялись на особых тонких стальных штифтиках.

Ясно, наличие столь ценных индивидуальных особенностей в трупе поставило остро вопрос о необходимости изучения стоматологической истории болезни Гитлера и допроса врачей-стоматологов...».

*В действительности исследование дало отрицательный результат.

Успех группы Горбушина

Для Шкаравского экспертиза в Бухе была большой удачей. Но еще бóльшая удача — настоящее военное везение — выпала на долю трех офицеров 3-й ударной армии: полковника Василия Горбушина, майора Бориса Быстрова и старшего лейтенанта Елены Каган. Именно благодаря им удалось прикинуть в тайну трупов, найденных в саду имперской канцелярии. Удача, слепой случай? Не только. Ибо, отправляясь утром 9 мая 1945 года в незнакомом городе на поиск возможных свидетелей, Горбушин принял правильное решение: надо искать их среди медиков. По справочным данным было известно, что в центре Берлина находится знаменитая клиника «Шарите», известная на весь мир. Горбушин, Быстров и Каган быстро нашли «Шарите», а в ней — отоларинголога фон Айкена, который, во-первых, пользовал Гитлера и, во-вторых, назвал имя и адрес зубного врача Блашке, а ведь в коробочке у Горбушина уже лежали протезы и челюсти Гитлера и Браун.

Редкая удача! На Курфюрстендамм, там, где практиковал Блашке, троице повезло еще больше: они нашли ассистентку Блашке Кете Хойзерман, описавшую зубы своих пациентов самым точным образом, что затем подтвердил зубной техник Фриц Эхтман, изготавливавший протезы. Приведу второй, более полный протокол допроса Хойзерман 19 мая (первый состоялся 10 мая), который дал решающее доказательство⁶⁰:

«ГОЙЗЕРМАН Кетте, 1909 года рождения, урож. гор. Лигнитц (Силезия), немка, образование среднее, беспартийная, до занятия гор. Берлина частями Красной Армии работала в зубо врачебном кабинете в качестве помощницы профессора БЛАШКЕ. Проживала по адресу: г. Берлин, Паризерштрассе, дом №39 - 40, кв.1.*

от 19-го мая 1945 года.

Допрос начат в 1.15

—" — окончен в 6.00.

*Правильно — Кете Хойзерман.

Переводчик КАГАН предупреждена об ответственности по ст.95 УК РСФСР.

Вопрос: *Вы подтверждаете свои показания, данные Вами на допросе от 10 мая 1945 года?*

Ответ: *Да, свои показания от 10 мая 1945 года я полностью подтверждаю.*

Вопрос: *Уточните, с какого времени Вы работали в зубо-врачебном кабинете имперской канцелярии и в качестве кого?*

Ответ: *Я специальной зубо-врачебной школы не кончала, однако с апреля 1937 года проходила практику у профессора БЛАШКЕ, в его частном кабинете по ул. Курфюрстендамм 213, который с 1932 года являлся личным зубным врачом у Гитлера, причем в имперской канцелярии у него также был зубо-врачебный кабинет.*

С декабря месяца 1944 года по 20 апреля 1945 года я работала помощницей профессора БЛАШКЕ в зубо-врачебном кабинете имперской канцелярии.

Вопрос: *Кого именно из руководителей германского правительства обслуживал в зубо-врачебном кабинете при имперской канцелярии профессор БЛАШКЕ?*

Ответ: *Профессор БЛАШКЕ в зубо-врачебном кабинете имперской канцелярии обслуживал райхсканцлера Гитлера и его любовницу БРАУН Эву, имперского министра Геббельса, его жену Магду * Геббельс и всех шестерых детей, райхсфюрера СС Гимmlера, райхслайтера доктора ЛЕЯ, райхс-прессеншеф доктора ДИТРИХА и других имперских руководителей.*

Вопрос: *В чем конкретно выражалась Ваша помощь профессору БЛАШКЕ при обслуживании им руководителей германского правительства?*

Ответ: *Моя помощь профессору БЛАШКЕ в обслуживании руководителей германского правительства заключалась в том, что я подавала ему при проведении лечебных процедур инструменты и медикаменты. В мою обязанность также входило наблюдать за действиями профессора БЛАШКЕ в полости рта и без предупреждения его своевременно представлять необходимые инструменты и медикаменты. В связи с чем я хорошо знала состояние зубов каждого клиента и в особенности хорошо государственных деятелей, как Гитлер, Геббельс, Гимmlер и другие.*

**Правильно — Магду.*

Вопрос: Какого рода зубоврачебная помощь оказывалась Гитлеру, и в особенности в последнее время?

Ответ: У Гитлера большинство зубов во рту было искусственных, из них значительная часть была вставлена профессором БЛАШКЕ в 1932 году. С тех пор профессор БЛАШКЕ постоянно следил и ухаживал за состоянием зубов Гитлера.

С 1944 года по январь 1945 года мне пришлось шесть раз помогать профессору БЛАШКЕ при осмотре зубов Гитлера, при этом снимали камень и смазывали десны.

Осенью 1944 года я принимала участие в удалении Гитлеру шестого зуба слева в верхней челюсти (первый мolar). С этой целью я с профессором БЛАШКЕ выезжала в ставку Гитлера в район гор. Растенбург (Восточная Пруссия). Чтобы удалить этот зуб, профессор БЛАШКЕ при помощи бормашины распилил золотой мост между 4-м и 5-м зубами в верхней челюсти слева, при этом я во рту Гитлера держала зеркало и внимательно наблюдала за всей процедурой. Таким образом в верхней челюсти слева были удалены 5-й искусственный золотой зуб и 6-й естественный зуб с золотой коронкой. В результате этого в верхней челюсти слева последним остался 4-й зуб.

Вопрос: Опишите состояние зубов верхней и нижней челюстей Гитлера.

Ответ: Верхняя челюсть Гитлера представляла собой золотой мост, который опирался на 1-й левый зуб с оконной коронкой, на корень второго левого зуба, на корень первого правого зуба и на третий правый зуб с золотой коронкой. Вся верхняя челюсть насчитывала влево 4 зуба и вправо 5. Искусственные зубы были изготовлены из золота и с фронтальной стороны покрыты фарфором.

Нижняя челюсть имела 14 зубов и состояла из двух мостов. В левой половине челюсти было 8 зубов, а в правой 6 зубов. В правой половине было 5 естественных зубов: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й зуб искусственный, сделанный из золота, с фронтальной стороны покрыт фарфором, который соединялся золотым мостом с 3-м и 5-м.

В левой половине было 8 зубов, из них 5 естественных зубов: 1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 8-й, а четвертый, шестой, седьмой зубы были изготовлены из золота и были прикреплены золотым мостом к 3-му, 5-му и 8-му зубам.

Вопрос: Помните ли Вы особенности зубов и характер строения мостов Гитлера?

Ответ: Да, строение зубов и золотых мостов Гитлера, а также все их особенности я отчетливо помню.

Вопрос: Вам предъявляется нижняя челюсть с золотыми мостами и зубами, а также золотой мост с зубами верхней челюсти. Можете ли Вы сказать, кому они принадлежат?

Ответ: Предъявленные мне золотые мосты и зубы верхней и нижней челюсти мне хорошо известны, так как они принадлежат рейхсканцлеру Германии Гитлеру.

Вопрос: На основании каких данных Вы утверждаете, что золотые мосты и зубы, предъявленные Вам, принадлежат именно Гитлеру?

Ответ: Я утверждаю, что предъявленные мне золотые мосты и зубы именно принадлежат Гитлеру на основании следующих данных: в предъявленной мне верхней челюсти я вижу отчетливый след, оставшийся от распиливания золотого моста бормашиной на 4-м зубе, этот след я отчетливо помню, так как он был произведен осенью 1944 года профессором БЛАШКЕ с моим участием для удаления Гитлеру 6-го зуба.

Кроме того, здесь налицо все те особенности мостов и зубов Гитлера, о которых я показала выше.

Вопрос: Итак, Вы продолжаете утверждать, что предъявленные Вам мосты и зубы принадлежат Гитлеру?

Ответ: Да, я утверждаю и еще раз заявляю, что предъявленные мне золотые мосты и зубы принадлежат именно Гитлеру.

Вопрос: Известны ли Вам особенности состояния зубов у любовницы Гитлера — БРАУН Евы и в чем именно?

Ответ: Да, особенности состояния зубов у БРАУН Евы мне хорошо известны, так как я неоднократно участвовала в лечении ее зубов как помощница профессора БЛАШКЕ. У БРАУН отсутствовало в нижней челюсти справа два зуба — 6-й и 7-й. Летом 1944 года техник профессора БЛАШКЕ — ЭХТМАН Фриц изготовил для нее мост из золота и пластмассы и с моим участием профессор БЛАШКЕ вставил ей этот мост. Мост опирался на золотую, сцементированную коронку, одетую на 8-й зуб справа и на золотое крепление на пятом зубе справа. Кроме того, месяц назад мы удалили у нее один зуб в верхней челюсти, шестой слева.

Вопрос: Вам предъявляются золотой мост и зубы. Можете ли Вы определить, кому они принадлежат?

Ответ: Предъявленные мне мост и зубы принадлежат любовнице Гитлера — БРАУН Еве.

Вопрос: На основании каких данных Вы утверждаете, что предъявленные Вам золотой мост и зубы принадлежат именно любовнице Гитлера — БРАУН Еве?

Ответ: Золотой мост с зубами для правой половины нижней челюсти с пятого до восьмого зуба с искусственными 6 и 7 зубами мне хорошо запечатлелся, так как этот мост держала в руках, промывала спиртом перед тем, как он был вставлен. Если золотой мост предъявить ЭХТМАНУ, который его лично изготавливал, безусловно, он признает в нем тот самый мост, который он сделал для БРАУН Евы».

С Хойзерман смог побеседовать и Шкаравский. В письме он написал и об этом:

«11 мая 1945 года в тот же ХППГ №496 в Бух мне были представлены история болезни Гитлера и ассистент стоматолога Гитлера — профессора Блашке — гражданка Хойзерман Кете. Она как специалист-стоматолог принимала участие в протезировании зубов Гитлера.

Помню, как сейчас, ее страх на допросе. Но допрос был весьма мирным, простая врачебная беседа. Я, советский врач, беседовал с немецким врачом. При беседе, конечно, присутствовал работник «СМЕРШ» и участвовала переводчик-женщина. Не помню, возможно, это и была тов. Ржевская. (Я сам недостаточно знаю немецкий язык.)

В процессе беседы, которая продолжалась 2—3 часа, гр. Хойзерман курила и охотно ела наши конфеты; ее страх скоро прошел. Она точно описывала особенности протеза зубов Гитлера и сама зарисовывала их. Мне пришлось с ней даже спорить, ибо при изучении зубов я пропустил одну деталь, ошибся в подсчете стальных штифтиков. Она оказалась права. По окончании теоретической части нашей беседы мы пришли к практической части, т.е. я решил проверить правильность ее показаний на самих протезах, которые у меня были спрятаны в письменном столе. Я вынул их из стола и показал Хойзерман. Реакция была естественной — слезы, истерика. Она теперь только поняла, что Гитлера уже не было в живых. Прошло несколько минут, она успокоилась, и наша мирная беседа продолжалась.

Хойзерман еще раз детально повторила, авторитетно заявив, что представленный ей протез действительно есть протез зубов Гитлера.

Картина была абсолютно ясной и Хойзерман, и мне, суд.-мед. эксперту».

На этом работа Шкаравского закончилась. В письме он сожалел, что ему тогда не разрешили фотографировать и делать рисунки. Можем пожалеть об этом вместе с ним.

11-го состоялся последний допрос, а 12 мая отдел Мирошниченко уехал из Буха. Все акты и «вещдоказательства» Шкаравский держал у себя и составил опись. А это были «вещдоказательства»:

— по Геббельсу, среди прочего, его пистолет, протез и золотой значок НСДАП;

— по Магде Геббельс — пистолет, заколки, челюсти;

— по Гитлеру — золотой мостик и нижняя челюсть;

— по Браун — зубной мостик.

Кроме того, Шкаравский хранил пробирки с кусочками смертоносных ампул. Все это принял офицер фронтового «СМЕРШ» (фамилия и день приемки в акте не указаны). Однако челюсти Гитлера и Браун остались в отделе 3-й ударной армии⁶¹. По этим «вещдоказательствам» можно установить идентичность настолько убедительно, насколько возможно.

Начало большой лжи

Как часто замечаешь: происходят бурные события, люди радуются, страдают и даже умирают, а в документах остаются лишь факты, даты, а порой ни того, ни другого.

Все, что совершалось солдатами и офицерами поисковых групп, часто фиксировалось небрежно. Может быть, потому, что одно событие накладывалось на другое. Кроме того, служебное рвение одних не нравилось другим, желавшим присвоить себе лавры находок. Среди искавших поговаривали, что комендант Берлина генерал Берзарин даже пообещал звание Героя Советского Союза тому, кто найдет Гитлера.

Не забудем, что это были дни величайшего военного и политического напряжения. Надо было завершить великую битву (кстати, сделать это быстро, пока союзники не подошли близко к Берлину), освоиться в огромном, чужом го-

роде, осуществить капитуляцию многомиллионного вермахта, подписать текст, устраивающий Сталина, не дать западным союзникам присвоить себе лавры победы. В этих условиях все, чем занимались армейские, в том числе «смершевские», низы, не доходило до верхов, до Сталина. У него, безусловно, были другие заботы, чем поиски останков Гитлера.

Что же и как было доложено Сталину?

Ответ можно дать, но не совсем полный. Дело в том, что в нашем распоряжении есть хранившиеся в Кремле архивы общего отдела ЦК КПСС — фонд Политбюро и фонд Иосифа Виссарионовича Сталина. Есть записи телефонных докладов по ВЧ. Но нет записей о том, что устно докладывалось Сталину. А, как свидетельствуют знатоки, Сталин предпочитал личные доклады. Что касается высших чинов вроде Берия или Жукова, то и они предпочитали сами устно докладывать Верховному главнокомандующему.

То, чем открывается досье под условным наименованием (оно принадлежит мне) «Сталину о Гитлере», — некий синтез устного и письменного доклада. Он датирован 1 мая 1945 года, более точно — 5 часами и 5 минутами утра этого достопамятного дня. Гриф: «Весьма спешно, совершенно секретно». Рукой сталинского секретаря Поскребышева вписано: «От тов. Жукова».

«Товарищу Сталину»

На участке 8 гвардейской армии явился начальник генерального штаба сухопутных сил генерал от инфантерии КРЕПС, который заявил следующее:

1. 30.4. в 15.50 по берлинскому времени Гитлер покончил жизнь самоубийством...»⁶².

Об этой знаменитой миссии генерала Кребса (в документе он ошибочно назван Крепсом) написано немало, в том числе и мною. Кребс принес письмо, подписанное Геббельсом и Борманом и предлагавшее Сталину не капитуляцию, а переговоры. Письмо он отдал Чуйкову, который немедленно переслал его Жукову. Запись «Сталину лично от Жукова» была продиктована по ВЧ и принята в 5 часов 05 минут. Вслед за этим был продиктован по телефону пол-

ный текст документов Геббельса — Бормана. В 10 часов было принято следующее сообщение от Жукова (опять же с надписью рукой Поскребышева) с текстом документа, принесенного Кребсом⁶³:

«Берлин. 30 апреля, имперская канцелярия.

Сообщение:

Мы уполномочиваем начальника генерального штаба сухопутных сил генерала пехоты Кребса для передачи следующего сообщения:

Я сообщаю вождю советских народов, как первому из немцев, что сегодня 30.4.1945. в 15.50 вождь немецкого народа Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством...»

Следовал длинный текст послания Геббельса и Бормана и добавление от Жукова с изложением вопросов, заданных Кребсу. На вопрос, где зарыто тело Гитлера, **«Кребс ответил, что Гитлер застрелился в Берлине, а труп сожжен согласно завещанию от 30.4.45».**

Признаюсь, в тот октябрьский день 1994 года, когда я увидел этот документ в Архиве Президента РФ, я испытал странное чувство. Потому, что перевод немецкого текста, который согласно записи на документе диктовал из Берлина генерал Бойков в Москву генералу Соколову для Сталина, принадлежал мне. В то утро я, как офицер 4-го отделения разведотдела штаба фронта, был вызван к маршалу Жукову в блиндаж его командного пункта. За столом сидел маршал, рядом — генералы: начальник его штаба генерал Малинин, начальник оперативного отдела Бойков, начальник разведки Трусов. Мне было приказано переводить с маленьких листков плотной бумаги текст, напечатанный неестественно крупным шрифтом (это был, как я позднее узнал, шрифт специально для близорукого фюрера). Кстати, на первой же фразе я запнулся, сказав:

— ... первому из не немцев.

Жуков поморщился:

— Что за ненемцы?

Действительно, это звучало некрасиво, а у меня не хватило находчивости перевести «первому не из немцев». Но Жуков махнул рукой:

— Ладно, переводите дальше...

~~ВЕСЬМА СПЕШНО~~
~~СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО~~
СЕК. № 1

От тов. Жукова

ТОВАРИЩУ С Т А Л И Н У

На участке 8 гвардейской армии явился начальник генерального штаба сухопутных войск немецкой армии генерал от инфантерии КРЕПС, который заявил следующее:

1. 30.4 в 15.50 по берлинскому времени Гитлер покончил жизнь самоубийством.
2. По завещанию Гитлера образовано новое правительство в составе: канцлер Геббельс, президент гресс адмирал Денис, секретарь партии Борман.
3. Новое правительство, которое еще нелегализировано обращается к Советскому Правительству о мире.
4. Никто в Германии, ни в Европе, в том числе и союзники не знают о смерти Гитлера и о том, что образовано новое правительство.
5. По личному заявлению генерала Крепс, новое правительство может расширить переговоры о мире не только с Советским правительством, но и с союзниками.

ЖУКОВ.

Вх. № <u>01253</u>
<u>1-5</u> 194 <u>5</u> г.
Оперативное Управление
Ген. штаба <u>8-ой</u> Армии

Принято по ВЧ лично от товарища ЖУКОВА в 5.05 1.9.45 г.

Я выполнил приказ. Жуков слушал, а генерал Бойков, держа в руке трубку ВЧ, фразу за фразой диктовал дежурному генералу Ставки текст. В Москве его приняли, отпечатали и положили на стол Сталина с регистрационным номером Генштаба. Это и были первые документы досье «Сталину о Гитлере».

Следующий документ, адресованный Сталину, был датирован 5 мая. На этот раз начальник Главного разведуправления (ГРУ) генерал-полковник Федор Кузнецов докладывал на 5 страницах **«донесение разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта о судьбе Гитлера, Геббельса, Гимmlера, Геринга»**, составленное по показаниям плененных генералов. Это было подробное донесение с подзаголовками: «О Гитлере», «О Геббельсе» и т.д. По Гитлеру сообщались показания пленных — начальника берлинского гарнизона генерал-полковника Вейдлинга, адмирала Фосса, генерала Баура (личного пилота Гитлера). Все они единодушно показывали о самоубийстве фюрера, Баур ругался, что не вывез его из Берлина⁶⁴.

Также 5 мая по телефону ВЧ от Жукова Сталину продиктовали подробные показания Вейдлинга, который, со слов приближенных Гитлера, сообщал, что в «15 часов дня (по берлинскому времени) Гитлер с женой покончил самоубийством путем принятия яда, после чего Гитлер еще застрелился. Они также заявили, что по особому желанию Гитлера он и его жена были немедленно сожжены в саду имперской канцелярии»⁶⁵.

18 мая Кузнецов дополнил эти данные показаниями плененных генерала СС Раттенхубера (начальник охраны ставки) и адъютанта Гитлера Гюнше. Оба они были взяты в плен в Берлине и срочно вывезены в Москву. Раттенхубер дал письменные показания в Москве 11 мая, Гюнше — 14-го. Обоих допрашивали не в органах «СМЕРШ», а в ГРУ, то есть в военной разведке, которой принадлежит честь отправки первой информации Сталину относительно самоубийства Гитлера и его жены. Показания Раттенхубера были очень подробны, причем он утверждал, что Гитлер отравился, а затем камердинер Линге «для верности» пристрелил его. Он приводил 12 аргументов в пользу того, что Гитлер мертв⁶⁶.

Что же касается контрразведчиков, то они занимались «черновой работой», результаты которой пока не находили выхода в «высшие сферы». Может быть, потому, что Лаврентий Берия знал о разговоре, состоявшемся в кабинете Сталина 4 мая, когда в присутствии генералов Антонова и Штеменко обсуждался вопрос о донесениях из Берлина. Сталин заявил, что верить сообщениям о смерти Гитлера не следует. Об этом, конечно, узнали Серов в Берлине и Берия в Москве. Поэтому обобщенные данные пока составлялись на более низких уровнях, в первую очередь в отделе «СМЕРШ» 3-й ударной армии. В нем и был составлен отчет, озаглавленный сугубо служебным термином «Спецсводка». В нем были изложены факты, обнаруженные после находки трупов Геббельса и его семьи⁶⁷:

— находка двух трупов — мужского и женского (датой указывалось не 4, а 5 мая);

— медицинское обследование и обнаружение верхней и нижней челюстей мужского трупа;

— поиск с целью находки свидетелей, которыми оказались Хойзерман (в документе — Гойзерман) и Эхтман;

— предъявление им челюстей и зубных мостов обоих трупов и опознание;

— обнаружение 13 мая нового свидетеля — Менгерсхаузена (в документе — Менгесхаузена).

Спецсводка завершалась осторожным выводом:

«Таким образом, показания Гойзерман и Эхтмана, а также показания Менгесхаузена служат серьезным основанием к выводам, что доставленные в «СМЕРШ» армии трупы мужчины и женщины являются трупами Адольфа Гитлера и его любовницы Браун Евы».

К спецсводке были приложены копии допросов Хойзерман, Эхтмана, Менгерсхаузена. Всю документацию начальник отдела Мирошниченко отправил своему начальнику генералу Вадису. На основании спецсводки Вадис стал составлять собственный документ, уже не столь подробный, как у Мирошниченко, и, главное, без обилия фамилий с советской стороны. В управлении Вадиса он был готов 25 мая. Этот насчитывающий 8 страниц документ практически является итоговым донесением о работе контрразведки

с 2 по 25 мая⁶⁸. Если бы в делопроизводстве, относившемся к Гитлеру, все шло нормально, то Вадис должен был отправить отчет в Москву своему начальнику Абакумову. Он так и сделал. Однако 29 мая отправил Абакумову странную депешу⁶⁹:

«По требованию заместителя Народного комиссара внутренних дел СССР, комиссара государственной безопасности тов. Серова 23 мая на имя генерального комиссара государственной безопасности товарища Берия Л.П. и на Ваше имя по ВЧ была передана докладная записка о результатах расследования по обнаружению трупов Гитлера, Геббельса и их семей.

В дополнение к указанной докладной записке при сем представляем материалы расследования, акты опознания, судебно-медицинской экспертизы, копии протоколов допросов свидетелей».

Откуда такой «извинительный» тон? Действительно, 22 мая 1945 года Вадис передал шифром на имя Абакумова, а также Берия донесение по этому вопросу. Сначала речь шла о Геббельсе и его семье, затем — о Гитлере⁷⁰:

«5 мая 1945 года на основании показаний задержанного полицейского охранной полиции имперской канцелярии обершарфюрера — Менисхаузена в гор. Берлине в районе расположения имперской канцелярии у запасного выхода из бункера были обнаружены и изъяты два сожженных трупа мужчины и женщины. Трупы находились в воронке от разрыва снаряда и засыпаны слоем земли, сильно обгорели. Менисхаузен в обнаруженных трупах опознал Гитлера и его жену Браун».*

Далее Вадис приводил данные опознания Хойзерман и Эхтмана и завершал доклад своим не совсем грамотно изложенным заключением:

«Все собранные документы, акты судебно-медицинской экспертизы, вещдоказательства и другие документы утверждают, что Гитлер, его жена Браун, Геббельс и его жена покончили жизнь самоубийством путем употребления цианистых соединений, а дети Геббельса были умерщвлены женой последнего при непосредственном участии доктора Куцн. Подробная докладная записка по данному вопросу будет выслана дополнительно. Вадис».

*Фамилия снова искажена.

Эта записка пошла 22 мая, а затем 23 мая тот же Вадис по требованию Серова послал более подробное сообщение на 8 страницах. Но почему только 22-го? Ведь комиссия Шкаравского закончила работу значительно раньше?

Конечно, берлинские контрразведчики боялись ошибиться и взять на себя столь щекотливое дело. 17 мая в Берлин прибыл представитель в генеральском чине из Москвы, который занялся перепроверкой всех сведений. 18-го он прибыл в Финов, где находился отдел «СМЕРШ» 3-й ударной армии и были захоронены останки. Здесь была произведена частичная эксгумация. Одновременно в присутствии прибывшего генерала Вадис и Мирошниченко снова допросили Хойзерман и Эхтмана. 23 мая генерал уехал.

Кто же это был? В документации 1-го Белорусского фронта его имя не упоминается. Однако о том, что Сталин поручил НКВД послать специального человека в Берлин, генерал Штеменко слышал собственными ушами⁷¹. Мне удалось выяснить, что посланцем был генерал-лейтенант Петр Мешик, заместитель наркома внутренних дел, доверенное лицо Лаврентия Берия. Только после проверки Мешика фронтовые власти 23 мая решили донести о результатах своего поиска в Москву. Тогда на тех бумагах, которые уже пошли в ГУКР «СМЕРШ», зачеркивают имя адресата Абакумова и пишут новый адрес — наркому Берия.

Что же написал Вадис? Многое мы уже знаем, но очень важно зафиксировать, что же именно отобрали для Москвы⁷².

Доклад Вадиса

«Совершенно секретно

ИЗ БЕРЛИНА

Москва, НКВД СССР — товарищу БЕРИЯ.

Докладная записка

Об обнаружении трупов Гитлера, Геббельса и их семей.

2 мая 1945 года в Берлине, в нескольких метрах от запасной двери бомбоубежища, на территории рейхсканцелярии, где в последнее время размещалась ставка Гитлера, были

обнаружены обгоревшие трупы мужчины и женщины, причем мужчина низкого роста, ступня правой ноги в полусогнутом состоянии с обгоревшим ортопедическим ботинком, остатки обгоревшего мундира формы партии НСДАП и обгоревший партийный значок. У обгоревшего трупа женщины обнаружены золотой обгоревший портсигар, золотой партийный значок и обгоревшая золотая брошь.

У изголовья обоих трупов лежали два обгоревших пистолета системы «Вальтер» №1.

3 мая с.г. в отдельной комнате бункера имперской канцелярии на спальнях кроватях обнаружены были 6 детских трупов — 5 девочек и 1 мальчик, одетые в легкие ночные платья, с признаками отравления.

Обнаруженные трупы были предъявлены для опознания задержанным — лично представителю гросс-адмирала при ставке Гитлера — вице-адмиралу ФОСС Гансу, начальнику личной охраны Геббельса — ЭККОЛЬД *, технику гаража имперской канцелярии — ШНАЙДЕР Карлу, повару имперской канцелярии ЛАНГЕ Вильгельму и другим, хорошо знавшим лично Геббельса, его жену и детей, которые в предъявленных им трупах утвердительно опознали трупы имперского министра пропаганды Геббельса, его жены и детей.

Вышеперечисленными лицами Геббельс, его жена и дети были опознаны по следующим признакам: обгоревший труп мужчины имел явное сходство с Геббельсом по форме головы, чертам лица, протезу, который носил Геббельс на правой ноге, наличием на трупе нагрудного партийного значка НСДАП, остатками обгоревшей партийной формы.

Обгоревший труп женщины — наличием на трупе золотого партийного значка НСДАП, единственно полученного только женой Геббельса лично от Гитлера за несколько дней до его смерти. Кроме того, при осмотре трупа жены Геббельса был обнаружен портсигар, на внутренней стороне которого имеется фамилия, подпись «Адольф Гитлер. 29.V. 1934 года», которым, как заявил задержанный ФОСС, пользовалась в течение последних недель жена Геббельса.

При осмотре трупов детей — во всех из них ФОСС, ШНАЙДЕР и др. опознали детей Геббельса, т.к. всех их они хорошо знали.

*Правильно — Эккольд.

Тот факт, что обнаруженные трупы мужчины, женщины, шестерых детей действительно являются трупами имперского министра пропаганды д-ра Геббельса, его жены и детей, подтверждается показаниями ряда задержанных нами лиц. При этом наиболее характерными показаниями являются показания зубного врача имперской канцелярии «СС-штурмбанфюрера» КУНЦ Гельмута, который принимал непосредственное участие в умерщвлении детей Геббельса. Будучи допрошенным по этому вопросу, КУНЦ показал, что еще 27 апреля жена Геббельса попросила его помочь ей умертвить детей, заявив при этом: «Положение тяжелое и, очевидно, нам придется умереть». На что КУНЦ дал свое согласие.

1 мая 1945 года в 12 часов КУНЦ был вызван из лазарета в бункер Геббельса, находившийся на территории имперской канцелярии, и здесь ему вновь жена Геббельса, а затем и сам Геббельс предложили умертвить детей, заявив при этом: «Решение уже принято, так как фюрер умер и мы должны умереть. Другого выхода нет».

После всего этого жена Геббельса передала КУНЦ шприц, наполненный морфием, и последний сделал детям вспрыскивание, введя по 0,5 кубика морфия каждому. Спустя 10—15 минут, когда дети в результате укола оказались в полусонном состоянии, жена Геббельса каждому из них вложила в рот по раздавленной ампуле цианистых соединений.

Таким образом были умерщвлены все 6 детей Геббельса в возрасте от 4 до 14 лет.

После умерщвления детей жена Геббельса вместе с КУНЦ вошла в кабинет Геббельса и сообщила последнему, что с детьми все кончено, после чего Геббельс поблагодарил КУНЦ за помощь в умерщвлении детей и отпустил его.

Как показал КУНЦ, Геббельс и его жена после умерщвления детей также собирались покончить жизнь самоубийством.

Намерение Геббельса покончить жизнь самоубийством нашло подтверждение в показаниях допрошенных вице-адмирала ФОСС и государственного советника министерства пропаганды ХЕЙНРИХСДОРФ Вольфа, которым Геббельс на их предложение 1 мая с.г. вечером попытаться выбраться из Берлина заявил, что он по своему физическому состоянию сделать этого не может и умрет в Берлине.

Особенно характерным признаком в опознании трупа Геббельса послужило еще и то обстоятельство, что путем

допроса ряда свидетелей, как ФОСС, ХЕЙНРИХСДОРФ, ЭККОЛЬТ и др., хорошо знавших Геббельса, а также просмотром фотографий последнего было установлено, что Геббельс имел физический недостаток — резко укороченную правую ногу, на которую он хромял.

Комиссия судебно-медицинской экспертизы, возглавляемая главным судебно-медицинским экспертом I Белорусского фронта полковником медицинской службы ШТАРОВСКИМ*, произвела исследование обнаруженных трупов Геббельса, его жены и 6 детей и на основании результатов судебно-медицинского вскрытия трупов и судебно-химического исследования их внутренностей пришла к выводу, что смерть их наступила в результате применения цианистых соединений.

5 мая 1945 года на основании показаний задержанного полицейского охранной полиции имперской канцелярии обершарфюрера — МЕНИСХАУЗЕНА** в гор. Берлине, в районе расположения имперской канцелярии, у запасного выхода из бункера Гитлера были обнаружены и изъяты два сожженных трупа мужчины и женщины. Трупы находились в воронке и были засыпаны слоем земли, сильно обгорели, и без каких-либо дополнительных данных опознать их не представлялось возможным.

МЕНИСХАУЗЕН заявил, что в трупах мужчины и женщины он опознает рейхсканцлера Германии Гитлера и его жену Браун Еву. При этом показал, что он лично видел, когда трупы Гитлера и его жены Браун были сожжены 30 апреля при следующих обстоятельствах: 30 апреля МЕНИСХАУЗЕН с 10 часов утра нес охрану имперской канцелярии, патрулируя по коридору, где расположены кухня и столовая имперской канцелярии. Он одновременно вел наблюдение за садом, т.к. на расстоянии 80 метров от здания находилось бомбоубежище Гитлера.

Во время патрулирования он встретил ординарца Гитлера — БАУЕРА, который ему сообщил о самоубийстве Гитлера и его жены Браун.

Через час после встречи с Бауером, при выходе на террасу, которая располагалась в 60 метрах от бомбоубежища Гитлера, МЕНИСХАУЗЕН видел, как из запасного выхода бомбоубежища личный адъютант штурмбанфюрер ГЮНШЕ

* Правильно — Шкаравским.

** Правильно — Менгерсхаузен.

и слуга Гитлера штурмбанфюрер ЛИНГЕ на руках вынесли труп Гитлера и положили его в полтора метра от выхода, а затем снова вернулись и через несколько минут вынесли труп его жены Браун Евы и положили ее рядом с трупом Гитлера. В стороне от трупов стояли две банки с бензином, из которых ГЮНШЕ и ЛИНГЕ стали обливать трупы бензином и зажгли последние.

Когда трупы обуглились, к ним из убежища подошли два человека из личной охраны Гитлера (фамилий их не знают), взяли обгоревшие трупы, положили в воронку и засыпали слоем земли.

Будучи допрошенным по вопросу, как он опознал вынесенные из убежища трупы Гитлера и его жены Браун, задержанный МЕНИСХАУЗЕН показал: «Гитлера я узнал по лицу, росту и форме одежды. Он был одет в брюки черного цвета навыпуск и во френч серо-зеленого цвета. Под френчем была видна белая манишка и галстук. Такой формы никто из лидеров фашистской партии не носил, в этой форме я его видел несколько раз и она мне исключительно запечатлелась. Кроме того, я хорошо видел профиль его лица — нос, волосы и усы. А поэтому я утверждаю, что это был именно Гитлер.

Жена Гитлера — Браун, когда ее выносили из бомбоубежища, была одета в черное платье, на груди несколько розовых цветов. В этом платье я ее видел несколько раз. Кроме того, я видел ее в лицо. Лицо ее было овальное, худощавое, нос прямой и тонкий, волосы светлые. Таким образом, ранее хорошо зная Браун, я утверждаю, что из бомбоубежища был вынесен именно ее труп».

То, что обнаруженные трупы являются действительно трупами Гитлера и его жены Браун, подтверждается показаниями технического ассистента при профессоре БЛАШКЕ, обслуживавшем Гитлера, его жену Браун, Геббельса и его семью, а также других имперских руководителей, — ГОЙЗЕРМАН*, которая, будучи допрошенной, показала, что ей неоднократно приходилось помогать профессору БЛАШКЕ в лечении зубов Гитлера и Браун. При этом дала подробное описание состояния зубов верхней и нижней челюстей Гитлера и заявила, что характерным признаком верхней челюсти Гитлера должен быть отчетливый след, оставшийся от распиливания золотого моста бормашиной за распо-

*Правильно — Хойзерман.

ложением четвертого зуба, которое произведено осенью 1944 года профессором БЛАШКЕ с ее участием, для удаления Гитлеру 6-го зуба.

После этого ГОЙЗЕРМАН были предъявлены для опознания нижняя челюсть с золотыми мостами и зубами, а также золотой мост с зубами верхней челюсти, изъятые у трупа Гитлера. ГОЙЗЕРМАН, опознав мосты и зубы Гитлера, заявила: «Я утверждаю, что предъявленные мне золотые мосты и зубы принадлежат Гитлеру на основании следующих данных: в предъявленной мне верхней челюсти я вижу отчетливый след, оставшийся от распиливания золотого моста бормашинной за 4-м зубом. Этот след я отчетливо помню, т.к. он был произведен осенью 1944 года профессором БЛАШКЕ с моим участием для удаления Гитлеру шестого зуба. Кроме того, здесь налицо все те особенности мостов и зубов Гитлера, о которых я показывала на допросе».

ГОЙЗЕРМАН дала подробное описание состояния зубов жены Гитлера — Браун, а затем опознала золотой мост с зубами для правой половины нижней челюсти, изготовленный дантистом ЭХТМАНОМ для последней.

Показания ГОЙЗЕРМАН о том, что предъявленный золотой мост с зубами принадлежит именно БРАУН, нашли свое подтверждение в показаниях задержанного дантиста ЭХТМАНА, который заявил, что в 1944 году от профессора БЛАШКЕ он получил заказ по изготовлению зубного моста для БРАУН Евы, который им был изготовлен из золота и потопонта, и дал подробное описание последнему. Причем заявил, что отличительной особенностью сделанного им моста является оригинальный способ прикрепления обоих искусственных зубов к мостику с помощью золотых колец, сделанных вовнутрь зуба таким образом, что снаружи их незаметно, и эта конструкция зубного моста является его личным изобретением.

ЭХТМАНУ были предъявлены четыре моста, из коих он опознал именно зубной мост, изъятый у трупа жены Гитлера — Браун. Все особенности зубного моста, изготовленного для Браун, названные им на допросе, при осмотре зубного моста полностью подтвердились.

Поэтому, анализируя показания ГОЙЗЕРМАН, ЭХТМАНА, МЕНИСХАУЗЕНА и начальника авторемонтной мастерской имперской канцелярии о том, что 29.IV-с.г., согласно полученному приказанию из секретариата Гитлера, он доставил бензин в бункер последнего, показания задержанного зубного

врача имперской канцелярии КУНЦ о том, что 1.V - с.г. при встрече с Геббельсом последний ему заявил, что Гитлер умер, и целым рядом других фактов подтверждено, что Гитлер и его жена Браун покончили жизнь самоубийством, — обнаруженные 5 мая закопанные около бункера Гитлера трупы мужчины и женщины являются трупами именно Гитлера и его жены Браун.

Судебно-медицинской экспертизе на основании исследования обгоревшего трупа Гитлера и трупа его жены Браун в связи со значительными изменениями от огня тела и головы, видимых признаков тяжелых смертельных повреждений обнаружить не удалось. В полости рта Гитлера и Браун найдены остатки раздавленных ампул цианистых соединений. При лабораторном исследовании последних установлена полная тождественность с цианистыми соединениями, обнаруженными в трупах Геббельса и его семьи.

Таким образом, имеющиеся в наличии материалы, как показания свидетелей, протоколы опознания обнаруженных трупов, акты судебно-медицинских экспертиз и вещественные доказательства, в достаточной степени подтверждают, что 30 апреля с.г. рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, находясь в своем бункере, покончил жизнь самоубийством. Жена его — Браун Ева, на которой он женился за 3—4 дня до смерти, одновременно с ним покончила жизнь самоубийством путем принятия цианистых соединений.

Трупы их были вынесены из бункера личным адъютантом Гитлера ГЮНШЕ и слугой ЛИНГЕ, облиты бензином и сожжены, а останки закопаны возле бункера в воронке от разорвавшегося снаряда.

Имперский министр пропаганды д-р Геббельс и его жена покончили жизнь самоубийством 1 мая с.г., умертвив за несколько часов до самоубийства, при непосредственном участии зубного врача имперской канцелярии КУНЦА, своих шестерых детей, путем отравления цианистым соединением.

ВАДИС».

Таков был документ, представленный в Москву. В нем есть несколько любопытных особенностей.

Во-первых, его дата: 27 мая, то есть значительно позже всех «операций» в Берлине.

Во-вторых, его форма. Это не был доклад самого Берия и даже не Абакумова. Берия лишь «переслал» на имя Сталина, Молотова, Антонова и Маленкова рапорт фронтово-

го начальника «СМЕРШ» генерала Вадиса, то есть не подкрепил его своим именем.

В-третьих, уже на этой стадии кое-что подкрашивалось: датой находки трупа «предположительно» Гитлера было названо 5 мая, а не 4-е, когда труп нашли, но закопали обратно. Не говорим уже о простительных ошибках (Шкаравский назван Штаровским, Менгерсхаузен — Менисхаузен).

Но в своей основе доклад Вадиса был достаточно убедителен, а вывод однозначен: **Гитлер покончил жизнь самоубийством, его труп найден.**

Сталин знал все

Дальше начинается мистика. Записка Вадиса готова, но параллельно ей в Берлине готовится другой документ. Его автор — Иван Серов, заместитель главнокомандующего фронтом по делам гражданской администрации, человек с большими претензиями и умелый интриган, недолюбливающий сидящего в Москве Семена Абакумова. Вадис подчинен Абакумову, Серов же — согласно постановлению ГОКО от 2 мая — прямо наркому Берия.

31 мая — через шесть дней после того, как был подготовлен доклад Вадиса, — Серов пишет свое донесение в Москву на имя Берия, которое сохранилось в архиве «СМЕРШ»—МГБ—КГБ. Его содержание таково⁷³:

«Направляю при этом акты судебно-медицинского исследования и акты опознания предполагаемых нами трупов Гитлера, Геббельса и их жен, а также протоколы допросов приближенных Гитлера и Геббельса и фотодокументы.

Перечисленные документы и фотографии подтверждают правильность наших предположений о самоубийстве Гитлера и Геббельса.

Ранее у нас была неясность, какая нога у Геббельса имела физический недостаток, теперь точно установлено по фотографии Геббельса, из которой ясно видно, что искривленной была правая нога.

Точно так же не вызывает сомнения то, что предполагаемый нами труп Гитлера являлся подлинным. Это удалось установить на основании показаний зубного врача и медицинской сестры, лечивших Гитлера, которые начертили расположение вставных зубов Гитлера. Их показания подтверждены судебно-медицинской экспертизой.

Кроме того, командированный нами к союзникам вместе с группой штаба фронта капитан госбезопасности тов. Кучин присутствовал при аресте так называемого «правительства» Деница.

Тов. Кучин донес, что они в помещении германского военного командования нашли подлинную телефонограмму руководителя партийной канцелярии Бормана на имя гросс-адмирала Деница, в которой он указывает на смерть Гитлера, последовавшую 29 апреля с.г., и в связи с этим уведомляет Деница о том, что вступает в силу завещание Гитлера, по которому вся власть переходит к Деницу как его преемнику.

Телефонограмма имеет входящий номер, а также на ней записаны фамилии передаваемых и зашифрованных лиц.

Среди документов также изъят текст приказа гросс-адмирала Деница, в котором он говорит, что в создавшихся условиях для Гитлера не было иного выхода, кроме самоубийства, которым он хотел развязать руки германскому правительству для заключения перемирия.

В этом обращении Дениц призывает к продолжению борьбы за идеи Гитлера, смерть которого он называет «последней службой» Гитлера германскому народу.

И. Серов
31 мая».

Этот документ Серова также примечателен. Чем? Во-первых, в нем Серов высказывает убежденность в правильности тех выводов, которые сделали контрразведчики двух уровней — армии и фронта, и проявляет необычную в таких документах самокритичность: раньше сомневались, затем проверили. Во-вторых, убедительно соединены несколько источников информации. Доклад капитана Вадима Кучина абсолютно достоверен, ибо после изучения захваченных в бункере документов оригинал телеграммы Деница был найден (его оригинал впоследствии преемник Берия Круглов прислал на имя Сталина). Кроме того, я (случайность судьбы!) хорошо знал Вадима Кучина: в 1938—1941

годах мы учились вместе с ним на философском факультете Института философии, литературы и истории в Москве. Выпускник знаменитой московской немецкой школы, Вадик Кучин отличался не только абсолютным знанием языка, но и честностью, почти педантизмом. В начале войны его взяли в НКВД, где он служил долгие годы и пользовался высокой репутацией. Наконец, доклад Серова — свидетельство сложного расклада сил в лубянской верхушке. Формально Вадис подчинялся не Берия, а Абакумову и должен был посылать свои документы ему. Серов же как заместитель главнокомандующего напрямую подчинялся Берия. Своим докладом он как бы перехватывал инициативу у Абакумова.

Так или иначе, толстый том — во фронтовом варианте 160 страниц текста, 29 фотографий — пошел в Москву, причем не шифровкой, а фельдпочтой. Секретариат НКВД зарегистрировал его 5 июня, Берия прочитал его 7 июня и наложил красным карандашом резолюцию⁷⁴:

«Послать т.т. Сталину и Молотову. Л.Берия. 7.VI.45».

Я говорил о мистике: резолюция наложена 7 июня, а к Сталину и Молотову (за подписью того же Берия) толстый том приходит лишь 16 июня, хотя с Лубянки до Кремля фельдъегерю ехать 15 минут! Еще загадка: на 1-м экземпляре докладной Серова стоит напечатанный на машинке текст: «Копия актов направлена т. Сталину при номере 702(б) 31 мая 1945 года». Ошибка секретариата? Едва ли.

Таким образом, архив Политбюро после первых донесений Жукова и Кузнецова (1—15 мая) регистрирует **первый** документ НКВД — указанное письмо Берия №702(б) с приложением тома документов от 16 июня⁷⁵. Теперь Сталин должен был все сам рассудить.

О том, какая запутанная интрига велась, можно судить по следующему «сигналу». Кроме дела в архиве Политбюро было дело и в личном архиве Сталина, в котором, оказывается, среди служебных документов НКВД по внутренним делам Лубянки был... доклад Вадиса от 27 мая. Его копия была направлена тем же Берия на имя Сталина, Молотова и начальника Генштаба Красной Армии Антонова. Без всякого сопроводительного письма: мол, пусть

товарищ Сталин знает и без Серова о том, что происходит в Берлине. На документе стоит цветная «галочка».

Ветераны «СМЕРШ» рассказывали со слов своего начальника, что все документы из Берлина Сталину докладывал Абакумов, Сталин молчал, своего мнения не высказал и распорядился отправить все дело в архив. Правда, на сталинском экземпляре документа от 16 июня никаких пометок нет, лишь Молотов на своем экземпляре написал: «Сохр. М.» (т.е. сохранить)⁷⁶.

Есть и другое, устное, свидетельство. В начале июня в Москву был вызван главный участник берлинских розысков полковник Горбушин. Он готовился к подробному докладу высшему начальству. Но до этого дело не дошло. Его вызвал генерал Абакумов и неожиданно изложил следующий приказ Сталина:

— Будем молчать. Вдруг появится двойник Гитлера, который будет претендовать на руководство нацистами. Тогда-то и будет у нас возможность его разоблачить...

Горбушин, с которым я беседовал в его ленинградской квартире в январе 1968 года, не скрывал, что был крайне удивлен и разочарован реакцией Сталина на всю колоссальную работу, которую пришлось проделать. Абакумов пытался успокоить Горбушина:

— Товарищ Сталин сказал, что надо помнить о капиталистическом окружении. Надо поддерживать у наших людей бдительность...

Может быть, кадрового чекиста Горбушина могло устроить подобное, весьма традиционное объяснение. Но получить такое вместо наград...

Доклад, присланный Сталину 16 июня за номером 702(б), был очень обширен, и трудно предположить, что Сталин стал его читать целиком. Лишь на сопроводительном письме слева краткий и мало что говорящий текст отчеркнут карандашом (возможно, Поскребышевым). На более чем двухстах страницах (вариант Вадиса был перепечатан и стал длиннее) нет ни одной пометки. В докладе четыре части⁷⁷:

— акты опознания (их 11);

— акты судебно-медицинского исследования (их 13);

— акты судебно-медицинской экспертизы (это химические анализы «материалов» по актам детей Геббельса, двух собак);

— свидетельские показания (11 допросов).

Практически этот составленный и перепечатанный в Москве толстый том представляет собой подборку документов, которые Мирошниченко отправил Вадису, а тот — в Москву. Подлинники только перепечатаны начисто, с большими интервалами для удобства чтения. Никаких выводов, заключений. Никаких обобщений; нет суммированного изложения хода поисков; не оговорены некоторые расхождения актов и показаний. Сугубая документальность! Акт по Гитлеру (№12) сохранил неопределенность («предположительно труп Адольфа Гитлера»), хотя и содержит ссылку на суждения Хойзерман и Эхтмана. Хотел ли Сталин во всем разобраться? Ему это было ненадобно.

Как Сталин обманул Жукова

Полагаю, что Сталин слишком уважал своего заместителя, чтобы изложить ему дешевую пропагандистскую версию, которую преподнес Абакумову для «успокоения» нижних чинов типа Горбушина. Для Горбушина это был неприятный, но приказ, который он как тренированный чекист мог лишь принять к исполнению. С Жуковым Сталин поступил иначе: он его обманул. Все следствие в Берлине велось втайне от Жукова — в нарушение всех правил и логики. Но что Сталину было до правил?

Много лет спустя, в сентябре 1968 года, произошел любопытнейший разговор между Жуковым — уже опальным маршалом — и писательницей Еленой Ржевской, которая весной 1945 года, как уже говорилось, была переводчицей в 3-й ударной армии и принимала активное участие в поисках полковника Горбушина. В запутанном и засекреченном деле, о котором ведется речь, Елена Моисеевна Ржевская, человек удивительной женской и душевной красоты, выступила в роли первооткрывателя

правды. Волею нашего бурного времени студентка легендарного московского Института философии, литературы и истории стала военным переводчиком, прошла по дорогам войны от Ржева (отсюда ее литературный псевдоним) до Берлина. Здесь ее ум и интеллигентность принесли много пользы. Я часто задумываюсь над тем, как менялась Советская Армия в годы войны. В грозный час в ее ряды пришли самые разные люди. Это была не сумма военнообязанных, а замечательный сплав мужества, умения, знаний и интеллекта...

Елена Ржевская сыграла большую роль в берлинском поиске, ей принадлежит и честь первого откровенного слова о нем. Когда еще молчали связанные служебным долгом контрразведчики, а Главлит строго следил за соблюдением сего долга, Ржевская в мемуарной форме (здесь Главлит не усмотрел греха) на страницах литературного журнала «Знамя» опубликовала свои воспоминания. Затем она стала готовить книгу для московского издательства АПН. Надо же было случиться, что в этом же издательстве готовились мемуары маршала Жукова. Издательские работники ознакомили маршала с рукописью Ржевской, и тот пришел в крайнее удивление: изложенное выглядело очень убедительно, но он, Жуков, о нем... ничего не знал. Тогда маршал пригласил Елену Ржевскую к себе на дачу для беседы — и здесь я воспроизведу текст моей давней знакомой и соученицы, описавшей встречу с великим полководцем⁷⁸.

«Жуков сказал, что прочитал мою книгу. В ней я рассказала о том, как в дни падения Берлина нашими воинами был обнаружен покончивший с собой Гитлер и проведено расследование обстоятельств его самоубийства и опознание его. Я принимала в этом участие как военный переводчик...

Мы поговорили о берлинских событиях, об имперской канцелярии, бегло коснулись других общих для нас тем и воспоминаний. Расспросил он меня о моей службе в армии.

— Я тоже пишу. Дошел до Берлина сейчас. Вот и захотелось с вами повидаться.

Устанавливался доверительный тон, и понемногу разговор приближался к главному.

(Мне не приходится по памяти реставрировать подробности этой встречи, они записаны мной тогда же. И также все, что привожу из сказанного тогда Жуковым.)

Маршал Жуков сказал:

— Я не знал, что Гитлер был обнаружен. Но вот я прочитал об этом у вас и поверил. Хотя ссылок на архивы и нет, как принято делать. Но я верю вам, вашей писательской совести. Я пишу воспоминания, — повторил он. — И сейчас как раз дошел в них до Берлина. И вот я должен решить, как мне об этом писать. — Он говорил неторопливо, одностонно, раздумчиво. — Я этого не знал. Если я об этом так и напишу, что не знал, это будет воспринято так, что Гитлер найден не был. Но в политическом отношении это будет неправильно. Это будет на руку нацистам.

Помолчав, он сказал:

— Как это могло случиться, что я этого не знал?

Он хотел это уяснить с моей помощью. Это был его главный вопрос ко мне. Мне бы следовало предвидеть, что такой вопрос возникнет. Но по дороге к маршалу Жукову я почему-то не думала об этом.

В самом деле, как это могло случиться, что командующий войсками, штурмовавшими Берлин, не знал, что его воины, овладев имперской канцелярией, в подzemелье которой находился Гитлер с остатками своего штаба, нашли Гитлера, покончившего с собой? Такой важный и престижный факт для полководца, приведшего свои войска в Берлин.

Он вправе был спросить и так: как смели не доложить ему об этом? Было с чего впасть не то что в недоумение, а в самый яростный гнев, если б знать, кому адресовать его, и если б многое другое в предшествующие нашей встрече годы не было бы его гневу ближе и существеннее. И он всего лишь спросил: как могло так случиться?

Я знала, что все, связанное с обнаружением и опознанием трупа Гитлера в те майские дни, держалось в строгом секрете и докладывалось прямо Сталину — по его распоряжению, — минуя командование фронтом, то есть маршала Жукова. Почему было так, это мог бы разъяснить только Сталин.

— Не может быть, чтобы Сталин знал, — решительно отверг Жуков. — Я был очень близок со Сталиным. Он меня спрашивал: где же Гитлер?

— Спрашивал? Когда?

— В июне, числа девятого или одиннадцатого.

— К этому времени Сталин уже давно все знал, провел проверку и удостоверился.

— Но ведь он меня спрашивал: где же Гитлер?

— Очевидно, не хотел дать понять, что знает.

— Зачем?..»

Действительно, зачем?

Разговор Елены Ржевской с Георгием Жуковым длился долго, и они все время возвращались к роковому вопросу: почему Сталин скрыл все от своего заместителя, почему он обманул его и заставил перед всем миром говорить неправду?

— При любых обстоятельствах я должен был знать об этом. Ведь я был заместителем Сталина.

Почему Сталин вел себя так? Ржевская видит в этом преддверие грядущих изменений в судьбе Жукова, который вскоре попал в немилость. Я готов с этим согласиться, но добавлю следующее: скрывая разбирательство по «делу Гитлера» от Жукова, Сталин как бы переносил на него свое затаенное недовольство злосчастливым фактом, что Гитлера поймать не удалось.

Но Сталин обманул не только Жукова.

«...Но его нет, он не в наших руках»

Акция дезинформации пошла широким фронтом. Уже 2 мая в советской печати появилась такая заметка ТАСС по поводу смерти Гитлера: **«Указанные сообщения являются новым фашистским трюком: распространением утверждения о смерти Гитлера германские фашисты, очевидно, надеются предоставить Гитлеру возможность сойти со сцены и перейти на нелегальное положение»**⁷⁹. Затем стали появляться сообщения о том, что нацистские главари укрываются в Аргентине, Испании. Например, 4 июня было сообщено о том, что в Испанию бежал Риббентроп, хотя он уже находился в плену союзников. На пресс-конференции 9 июня Жуков на вопрос о Гитлере ответил так:

«Обстановка очень загадочная. Из найденных нами дневников адъютантов немецкого главнокомандующего из-

вестно, что задвигая до падения Берлина Гитлер женился на киноактрисе Еве Браун. Опознанного трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительное о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он мог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать».

Как видим, Жукову дали кой-какие материалы, чтобы его слова звучали убедительно. Его немедля «поддержали». 12 июня в «Правде» перепечатали из «Нью-Йорк геральд трибюн» статью, в которой автор требовал от американских и английских властей искать Гитлера. Ссылаясь на Жукова, он полагал, что Гитлер не может скрываться в советской оккупационной зоне, искать его надо в Испании или Южной Америке вплоть до Патагонии. 15 июня советские газеты перепечатали сообщение «Дейли мэйл», что Гитлер, переодетый в женское платье, высадился... в Ирландии. А 24 июня «Пари пресс» обнаружила Гитлера в порту Ла-Палисс, откуда он покинул Европу на подводной лодке!

Затем в игру вступил сам Сталин.

26 мая в Москву прибыл специальный посол нового президента США Гарри Трумэна — старый знакомый Сталина Гарри Гопкинс. Переговоры с ним шли долго — три дня, но в первый же день (что было вполне понятно) Гопкинс спросил о судьбе Гитлера. Запись (публикуется впервые), ведшаяся знаменитым и любимым переводчиком Сталина Павловым, гласит⁸⁰:

«Сталин говорит, что Гитлер, вероятно, спрятался вместе с Борманом, своим заместителем по партии, генералом Кребсом и др. Рассказывают, что Борман взял тело Гитлера и куда-то исчез, но это арабские сказки. Гитлер и др. слишком большие жулики, чтобы можно было этому верить. Врачи говорят, что нашли тело Геббельса с детьми. Шофер Геббельса опознал якобы его, но он, тов. Сталин, этому не верит.

Гопкинс говорит, что он надеялся, что Гитлер будет найден.

Тов. Сталин говорит, что будет сделано все, чтобы найти его и др. Может быть, Гитлер находится в Японии. Советской разведке было известно, что у немцев было 3—4 больших подводных лодки, которые совершали рейсы между

Японией и Германией, доставляя из Японии ценные грузы и валюту. Швейцария тоже помогала немцам в закупке валюты и золота. Он, тов. Сталин, дал задание советской разведке обнаружить эти подводные лодки, но пока они еще не найдены.

Гопкинс говорит, что непременно надо найти Гитлера и лишить его жизни».

Поистине, блестящая дезинформация и фальсификация! Мешая правду и вымысел (прочитанные в донесениях из Берлина имена Бормана и Кребса, шофера Геббельса), Сталин обманывал Гопкинса — и вдобавок, учитывая болезненный интерес США к вступлению СССР в войну с Японией, подсовывал ему легенду о неких подводных лодках (в архивах ГРУ нет никаких указаний об их розыске). Гопкинс доложил Трумэну версию Сталина, на столе которого уже лежали все доклады из Берлина.

Дальше — больше. В конце июля в Потсдаме встретилась «большая тройка». По некоторым данным, гости из Лондона и Вашингтона уже в первые дни пытались задавать вопросы о судьбе Гитлера — тем более, что для них советские власти устраивали поездки в центр Берлина и осмотр разрушенной имперской канцелярии. 16 июля ее посетили Черчилль и Трумэн. Их провели в бункер, показали комнату, где произошло самоубийство. В своих мемуарах Черчилль лишь замечает, что ему сообщили «последние» данные о том, как это произошло. В сталинском архиве нет указаний, какие давались разъяснения (Молотов лишь говорил Идену, что не мог себе представить, как можно разрушить такой большой город, как Берлин, — видимо, в качестве комплимента союзнической авиации).

17 июля во время первой встречи со Сталиным президент Трумэн и госсекретарь Бирнс услышали от Сталина, что Гитлер скрылся либо в Испании, либо в Аргентине (отмечу лишь, что в советской записи эти слова отсутствуют). Тем не менее речь о Гитлере зашла и за столом конференции. Разговор, собственно, шел не о Гитлере, а о различии в предложениях по пункту о наказании военных преступников. Английское предложение, сформулированное еще до Потсдама, ограничивалось ссылкой на Московскую декла-

рацию 1943 года и оставляло указание конкретных лиц участникам шедших в Лондоне переговоров о будущем Международном трибунале. В советском проекте назывались имена Геринга, Гесса, Розенберга. Протокол заседания 31 июля, ведшийся советской делегацией, гласит⁸¹:

«Трумэн. Последний вопрос — о военных преступниках.

Молотов. Советская делегация готова принять за основу проект британской делегации по этому вопросу с одной небольшой поправкой. Она предлагает, чтобы в последней фразе этого проекта, где говорится о том, что три правительства считают делом огромной важности, чтобы суд над главными преступниками начался как можно скорее, после слов «главные преступники» были добавлены слова: «такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель и др».

Эттли. Наше затруднение в отношении выбора военных преступников заключается в том, что мы представили проект соглашения прокурору, и, возможно, он включит туда целый ряд других лиц. Поэтому мы считаем, что лучше ограничиться нашим прежним предложением, не называя фамилий главных преступников.

Сталин. В своей поправке мы не предлагаем обязательно только этих людей судить, но мы предлагаем судить людей вроде Риббентропа и других. Нельзя больше избегать имен некоторых лиц, известных в качестве главных преступников войны. Много говорилось о военных преступниках, и народы ждут, что мы назовем какие-то имена. Наше молчание насчет этих лиц бросает тень на наш авторитет. Уверяю вас. Поэтому мы выиграем в политическом отношении, и общественное мнение Европы будет довольно, если мы назовем некоторых лиц. Если мы этих лиц назовем как пример, то, я думаю, прокурор не будет обижен. Прокурор может сказать, что некоторые лица неправильно названы. Но оснований для того, чтобы прокурор обиделся, нет. Политически мы только выиграем, если назовем некоторых из этих лиц.

Бирнс. Когда мы обсуждали этот вопрос вчера, я считал нецелесообразным называть определенных лиц или пытаться определить здесь их виновность. Каждая страна имеет среди нацистских преступников своих «любимцев», и если мы не включим этих преступников в список, то нам трудно будет объяснить, почему они не включены.

Сталин. Но в предложении так и сказано: «такие, как... и др». Это не ограничивает количество, но создает ясность.

Бирнс. Это дает преимущество тем, кого вы называете. (Смех.)

Эттли. Я не думаю, что перечисление имен усилит наш документ. Например, я считаю, что Гитлер жив, а его нет в нашем списке.

Сталин. Но его нет, он не в наших руках.

Эттли. Но вы даете фамилии главных преступников в качестве примера.

Сталин. Я согласен добавить Гитлера (общий смех), хотя он и не находится в наших руках. Я иду на эту уступку. (Общий смех.)

Эттли. Я считаю, что миру известно, кто является главными преступниками.

Сталин. Но, видите ли, наше молчание в этом вопросе расценивается так, что мы собираемся спасти главных преступников, что мы отыграемся на мелких преступниках, а крупным дали возможность спастись.

Бирнс. Сегодня я говорил по телефону с судьей Джексоном — председателем нашего Верховного суда. Он является нашим представителем в комиссии по военным преступникам, заседающей в Лондоне. Он выразил надежду, что, может быть, сегодня или завтра утром будет достигнуто соглашение относительно Международного трибунала. Судья Джексон собирается позвонить мне завтра утром, чтобы информировать меня по вопросу о трибунале. Сообщение о создании Международного трибунала явится хорошей новостью для народов, которые ждут скорого суда над военными преступниками.

Сталин. Но это другой вопрос.

Бирнс. Но мы можем включить в наше заявление сообщение о соглашении в Лондоне. Это сделает наше заявление весьма эффективным.

Сталин. Без названия некоторых лиц, особо одиозных, из числа немецких военных преступников наше заявление не будет политически эффективным. Я совещался с русскими юристами, они думают, что лучше было бы назвать некоторых лиц для ориентировки.

Трумэн. Я хочу сделать предложение. Мы ожидаем сведений от нашего представителя в Лондоне завтра утром. Не можем ли мы отложить этот вопрос до завтра?

Сталин. Хорошо».

Позицию Сталина не назовешь убедительной. С одной стороны, он требовал имен. С другой — не назвал глав-

ного имени в своем синодике, так как не хотел отказаться от своей дезинформационной акции. 1 августа на очередном заседании «тройка» снова вернулась к спору об именах. Здесь выяснилась подлинная цель Сталина — насолить англичанам за Гесса. Тот с 1941 года находился в Англии, и Сталин подозревал Черчилля в тайных шашнях вокруг заместителя фюрера. Заодно он напомнил Западу о зловердных промышленниках. Протокол гласит⁸²:

«Бирнс. Следующий вопрос — о военных преступниках. Единственный вопрос, который остается открытым, заключается в том, следует ли упоминать фамилии некоторых крупнейших немецких военных преступников. Представители США и Англии на сегодняшнем заседании министров иностранных дел сочли правильным не упоминать этих фамилий, а предоставить это право прокурору. Они согласились также, что должен быть принят английский текст. Советские представители заявили, что они согласны с английским проектом, но при условии добавления некоторых имен.

Сталин. Имена, по-моему, нужны. Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других.

Трумэн. Все они мне не нравятся. (Смех.) Я думаю, что если мы упомянем некоторые имена и оставим в стороне других, то будут думать, что этих, других, мы не собираемся привлекать.

Сталин. Но здесь эти имена приводятся как пример. Например, поражает, почему Гесс до сих пор сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности? Надо эти имена назвать, это будет важно для общественного мнения, для народов.

Бевин. О Гессе вам не следует беспокоиться.

Сталин. Дело не в моем мнении, а в общественном мнении, во мнении народов всех стран, которые были оккупированы немцами.

Бевин. Если у вас имеются какие-либо сомнения относительно Гесса, то я могу дать обязательство, что он будет предан суду.

Сталин. Никаких обязательств я от г-на Бевина не прошу, достаточно одного его заявления, чтобы я не сомневал-

ся, что это будет сделано. Но дело не во мне, а дело в народах, в общественном мнении.

Трумэн. Как вы знаете, мы назначили в качестве нашего представителя в лондонской комиссии судью Джексона. Он является выдающимся судьей и очень опытным юристом. Он хорошо знаком с юридической процедурой. Джексон выступит против упоминания имен военных преступников, заявляя, что это помешает их работе. Он заверяет, что в течение 30 дней судебный процесс будет подготовлен и не следует сомневаться относительно наших взглядов на этих людей.

Сталин. Может быть, назвать меньшее количество лиц, скажем, трех?

Бевин. Наши юристы придерживаются такого же взгляда, как и американские.

Сталин. А наши — противоположного. А может быть, мы условимся о том, чтобы не позднее чем через месяц был опубликован первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников?

(Трумэн и Эттли соглашаются с предложением Сталина.)».

В дальнейших беседах Сталина с западными политиками имя Гитлера не упоминается. Когда в Лондоне дело дошло до составления списка подсудимых для Нюрнберга, советская делегация не получила никаких особых указаний и молчаливо согласилась с тем, что Гитлер — в отличие от «исчезнувшего» Бормана — вообще не упоминался в числе привлекаемых к суду. Видимо, Сталин счел цель своей дезинформационной акции достигнутой — в Потсдаме он сохранил позицию нападающей стороны, упрекающей Запад в возможном укрытии нацистских лидеров. Этой позиции последовали как советская печать, так и советские представители в Союзном контрольном совете в Германии.

Акция Сталина имела и другое последствие: удовлетворив свое внутреннее недовольство тем, что не удалось заполучить живого Гитлера, он «закрыл» эту тему. Долгие годы данный вопрос не поднимался и его преемниками. Писать о поисках было запрещено, документация была засекречена, участникам поиска приказали молчать. Советский народ лишили возможности узнать, каким образом была поставлена последняя точка в истории жизни главного военного преступника.

Спор, который состоялся слишком поздно

Так все пошло совсем иным путем, чем могло и должно было пойти. Советские власти по воле Сталина приняли знаменитую фигуру умолчания: не знаем, не видели, не слышали. Трупа у нас нет. Где он — неизвестно, да и трупа может не быть...

Тогда, в эйфории Победы, советские лидеры могли себе это позволить. Наши союзники довольствовались собственными розысками и сбором данных. Быстро убедившись, что Гитлер мертв, они не стали припирать Сталина «к стенке», правда, до поры до времени. Но абсурдное решение Сталина имело неприятные и неожиданные последствия. Одно из них заключалось в том, что победители не только лишались права сказать о своей «заключительной операции» в саду имперской канцелярии, но и не могли должным образом оградить себя от всех возможных последующих упреков. Находка была совершена, но ее формальное подтверждение оставляло желать лучшего. Центральный акт (№12) не отвечал на все возможные вопросы.

В результате все споры разгорелись много лет спустя — когда акт, наконец, был опубликован (не без помощи автора этих строк). Большинство положений уже нельзя было перепроверить. Не было останков (не считая зубного моста и челюсти в сейфах КГБ). Ушли в иной мир участники вскрытия и авторы акта.

Оставаясь верным своей приверженности к документальности, приведу этот акт полностью⁸³:

«АКТ № 12

судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа мужчины (предположительно труп Гитлера).

8 мая 1945 года, город Берлин — Бух. Морг ХППГ № 496.

Комиссия в составе Главного судебно-медицинского эксперта Шкаравского Ф.И., Главного патологоанатома Красной Армии подполковника медицинской службы Краевского Н.А., и.о. Главного патологоанатома 1-го Белорусского фронта майора медицинской службы Маранц А.Я., армей-

ского суд.мед. эксперта 3-й ударной армии майора медицинской службы Богуславского Ю.И. и армейского патологоанатома 3-й ударной армии майора медицинской службы Гулькевич Ю.В. по приказанию члена Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Телегина от 3 мая 1945 года произвела судебно-медицинское исследование трупа мужчины (предположительно труп Гитлера).

При исследовании обнаружено:

А. Наружный осмотр

В деревянном ящике длиной 163 см., шириной 55 см. и вышиной 53 см. доставлены остатки обгоревшего трупа мужчины. На трупе был обнаружен обгоревший по краям кусок трикотажной материи размером 25x8 см., желтоватого цвета, похожий на трикотажную рубашку.

Ввиду того, что труп обгорел, судить о возрасте трудно, можно предположить, что возраст был около 50—60 лет, рост его 165 см. (измерение неточное вследствие обугливания тканей), длина правой большой берцовой кости — 39 см. Труп в значительной степени обугленный, от него ощущается запах горелого мяса. Крышка черепа частично отсутствует, сохранились части затылочной кости, левой височной, нижняя часть скуловых и носовых костей, а также верхняя и нижняя челюсти. Правая сторона черепа обгорела больше, чем левая. Внутри черепной коробки заметны части обгорелого мозга и твердой мозговой оболочки. На лице и туловище кожа отсутствует; сохранились лишь остатки обугленных мышц. Имеются множественные мелкие трещины носовых костей и костей верхней челюсти. Язык обуглен, кончик его плотно сжат между зубами верхней и нижней челюсти. Зубы верхней челюсти в количестве 9 представляют собой единый желто-металлический (золотой) мостик, который держится на штифтах 2-го левого и 2-го правого резцов. В этом мосту имеется 4 верхних резца (2/1/1/2), 2 клыка (3/) (3), левый первый малый коренной зуб (4), 1 и 2 малые коренные зубы справа (4/5/) (см. схему). Левый 1-й резец (1) представляет собой белую зубную пластинку с трещинами и черным дефектом эмали внизу, которая вставлена спереди в металлический (золотой) зуб, 2-й резец, клык и 1-й малый коренной слева, а также 1/2 резцы и 1-й малый коренной зуб справа представляют собой обычные эмалевые зубные пластинки, фиксированные в задней своей части на основе моста. Правый клык имеет сплошную желто-металлическую (золотую) коронку. Мостик верхней че-

А К Т № 12.

судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа
мужчины /предположительно труп Гитлера/.

8 мая 1945 года город ВЕРЛИН - Бух.Морг ЖППГ № 496.
комиссия в составе Главного судебно-медицинского эксперта
1-го Белорусского фронта - подполковника медицинской службы
ИКАРЯВСКОГО Ф.И. , Главного патолого-анатома Красной Армии
содполковника медицинской службы КРАЕВСКОГО Н.А., И.О. Глав-
ного патолого-анатома 1-го Белорусского фронта - майора
медицинской службы МАРАНЦ А.И., армейского оуд.мед.эксперта
3 ударной Армии - майора медицинской службы ВОТУЛАВСКОГО
В.И. и армейского патолого-анатома 3 ударной Армии - майора
медицинской службы ГУЛЬКЕВИЧ В.В. по приказанию Члена Воен-
ного Совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта
ТЕЛЕГИНА от 3 мая 1945 года - произвела судебно-медицинское
исследование трупа мужчины /предположительно труп ГИТЛЕРА/

При исследовании обнаружено:

А. Наружный осмотр.

В деревянном ящике длиной 163 см., шириной 55 см. в
вытяжной 53 см. доставлены остатки обгоревшего трупа мужчины.
На трупе был обнаружен обгоревший по краям кусок трикотажной
материи размером 26 x 8 см., желтоватого цвета, похожий на
тринстажную рубашку.

В виду того, что труп обгорел, судить о возрасте трудно,
можно предположить, что возраст был около 50-60 лет, рост
его 165 см./измерение неточно (волосатые обуглаивания тканей)/,

челюсти слева за 2-м малым коренным зубом (4) вертикально спилена. Нижняя челюсть лежит свободно в обгоревшей ротовой полости. Задние части альвеолярных отростков ее имеют остроконечную поверхность излома. Костная пластинка нижней челюсти обуглена с передней поверхности нижнего края. На передней поверхности ее также видны обугленные верхушки зубных корней. Нижняя челюсть имеет 15 зубов, из них искусственных 10 (2/1/1/2) и первый (4) правый малый коренной зуб — естественные со значительно стертой жевательной поверхностью и обнаженной шейкой коронки. Эмаль зубов с синеватым отливом, а шейка грязно-желтого цвета, 4-й, 5-й, 7-й и 8-й левый зубы искусственные, навесные, желто-металлические (золотые), представляют собой единый мостик золотых коронок, укрепленный на 3-м, 5-м (по мостику 6-м) и 8-м (по мостику 9-м) зубах. 2-й правый малый коренной зуб (5) покрыт желто-металлической (золотой) коронкой, связанной дугообразной пластинкой-валиком с правым клыком (3). Часть жевательной и задней поверхности правого клыка покрыта желто-металлической (золотой) пластинкой мостика. 1-й правый большой коренной зуб — искусственный, белый, укреплен на золотой основе, связанной с мостиком второго малого коренного зуба и правого резца.

Во рту обнаружены кусочки стекла, составляющие часть стенок и дна тонкостенной ампулы. Мышцы шеи обуглены, ребра справа отсутствуют, выгорели. Правая боковая часть грудной клетки и живота выгорела, через образовавшиеся отверстия видно правое легкое, печень и кишечник. Половой член обуглен, в обожженной, но сохранившейся мошонке обнаружено только правое яичко. По ходу пахового канала — левое яичко не обнаружено. Правая рука значительно обгорела, концы изломленных костей плеча и предплечья обуглены. Мышцы черного и местами коричневого цвета, сухие, распадаются при дотрагивании на отдельные волокна. Сохранились остатки обгоревших верхних двух третей левого плеча; свободный конец плечевой кости обуглен и выступает из сухих мягких тканей. Обе ноги тоже обуглены, мягкие ткани во многих местах отсутствуют, обгорели и отпали. Кости обгорели и обломались. Имеется перелом правой бедренной и правой большой берцовой кости. Стопа левая отсутствует.

Б. Внутренний осмотр

Расположение внутренних органов правильное. Легкие сверху черные, на разрезе темно-красного цвета, плотнова-

той консистенции. Слизистая верхних дыхательных путей темно-красного цвета. Полости сердца заполнены запекшейся кровью красно-бурого цвета. Мышца сердца плотная, имеет вид вареного мяса. Печень сверху черная обгоревшая, плотноватой консистенции, на разрезе желто-серого цвета. Почки уменьшенных размеров — 9х5х3,5 см. Капсула легко снимается, поверхность их гладкая; рисунок смазан. Почки имеют вареный вид. Мочевой пузырь содержит 5 кубиков желтоватого цвета мочи. Слизистая пузыря серая. Селезенка, желудок и кишечник обгоревшие, местами почти черного цвета.

Примечание: 1. Отделу СМЕРШ 3-й ударной армии 8.5.45 г. переданы изъятые из трупа:

а) желто-металлический мост верхней челюсти с 9-ю зубами.

б) обгоревшая нижняя челюсть с 15-ю зубами.

2. Из протокола допроса гражданки Гойзерман* Кете можно предположить, что описанные в акте зубы и мостик принадлежат рейхсканцлеру Гитлеру.

3. Гр. Гойзерман Кете в разговоре с главным судебным экспертом фронта подполковником Шкаравским, имевшем место 11.5.45 г.** в ХППГ № 496, детально описывала состояние зубов Гитлера. Ее описание совпадает с анатомическими данными ротовой полости вскрытого нами обгоревшего неизвестного мужчины.

Приложение: К акту прилагается пробирка с кусочками стеклянной ампулы, обнаруженной во рту трупа***.

Заключение:

На основании результатов судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа неизвестного мужчины и результатов экспертизы других трупов этой группы (акты №№ 1—11) комиссия приходит к выводам:

1. Анатомическая характеристика трупа

Вследствие значительного обугливания тела нет возможности описать наружный вид покойного, но все же можно отметить следующее:

* Правильно — Хойзерман.

** Я спросил члена комиссии Н.Краевского, как попала эта дата в текст вскрытия, производившегося 8.5. Он объяснил, что акт составлялся сначала от руки, затем уже позднее его перепечатывали на машинке и решили добавить эти данные.

*** Далее следуют подписи.

а) Рост около 165 сантиметров (сто шестьдесят пять).

б) Возраст (по общему развитию, величине органов, по состоянию нижних резцов и правого малого коренного зуба) колеблется в пределах 50—60 лет (пятьдесят—шестьдесят).

в) Левое яичко в мошонке и по ходу семенного канала в паховом канале и малом тазу не обнаружено.

г) Основной анатомической находкой, которая может быть использована для идентификации личности, являются челюсти с большим количеством искусственных мостиков зубов, коронок и пломб (смотри акт).

2. Причина смерти

На значительно измененном огнем теле видимых признаков тяжелых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено.

Наличие в полости рта остатков раздавленной стеклянной ампулы, наличие таких же ампул в полости рта других трупов (см. акты №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 13), явный запах горького миндаля от трупов (акты № 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11) и результаты судебно-химического исследования внутренностей с обнаружением цианистых соединений (акты №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11) позволяют прийти комиссии к заключению, что в данном случае смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями*».

Когда в 1968 году акт был мною опубликован, фронт скептиков образовался быстро. Наиболее солидным из них стал профессор Вернер Мазер, известный специалист и автор биографии Гитлера⁸⁴. Мазер поставил под вопрос не столько сам акт, сколько идентификацию принадлежности вскрытого тела. Главное его возражение касалось установленного Шкаравским наличия одного яичка (крипторхизм). Действительно, врачи часто осматривали Гитлера, не устанавливая никаких ненормальностей. Но они могли из-за пietetа перед пациентом не фиксировать крипторхизма, благо это свойство не ущемляло нормальной мужской функции. Я склонен считать, что этот аргумент уважаемого профессора Мазера скорее всего сводится к известному постулату: «Этого не может быть, так как этого не может быть никогда».

*Следуют подписи.

Конечно, сомневаться можно во всем. Например, опубликованное в 1993 году исследование французских медиков из университета гор. Лилль повторяет аргументы Мазера о крипторхизме и вводит новый контраргумент: в акте Шкаравского упомянуты 15 зубов верхней челюсти, но описаны только 14⁸⁵. Но если посмотреть акт, то в нем в верхней челюсти упомянуты 9 зубов, из них описаны все 9; в нижней челюсти упомянуты 15 зубов, из них описаны все.

Американский стоматолог Лестер Лунтц (журнал «Коннектикут», март 1983 г.) выдвинул другую, едва ли более обоснованную версию⁸⁶. Он считает, что русские нашли в саду тело... двойника Гитлера. Далее он объявляет, что русские не произвели зубоврачебного освидетельствования останков Гитлера. Первое оставляю на совести д-ра Лунтца, так как никем и никогда не доказано, что у Гитлера были двойники. Последнее утверждение более чем странно, ибо комиссия Шкаравского подробно описала зубы трупа №12. Более того, они были изъяты из него и опознаны Кете Хойзерман и Фрицем Эхтманом. Эти описания были подробно проанализированы двумя специалистами — д-ром Согнаесом и профессором Стремом и доложены ими на стоматологических конгрессах в Эдинбурге и Осло⁸⁷.

Полковник медслужбы США Ховард Бюхнер и его немецкий коллега Вильгельм Бернхарт в книге «Прах Гитлера» выдвинули еще более изощренный контраргумент⁸⁸: они не сомневаются в акте Шкаравского, но считают, что эсэсовская охрана фюрера все предусмотрела и специально подложила в яму два трупа — женский и мужской, в то время как прах Гитлера и Браун был заботливо уложен в 22 (!) специальные урны и вывезен из Берлина на специальном самолете. Некий полковник СС Хартман приказал группе берлинских беспризорных найти два трупа: «изуродованных, неузнаваемых, мужской и женский, приблизительно как у фюрера и его жены, нужных размеров, веса и возраста, с наличием зубов и протезов. Эти ложные г-н и г-жа Гитлер были сожжены, а затем найдены Советами. По чистому случаю полковник Хартман выбрал мужской труп с одним яичком и женский с ранениями».

Почему я скептически отношусь ко всем версиям, исключая смерть Гитлера и находку его трупа советскими войсками? Основания мои таковы:

1. Документальные свидетельства и свидетельства большинства серьезных очевидцев говорят против «демонизации» нацистского режима, якобы столь зловещего и изобретательного, что он заранее предусмотрел все меры для спасения своих лидеров. Скорее наоборот: лидеры режима были так уверены в себе, что и не думали, что их дни сочтены.

2. Личное знакомство с большинством участников берлинского поиска первых дней мая 1945 года (Горбушин, Мирошниченко, Аксенов, Ржевская, Клименко, Шкаравский, Смольянинов, Краевский, Блашук, Терещенко, Мержанов) убедило меня в том, что здесь не было никаких «смершевских» комбинаций и фальсификаций. Они начались на более высоком — «сталинском» — уровне.

3. Те челюсти и протезы, которые 8 мая были сняты с останков Гитлера и Браун, являются хотя единственным, но **неопровержимым доказательством** идентификации. Они совпали и с описанием, сделанным задолго до этого зубным врачом Гитлера — Блашке, и с описанием, данным Хойзерман и Эхтманом. Ни в мастерских Лубянки, ни в лабораториях Гейдриха их невозможно было изготовить.

Но не буду скрывать: не только у Мазера или Лунтца появились претензии к акту Шкаравского. Оказывается, были и советские скептики, например известный московский криминалист-медик, профессор Московской судебно-медицинской экспертизы Борис Семеновский. Он сформулировал свои замечания еще в 1946 году⁸⁹.

«ЗАМЕЧАНИЯ

к акту № 12 судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа мужчины, произведенного Комиссией врачей 8/V-1945 года в городе Берлине, и к акту № 13 судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа неизвестной женщины, произведенного той же Комиссией 8/V-1945 года в городе Берлине.

К акту № 12 (предположительно трупа ГИТЛЕРА)

1) Из акта совершенно не видно, было ли произведено исследование костей основания черепа, что имеет в данном

случае очень большое значение ввиду констатирования обдуцентами «множественных мелких трещин носовых костей и костей верхней челюсти». Кроме того, направление, длина и взаимное соотношение этих трещин в акте не отмечены, что лишает возможности судить об их происхождении.

2) В акте не описано изменение внутренней поверхности аорты и других крупных сосудов, что в известной мере могло подтвердить высказанное Комиссией «по состоянию нижних резцов и первого малого коренного зуба» мнение о возрасте покойного.

3) Не изъяты части наиболее сохранившихся внутренних органов для судебно-химического исследования на присутствие в них цианистых соединений, что необходимо было сделать, независимо от возможных результатов анализа, — ввиду обнаружения в полости рта «кусочков стекла, составляющих часть стенок и дна тонкостенной ампулы».

4) Заключение Комиссии, что «смерть неизвестного мужчины наступила в результате отравления цианистыми соединениями», основано только на наличии в полости рта трупа остатков раздавленной ампулы и по аналогии с установленной Комиссией причиной смерти двух мужчин, одной женщины и 6 детей (акты № 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11). Это заключение можно рассматривать только как предположительное, тем более что обдуцентами не исследовано состояние костей основания черепа и не уделено внимания вопросу о происхождении «многочисленных трещин носовых костей и костей верхней челюсти».

К акту № 13 (предположительно жены ГИТЛЕРА)

1) Врачами не исследованы кости основания черепа на предмет возможного обнаружения каких-либо их повреждений, что, само собой разумеется, имеет существенное значение при решении вопроса о характере и причине смерти неизвестной женщины.

2) Из очень краткого описания «ясно выраженных кровоизлияний» вокруг отверстий в коже, неправильной формы, размером 1x0,9 см, по парастеральной линии, слева, на уровне второго межреберного промежутка, и ясных кровоизлияний вокруг двух отверстий, размером 0,8x0,4 см, в верхней части сердечной сумки спереди нельзя сделать определенного вывода о том, что являются ли эти повреждения прижизненного или посмертного происхождения, тем более что совсем не отмечено, какой вид и характер имели стенки двух сквозных огнестрельных каналов в верхней доле левого

легкого. Точно так же нельзя составить твердого мнения о происхождении этих повреждений и на основании характеристики их, приведенной экспертами в данном ими заключении о причине смерти неизвестной женщины («несмотря на наличие тяжелых ранений...»).

3) Не произведено судебно-химическое исследование частей внутренних органов на присутствие в них цианистых соединений, к чему Комиссия прибегала во всех тех случаях, когда при исследовании ими других трупов ощущался «запах горького миндаля».

Некоторые из приведенных существенных недостатков исследования трупов неизвестных мужчины и женщины, напр. отсутствие описания состояния костей оснований черепа, могут быть устранены при перевскрытии этих трупов.

ПРОФЕССОР (СЕМЕНОВСКИЙ)».

Как же мог профессор Семеновский поднять руку на столь авторитетное заключение, вроде как бы подтвержденное органами «СМЕРШ» и даже доложенное Сталину?

Здесь-то мы и подходим к совершенно невероятной операции советских спецслужб — к операции «Миф».

В чем я покривил душой

Считается, что каяться никогда не поздно. Покаяние может быть принято или не принято, но оно важно не только для кающегося.

Когда в 1968 году я опубликовал тексты 13 судебно-медицинских заключений и описал события, разыгравшиеся в Берлине в мае 1945 года, я сознательно допустил одно искажение этих событий. Я написал: «Медицинское следствие было закончено, поэтому трупы были окончательно сожжены, а пепел развеян по ветру, как об этом 3 июня начальник управления контрразведки «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта доложил в Москву». Это была ложь, причем умышленная.

Откуда она взялась? В 1968 году, когда я с огромным трудом добился разрешения на публикацию актов, в Москве царили иные порядки. Все подобные публикации под-

лежали строжайшему контролю, особенно если они были связаны с деятельностью спецслужб. Я слышал, что мой коллега из газеты «Труд» пытался получить такое разрешение. Мол, в торжественный день Победы сообщим о том, чем и как кончил Гитлер: Просьбу доложили Никите Хрущеву, и он, было, согласился, но в последний момент изменил это решение. Я понимал, что надо придумать какой-то повод для возобновления просьбы. Как говорится, не бывает бы счастьем, да несчастье помогло. В 60-е годы советская внешнеполитическая пропаганда занималась дискредитацией порядков в ФРГ и показом роста неонацизма. В ЦК КПСС с этой целью готовились специальные меры, о чем журналистам стало известно. Тогда мне и пришла в голову мысль, что акты о смерти Гитлера можно обнародовать, включив их в ряд публикаций против неонацизма, возрождающего миф о Гитлере (уже появились публикации о том, что Гитлер якобы жив). Расчет оказался правильным, и ЦК дал указание КГБ предоставить документы, но с ограничениями: публикация подлежала строгому контролю и писать можно было только то, с чем согласны в КГБ. И наоборот: чего публиковать не захотят, того и не писать...

В пустой кабинет пресс-бюро КГБ мне приносили папки, откуда я мог делать выписки. Затем мне дали адреса некоторых ветеранов «СМЕРШ», с которыми я мог встретиться. Среди них оказался и полковник Горбушин, к которому я поехал в Ленинград. Мы долго беседовали, причем, рассказывая о судьбе трупов Гитлера, Браун, Кребса и семьи Геббельс, Василий Горбушин вдруг сказал:

— А вот об этом писать нельзя. Это государственная тайна. Вам скажу, но вы не пишете.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что мы трупы не уничтожили, а зарыли. Причем зарывали не раз, пока не закопали их в Магдебурге, куда штаб 3-й ударной армии передислоцировался в конце 1945 года.

Тогда же это подтвердила мне в дружеском разговоре Елена Ржевская. Те же сотрудники пресс-бюро КГБ, с которыми я все время консультировался, прямо указали:

надо написать, что трупы сожжены, указать произвольно время, скажем, начало июня. Я так и сделал. Иначе сделать и не мог, ибо тогда вся публикация, которую я считал необходимой, не увидела бы света.

Теперь, покаявшись, я могу попытаться с максимальным приближением описать своеобразную одиссею трупов Гитлера и его присных.

Могилы Адольфа Гитлера

В 1938 году Адольф Гитлер указал, как его похоронить: тело перевезти в Мюнхен, выставить в Фельдхернхалле (здании, перед которым состоялся гитлеровский путч 1923 г.) для прощания и поместить в усыпальницу на Кёнигсплатц. Высказывал он и другое пожелание: быть похороненным в Линце, в усыпальнице здания руководства нацистской партии. Генрих Гиммлер имел более точное представление об усыпальнице, которую желал иметь фюрер. Она должна была иметь высоту 355 метров, диаметр 1500 метров. В центре — золотая гробница, украшенная драгоценными камнями с Урала...

Война рассудила иначе — могилы Адольфа Гитлера в действительности выглядели иначе, и было их... много. Если обобщить документы и свидетельства очевидцев, то выяснится, что Гитлера хоронили несколько раз.

Первый раз — на исходе дня 30 апреля 1945 года, когда тела Гитлера и его новоявленной супруги были вынесены во двор имперской канцелярии. Охранники СС положили их в ров глубиной в один метр и в присутствии Геббельса и Бормана облили бензином. Началось сожжение, сад был под обстрелом — и наблюдать за сожжением было трудно. Но этот ров нельзя считать первой могилой, ибо тела были перенесены в соседнюю глубокую воронку, куда уже раньше бросили трупы двух собак (Блонди и Вольф), отравленных в ходе проверки эффективности ампул с цианистым калием. Воронку поспешно засыпали землей.

Второй раз — днем 4 мая. Когда, как мы знаем, солдат Иван Чураков обнаружил трупы в воронке, они

были вытащены на свет божий, но снова закопаны, так как считалось, что Гитлера уже нашли.

Третий раз — снова выкопанные 5 мая тела были перевезены в Бух, где положены в подвал одного из зданий клиники. Это было как бы временное погребение до медицинского освидетельствования, состоявшегося 8 мая. Там же они оставались еще несколько дней, пока не были захоронены, что задокументировано в акте «СМЕРШ» 3-й ударной армии.

Четвертый раз — в городке Финов (севернее Берлина), куда передислоцировался отдел «СМЕРШ». Здесь останки закопали снова. Начальник отдела полковник Мирошниченко хотел, было, их уничтожить, но более опытный Горбушин отговорил его: а вдруг пригодятся? Он оказался прав.

Пятый раз — когда перепроверку данных, доложенных в Москву из Берлина, вел специальный уполномоченный (генерал Мешик) и всех свидетелей привезли в Финов. Генерал направился в лес, где была проведена эксгумация. Отчет генерал увез в Москву, равно как и челюсти Гитлера и Браун, снятые еще в Бухе. Тела закопали снова в том же лесу близ Финова.

Шестой раз — когда штаб 3-й ударной армии передислоцировался в Ратенов (60 км западнее) и туда же направился отдел «СМЕРШ». Все гробы в Финове были выкопаны и перевезены в лес близ Ратенова для нового захоронения (существует акт).

Седьмой раз — такая же процедура повторилась, когда штаб перешел в Стендаль (еще 30 км западнее). Акта нет, но мне говорил об этом Горбушин, проводивший все захоронения.

Восьмой раз — когда 3-я ударная армия обосновалась в Магдебурге и отдел Мирошниченко получил в свое распоряжение несколько кварталов в районе Зуденбург вдоль улицы Вестэндштрассе (ныне Клаузенерштрассе). Этот район не входил в военный городок, так как органы госбезопасности предпочитали отдельную дислокацию. Сюда были привезены гробы и захоронены во дворе дома № 36. Соответствующая документация, заверенная Горбушиным, была направлена в Москву под грифом «совершенно секретно». Сюда в

порядке инспекции из Москвы прибыл сотрудник «СМЕРШ» капитан Б.Соловов, убедившийся в выполнении задания.

И лежать бы им здесь до скончания века, но...

Операция «Миф»

Громкие имена часто вводят в заблуждение. Советские спецслужбы, носившие в годы войны наименования НКВД, НКГБ, «СМЕРШ» и отождествлявшиеся с именем Берия, внушали внешнему миру то страх, то уважение; своим могуществом они представлялись этому миру неким монолитом-колоссом. Но распространенные мнения часто оказываются ошибочными. В действительности ведомство Лаврентия Берия было поражено тем же вирусом внутренней борьбы, что и любое бюрократическое образование. При диктатурах эта борьба не только не исключается, но и обостряется.

Виктор Абакумов, родившийся в 1908 году и вступивший в ряды чекистов в 1932 году, не принадлежал к клану Берия. Он не служил в Грузии, но попался на глаза одному из членов этого клана Богдану Кобулову, когда Абакумов в конце 30-х возглавил областное управление НКВД в крупном центре юга России—Ростове. В 1940 году по совету Кобулова Абакумова выдвинули на пост заместителя наркома, и он стал начальником управления особых отделов РККА, то есть военной контрразведки. Здесь Абакумов понял, что в сталинском государстве есть лишь одна возможность «быть на плаву»: все ставить на Сталина. Поэтому он решил освободиться от опеки Берия, тем более что во время войны абакумовский пост стал очень важным и видным. Когда в 1943 году Сталин преобразовал особые отделы в «СМЕРШ», Абакумов формально стал заместителем Сталина.

Мстительный Берия этого не простил и сделал все, чтобы в глазах Сталина скомпрометировать ставшего слишком самостоятельным Абакумова. Ветераны КГБ считают, что звезда Абакумова начала меркнуть сразу после войны, хотя он и получил в 1945 году пост министра госбезопасности. При его назначении разыгралась неприятная сцена.

Сталин на заседании Политбюро, на которое был вызван Абакумов, сказал:

— Ну вот, товарищи. Есть мнение назначить министром товарища Абакумова.

Последний вдруг стал скромничать:

— Товарищ Сталин, ведь у меня нет опыта...

Диктатор рассердился:

— Так что же, товарищ Абакумов? Вот у нас сейчас много свободных мест директоров чайных. Может быть, назначить вас директором чайной?

Всемогуший в годы войны начальник военной контрразведки вскоре быстро почувствовал своих конкурентов: министра внутренних дел Сергея Круглова, его заместителя Ивана Серова. Борьба шла долго, пока Абакумов не очутился в 1951 году в тюрьме. Но в мае — июне 1945 года до тюрьмы было далеко — так, по крайней мере, казалось самому Абакумову.

После того как в июне 1945 года Сталину были доложены результаты розыска и судебно-медицинского исследования, а Абакумов получил указание молчать, на некоторое время все затихло. Отдел 3-й ударной армии перевозил ящики с телами, докладывал об этом своему смершевскому начальству (тому же Абакумову). Сталин же оставался со своим чувством бессильного недовольства.

И вот в октябре 1945 года вопрос о Гитлере внезапно возник снова. Западные союзники, которых Сталин в Потсдаме потчевал выдумкой о «бегстве» Гитлера, разумеется, не могли в нее поверить. Сразу после того, как войска США, Англии и Франции вошли в Берлин, разведорганы трех стран стали собирать свои данные. В их руки попали люди, бывшие в имперской канцелярии в конце войны, попали и зубной врач Блашке, и другие лечившие Гитлера врачи. Полазили американские и английские разведчики и по пустой имперской канцелярии. С советской стороны они, конечно, ничего не получали. Но обе союзные разведки не бездействовали: английский отчет о смерти Гитлера составил майор Тревор-Ропер, будущий видный британский историк, американский отчет подготовил майор Хей-

млив. Сопоставив все данные, западные коллеги решили запросить коллег советских.

Осенью 1945 года руководитель американской группы разведки Контрольной комиссии по Германии бригадный генерал Кондрад обратился к начальнику нашей оперативной группы в Берлине генералу Сидневу⁹⁰:

«Дорогой генерал! Зная, что Вы разделяете со мной большой интерес к вопросу о смерти Гитлера, препровождаю Вам недавно полученный материал, подробно описывающий последние дни Гитлера».

Материал — многостраничный рассказ капитана Ханны Рейч, составленный из ответов на вопросы американских следователей.

«Временами она не уверена в именах и датах... события тех дней проходили так бурно, что она часто не в состоянии вспомнить их настоящую очередность... Сведения можно считать вполне надежными... Рейч описывает это как патетическую картину полного крушения человека. Трагикомедия разочарования, бесплодности и бесполезности. Вид человека, бегящего, как слепой, от стены к стене своего последнего убежища, размахивающего бумагами, которые болтаются в его нервно вздрагивающих руках... «Человек, которого я видела в убежище, не может жить. У него не было цели, чтобы жить, и трагедия была в том, что он это хорошо знал, может быть, лучше, чем другие...» Оценка показаний: допрашивающий считает, что приведенные выше сведения даны с искренним и добросовестным желанием говорить правдиво и точно... ее слова можно считать глубочайшим усилием быть искренней и честной. Сейчас она испытывает тяжелую душевную борьбу, стараясь примирить свои понятия о «чести» со своими показаниями о Геринге, Гиммлере и самом Гитлере».

Вслед за американцем поделился с генералом Сидневым собственной информацией и выводами английский разведчик бригадный генерал Форд:

«Показания, полученные из источников, существующих в настоящее время, полностью совпадают во всех основных пунктах, и это совпадение следует отметить, так как группы свидетелей совершенно не связаны друг с другом... приводят к следующим основным выводам, которые были тщательно проверены и в которых не может быть сомнений...»

Нет доказательств для поддержки циркулирующих версий, предполагающих, что Гитлер еще жив. Все такие истории... были расследованы, и найдено, что они не имеют оснований, большинство из них распалось при первом соприкосновении с фактами... Невозможно предположить, что версии различных очевидцев представляют собой заранее сфабрикованную историю... Не представляется возможным, чтобы свидетели ошибались в отношении трупа Гитлера».

Правда, несмотря на убеждение, что фюрер мертв, английские и американские представители предлагали провести **трехстороннее** расследование. С этой просьбой западные разведчики обратились к генерал-майору Сидневу. (Официально он назывался начальником оперсектора комендатуры Берлина, но в действительности был представителем НКВД, о чем западные коллеги прекрасно знали.) Результатом явилось обеспокоенное письмо Ивана Серова на имя Берия⁹¹ о том, что к начальнику опергруппы гор. Берлина генерал-майору тов. Сидневу прислали документы относительно смерти Гитлера и Евы Браун начальник британской разведки бригадный генерал Форд и директор американской разведки бригадный генерал Конрад. При этом они просят сообщить генерала Сиднева, какие данные имеются у русской разведки по вопросу о смерти Гитлера. Далее они имеют намерение вопрос о смерти Гитлера обсудить на заседании объединенного директората разведки. Серов просил указаний о поведении Сиднева на предстоящем заседании объединенного директората разведки.

Берия не взял на себя ответственность отвечать Серову, ведь материя была очень тонкой, учитывая заявления Сталина западным политикам по этому вопросу. Поэтому осторожный Берия переслал 20 ноября 1945 года документ Серова Молотову, переложив на него ответственность за решение. Тем временем на Лубянке составляли различные проекты ответа — от согласия на то, чтобы поделиться информацией, до отказа.

Перед тем как спросить мнение Сталина, Берия опрашивает своих ближайших сотрудников. Ему предлагают два варианта. Первый — положительно реагировать на англо-американское предложение и продолжить расследование совместно. Второй — дать уклончивый ответ и советских

данных не сообщать. Три ближайших сотрудника Берия — Круглов (новый министр МВД), Меркулов (бывший министр госбезопасности), Богдан Кобулов (первый заместитель Круглова) — за первый вариант. Против — Абакумов, бывший начальник «СМЕРШ», ныне министр госбезопасности. Почему?

Ответ на этот вопрос связан с внутренним содержанием проблемы, которое, по сути дела, с фигурой Гитлера имеет мало общего. Здесь важен не Гитлер, а Сталин. Важно угодить Сталину. Первым хотел угодить Абакумов: в мае 1945 года он собрал документы о самоубийстве, захватил останки, идентифицировал их и... провалился. Сталину это достижение чекистской разведки было не нужно. В результате западным союзникам ничего не дали (и даже не ответили). Зато, видимо, находит поддержку идея нового расследования. Но оно поручается уже не Абакумову, а его конкуренту Круглову. По распоряжению последнего разрабатываются общие указания по проведению операции с условным названием «Миф»⁹². Ее основные мотивы:

- 1) принципиальная необходимость перепроверки всех данных, собранных в мае — июне 1945 года;
- 2) сомнения в верности показаний лиц из свиты Гитлера (Линге, Гюнше, Баур, Раттенхубер);
- 3) некоторые несообразности в актах комиссии.

Первый план операции был составлен на основании доклада двух офицеров, занимавшихся допросом свидетелей (Парпаров и Савельев), и подписан заместителем начальника Главного управления по делам военнопленных Амаяком Кобуловым (братом Богдана). Далее его утвердил Круглов. Более подробный вариант разработал тот же Серов — теперь он приехал в Москву и стал заместителем Круглова. Иными словами, Серов стал перепроверять работу... Серова.

Этот план составлялся еще с декабря 1945 года и был предварительно утвержден в январе, после чего началась серьезная подготовка к его начальной стадии — допросам всех немецких свидетелей. Несмотря на то что Линге, Гюнше и иных неоднократно допрашивали в Берлине, Финове (месте захоронения и эксгумации трупов), затем в

Бутырках, опять приступили к допросам. Но с новой установкой — доказать «исчезновение» Гитлера. И особыми, хотя и не очень сложными, методами: изнурительные ночные допросы дополнялись «двойным контролем» с помощью немецкой «подсадной утки». В камеру помещался человек, который подробно информировал о реакции подследственного и его высказываниях.

Первым объектом «Мифа» стал Ганс Баур, шеф-пилот Гитлера. Из допросов было ясно, что следователей интересовал такой вопрос: а не смог ли Гитлер улететь из Берлина? Одновременно сопоставлялись и иные данные о возможном отлете (куда-то на Дальний Восток), готовности матчасти и так далее. Баура мучили долго, а он был в тяжелом состоянии: в конце войны у него ампутировали ногу. Иногда били, а иногда заставляли слушать, как в соседней камере били другого подследственного. Баур не раз был готов к самоубийству (судя по его словам, он прятал яд в протезе).

Так шли месяцы допросов. И все об одном, что приводило подследственных в полнейшее иступление. Однако результаты были невелики: все свидетели подтверждали, что Гитлер мертв. Конечно, их версии в деталях расходились, что заставляло следователей составлять длинные сравнительные таблицы: где, кто и когда сказал, где сидел Гитлер при самоубийстве, чем стрелял, кто выносил тело, как сжигали и т.д. На основании допросов было составлено подробное описание событий в бункере, довольно близкое к истинным обстоятельствам.

Одновременно шла подготовка к следующей части операции «Миф» — выезду специальной комиссии в Берлин и вывозу туда свидетелей. Этому посвящены сотни документов.

Следственный эксперимент

Собственно говоря, идея выезда в Берлин была подсказана союзниками. В своих письмах осенью 1945 года они выражали пожелание посетить сад рейхсканцелярии и место первого захоронения останков Гитлера и Браун. Теперь

Круглов решил сделать это сам. Процедура поездки была проста. С соблюдением полнейшей секретности надо было вывезти 7 немецких свидетелей — сначала в Брест, затем через Польшу в Берлин (в Лихтенбергскую тюрьму). Сама комиссия была невелика — 3 человека. Представитель Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД полковник Клаусен, видимо, говорил по-немецки; следственную работу вел полковник милиции Осипов; судебно-медицинскую — профессор Семеновский.

У нас есть уникальная возможность: не излагать материалы, а опубликовать впервые документы операции «Миф», показывающие, в каком виде ее утвердили и как осуществили. Это документы за подписью Клаусена, Осипова и Семеновского, которые по рекомендации журналиста С.Красильщика мне передали родные покойного полковника Осипова⁹³.

Первый документ — план операции.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ

ДЕЛ СОЮЗА ССР

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

(И.А.СЕРОВ)

16 мая 1946 года

ПЛАН

оперативных мероприятий по расследованию обстоятельств исчезновения Гитлера

Для выяснения обстоятельств исчезновения Гитлера провести следующие мероприятия:

I.

1. Составить план (в масштабе) расположения новой и старой имперских канцелярий, а также бомбоубежища (бункера) Гитлера, сфотографировать эти объекты.

2. Произвести осмотр внутренних помещений бомбоубежища Гитлера, проделав следующее:

а) составить план расположения помещений в бункере;
б) сфотографировать комнаты, занимавшиеся Гитлером и Евой Браун;

в) осмотреть всю мебель, сохранившуюся в этих комнатах, а также снять полы и потолки с целью возможного

обнаружения следов, могущих внести ясность в вопросе об обстоятельствах исчезновения Гитлера;

г) навести справки, где находится в настоящее время мебель, ранее вывезенная из бункера, и также осмотреть ее;

д) с целью опознания сохранившейся мебели и уточнения порядка ее расположения в комнатах Гитлера и Евы Браун доставить на место бывшего старшего камердинера Гитлера Линге, допросив его предварительно по этим вопросам;

е) произвести исследование места обнаружения трупов мужчины и женщины у выхода из бомбоубежища в саду имперской канцелярии для возможного обнаружения предметов, могущих иметь значение для расследования.

3. Навести справки, где находятся изъятые из бункера ранее лично принадлежащие Гитлеру и Еве Браун вещи, для их исследования.

II.

1. Произвести судебно-медицинское перевскрытие трупов мужчины и женщины, обнаруженных в первых числах мая 1945 года в саду имперской канцелярии с целью восстановления возраста умерших, примет и причин смерти. Зафиксировать заслуживающие внимание изменения частей скелета и некоторых внутренних органов путем их фотографирования и рентгенографии.

2. Для этого эксгумировать трупы и перевезти их в специально отведенное помещение в госпитале БУХ.

III.

На основе результатов вышеперечисленных мероприятий и ранее собранных материалов провести следственные действия по отдельному плану.

ПОМ.НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА

ОПЕРУПРАВЛЕНИЯ ГУПВИ МВД СССР

Подполковник (Клаусен)

ИНСПЕКТОР ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

ПРИ НАЧ. ГУМ МВД СССР

Полковник милиции (ОСИПОВ)

КОНСУЛЬТАНТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ

ЭКСПЕРТИЗЫ—ПРОФЕССОР

(Семеновский)

14 мая 1946 г.

СОГЛАСЕН: НАЧ. ОПЕРСЕКТОРА гор. БЕРЛИНА

Генерал-майор (С.А.СИДНЕВ)

16 мая 1946 г.»

Далее следовали отчеты о выполнении задания. Об осмотре бункера был составлен такой протокол:

«ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

1946 года, июня 18, г. Берлин.

По указанию Министра Внутренних Дел Союза ССР тов. КРУГЛОВА С.Н. мы, нижеподписавшиеся, Инспектор для особых поручений при Начальнике Главного Управления милиции Министерства Внутренних Дел Союза ССР — полковник милиции ОСИПОВ, Пом. Начальника отдела Оперативного управления Главного Управления по делам военнопленных МВД — подполковник КЛАУСЕН и консультант Московской Городской судебно-медицинской экспертизы Судмедэксперт профессор СЕМЕНОВСКИЙ произвели осмотр бомбоубежища (бункера) бывшего рейхсканцлера фашистской Германии ГИТЛЕРА в городе Берлине, по ул. Вильгельмштрассе, на территории сада Старой и Новой имперских канцелярий.

В процессе осмотра произведено фотографирование имперских канцелярий и бомбоубежища, а также составлен план их расположения. План и фотоснимки при этом прилагаются.

Бомбоубежище находится в восточной части сада, в 25 метрах от старой канцелярии и 78 метрах от новой.

Бомбоубежище имеет два выхода: один из здания старой канцелярии и второй — запасной — из сада.

Над входом в бомбоубежище со стороны сада построено железобетонное прикрытие треугольной формы, размером — 8 метр. 93 сант. х 7 метр. 37 сант. х 4 метр. 88 сант.

Непосредственно к входу из сада, с западной стороны, примыкает незаконченная наземная часть вентиляционного устройства, а с другой — противоположной — стороны в 5,5 метра располагается железобетонная наблюдательная башня, высотой около 5 метров, с тремя люками - бойницами, закрывающимися стальными щитами, не имеющими сообщения с бомбоубежищем. В нижней части этой башни, в стене, обращенной к зданию старой канцелярии, на высоте 1 метра 60 см. от земли имеется люк, железная лестница из которого ведет непосредственно в бомбоубежище. Этот люк закрывается глухим стальным щитом. Окружность башни равняется 15 метр. 10 см.

Рама входной двери, ведущей в бомбоубежище из сада, равняется 1 метру 90 см., ширина — 91,5 см., дверь отсутствует.

В бомбоубежище ведет каменная лестница шириной 1 метр, состоящая из 36 ступенек, с 4-мя поворотами. Кроме того имеется одна ступенька, расположенная у входной двери. Таким образом всего имеется 37 ступенек; высота каждой ступеньки — 19 см., что составляет глубину бомбоубежища, исключая покрытие, 7 метров 3 см. Ширина лестничной клетки — 2 метра 15 см.

Расположение некоторых помещений убежища, их размеры и назначение указаны на прилагаемом плане.

В помещении убежища имеются следы пожара; часть мебели обуглена, стены и потолок некоторых комнат (приемная, передняя, квартира ГИТЛЕРА и др.) закопчены.

Пол каменный, плиточный, на нем сохранились следы затопления водой.

На мебели и на некоторых стенах отмечается плесень.

Сохранившаяся мебель частично разрушена; со всей мягкой мебели кожаная и матерчатая обивка срезаны.

Квартира ГИТЛЕРА состояла из передней, рабочего кабинета, спальни, комнаты Евы БРАУН и двух туалетных комнат. Все комнаты сообщаются между собой и имеют плотно закрывающиеся деревянные двери.

В комнатах сохранились: в спальне ГИТЛЕРА — деревянный гардероб, взломанный несгораемый шкаф и ковер со следами мелких обрывов по краям; в рабочем кабинете — простой деревянный письменный стол и диван; в комнате Евы БРАУН — деревянная кровать, гардероб и буфетный шкаф; в туалетной комнате ГИТЛЕРА — небольшой деревянный столик.

Рабочий кабинет ГИТЛЕРА размером 3 м. 37 см. х 3 м. 17 см. имеет три двери: в переднюю, спальню и туалетную комнату. Прямо против двери из передней, у стены, стоит диван, над которым на стене отчетливо выделяется след от висевшей картины, имеющей вид четырехугольника. Налево от входа из передней, вдоль стены, стоит простой деревянный письменный стол. На стене, над столом, отчетливо виден овальной формы след от висевшей картины; такой же след от небольшой картины сохранился и на стене, у двери, ведущей в спальню ГИТЛЕРА.

Упомянутый выше диван, мягкий, изготовлен из соснового дерева, был обит мебельной тканью белого цвета с голубыми и темно-синими цветами. Обивка с дивана срезана и сохранилась только с левой боковой стороны, примыкающей к стене между кабинетом и спальней ГИТЛЕРА.

Длина дивана — 1 м. 94 см.; ширина со спинкой — 79,5 см.; высота со спинкой — 80 см.; высота спинки от сиденья — 46 см.; ширина сиденья — 64 см.; длина ручек — 75 см.; ширина их — 5 см.; высота ручек от сиденья — 21 см.; высота ручек от пола — 64 см.; высота ножек — 14 см.; ширина их — 5,5 см.

Тщательным исследованием дивана установлено: на верхней поверхности правой ручки дивана, на протяжении 28,5 см., имеется несколько брызг темно-бурого и красно-бурого цвета и несколько пятен почти черно-бурого цвета. Брызги имеют круглую и овальную форму; диаметр круглых брызг — от 0,5 м/м. до 0,3 см.; размер овальных брызг колеблется от 0,2 см. х 0,1 см. до 0,4 см. х 0,1 см. Пятна имеют неправильные очертания; размер их — от 0,6 х 0,7 см. до 4 х 2,6 см. Кроме того, отмечается большое количество пятен серого цвета, разной формы и величины от разрастания плесневых грибков. На внутренней поверхности ручки, на протяжении 36 см., отчетливо выделяется 8 потеков бледного красновато-бурого цвета. Потёки эти захватывают почти всю высоту (5 см.) ручки; ширина их от 0,2 см. до 1,3 см. У нижнего края всех потеков отмечается более интенсивный цвет окраски от скопления стекавшего вещества. Кроме потеков выделяется несколько брызг овальной формы, размером от 0,1 см. до 0,5 см.

У верхнего края семи потеков имеются 2 неглубоких среза ножом, неправильных очертаний, размером 7 х 3 см. и 11 см. х 2,7 — 4,5 см.

На наружной поверхности сохранившейся части обивочной материи, у нижнего края трех потеков, отмечается темно-красного цвета пятно, размером 1 х 6 см. Это пятно проникает через всю толщину материи и на внутренней поверхности ее выявляется тремя пятнами темно-красного цвета; два из них круглой формы, диаметром 1 см. каждое, третье пятно неправильных очертаний, размером 3 х 1 см.

На наружной поверхности ручки, на протяжении 27,5 см. имеется 12 потеков красноватого светло-бурого и красновато-бурого цвета со значительным скоплением стекавшего вещества у нижнего их края. Потёки эти занимают всю высоту (5 см.) ручки и расположены один против другого. Местами, в верхних своих частях, почти все потеки, за исключением двух, расположенных ближе к спинке дивана, сливаются и наслаиваются друг на друга. Наибольшая ши-

рина потеков — 8 см.; наименьшая — 0,3 см. На двух потеках заметны следы «отстирания» их, имеющие вид зигзагообразных полос со скоплениями между ними стекавшего вещества более интенсивной окраски, чем остальная поверхность потеков. На сохранившейся части обивочной материи, на планке, у нижнего края двух потеков, отмечается пятно красновато-бурого цвета, неправильных очертаний, размером 1,5 см. х 0,5 см.

У верхнего края потеков имеется неглубокий след от ножа в виде полосы, размером 25,5 см. х 1,1 см.

На наружной поверхности правой поперечной перекладины рамы дивана отчетливо заметны около 20 больших и меньших размеров красновато-бурого цвета потеков и много мелких брызг такого же цвета. Потёки располагаются очень близко друг к другу, на протяжении 16,7 см., ближе к спинке дивана на остальной поверхности перекладины распределяются мелкие красновато-бурого цвета брызги.

Пять потеков захватывают всю высоту (6 см.) перекладины, ширина их от 1 до 2,9 см., остальные потеки значительно меньшей величины; размеры их колеблются от 0,2 см. х 0,1 м/м. до 3 х 0,5 см. У нижнего края всех потеков отмечается более интенсивный цвет окраски от скопления стекавшего вещества; два больших потока переходят на нижнюю поверхность перекладины, где образуют два неправильно-округлых очертаний пятна, размером 1,9 х 1,1 см. и 3,4 х 1,4 см.; в центре этих пятен имеется разрастание плесневых грибков. На двух больших потеках отмечаются следы от «стирания» их, имеющие вид зигзагообразных полосок со скоплениями между ними стекавшего вещества более интенсивной окраски, чем остальная поверхность потеков.

Описанные потеки располагаются на одной линии с потеками на наружной поверхности правой ручки дивана.

Брызги распределяются преимущественно ближе к переднему краю перекладины. Некоторые брызги круглой формы, величиной с точку; остальные брызги имеют форму очень вытянутых овалов, заостренные концы их обращены вверх. В направлении их к спинке дивана или в сторону переднего конца перекладины. Размер брызг колеблется от 0,5 м/м. х 0,1 м/м. до 0,7 см. х 0,5 см.

На обеих поверхностях сохранившейся части материи, непосредственно у верхнего края двух больших потеков, заметно бледное красновато-бурого цвета пятно, непра-

вильных очертаний, размером 7 x 1,7 см., покрытое плесенью. Соответственно этому пятну, на планке отмечается неправильных очертаний бледное красновато-бурого цвета пятно, размером 5,5 см. x 0,5—1,5 см., со следами плесени.

На нижней поверхности перекладки рамы, преимущественно у заднего ее конца, располагается большое количество брызг красновато-бурого цвета круглой и овальной формы. Диаметр круглых брызг колеблется от 0,1 м/м. до 0,15 см., размер овальной формы брызг — от 0,15 x 0,1 см. до 1,1 x 0,15 см. Острый конец некоторых брызг имеет направление сверху вниз, в сторону заднего конца перекладки; большинство брызг своим заостренным концом обращено несколько сверху вниз, в сторону переднего конца перекладки.

Вся передняя поверхность задней правой ножки усеяна многочисленными брызгами красновато-бурого цвета; на брызгах в средней и нижней трети ножки отчетливо отмечается разрастание плесневых грибков. Одни брызги имеют круглую форму, другие — форму вытянутого овала с заостренным концом, обращенным вверх в сторону двери, ведущей в спальню ГИТЛЕРА; некоторые брызги, сливаясь между собой, образуют фигуры неправильных очертаний, диаметр круглых брызг — от 0,2 м/м. до 0,2 см.; размер брызг овальной формы колеблется от 0,1 см. x 0,2 м/м. до 0,3 x 0,1 см.; слившиеся брызги неправильных очертаний имеют размеры от 0,3 x 0,1 см. до 1,2 см. x 0,3 см.

Такого же цвета брызги, но в меньшем количестве, отмечаются по всей наружной поверхности той же ножки.

На брызгах, расположенных непосредственно у нижнего края ножки, на протяжении 3 см., заметно разрастание плесневых грибков. Большинство брызг имеет форму сильно вытянутого овала с заостренным концом, обращенным преимущественно вверх, в сторону стены, противоположной входной двери; очень небольшое количество брызг овальной формы располагается почти параллельно полу, острый конец их направлен в ту же сторону, как и описанных брызг; брызги круглой формы имеются в очень небольшом количестве; отмечается также несколько слившихся брызг неправильных очертаний. Размер брызг овальной формы колеблется от 0,2 см. x 0,2 м/м. до 0,6 см. x 0,5 м/м. — 0,1 см.; диаметр круглых брызг от 0,2 м/м. до 0,1 см.; слившиеся брызги имеют размеры от 0,2 x 0,5 см. до 1 x 0,2 см.

У верхнего края наружной поверхности передней продольной перекладки рамы дивана, на 36 см. от правой ножки,

имеется красно-бурого цвета пятно, размером 6,7 x 1,4 см.; от нижнего края пятна отходят многочисленные потеки, длиной от 0,3 см. до 4 см. и наибольшей шириной от 0,2 м/м. до 0,4 см.

На сохранившемся у верхнего края перекладки обивочном матерчатом канте, над описанным пятном, отмечается красновато-бурого цвета пятно, размером 4 x 0,6 см.

На обивочной грубой материи на нижней поверхности дивана у задней правой ножки и правого края задней продольной перекладки рамы дивана на протяжении 43 см. x 22 см. отмечается большое количество брызг сероватого цвета и отчетливого красновато-бурого цвета; брызги имеют круглую и овальную форму; края некоторых брызг расплывчатые. Диаметр круглых брызг — от 0,2 мм. до 0,2 см.; размер овальных брызг колеблется от 0,2 x 0,1 см. до 0,7 x 0,1 см.

Исследованием других помещений обнаружено:

При выходе из бомбоубежища, на левой стене дверного тамбура, непосредственно у двери, на высоте 1 м. 5 см. от пола, располагается в поперечном направлении красновато-бурого цвета пятно, имеющее вид мазка, размером 19 см. x 0,5 — 2 см. Мазок этот состоит из многочисленных параллельных линейной формы полосок.

На 4 см. прямо вверх от этого пятна, непосредственно у косяка двери, имеется такого же цвета и вида второй мазок, размером 5 см. x 0,3 — 0,6 см. Оба мазка продолжают на косяк двери, где и заканчиваются; размер мазков: верхнего — 4,9 см. x 0,5 см., нижнего — 4,9 см. x 5 — 6 см.

На ребре дверного тамбура, у входа на лестницу, на высоте 87 см. от пола, располагается красновато-бурого цвета пятно неправильных очертаний, размером 2 x 2,2 см.

На стене первой от выхода лестницы, на уровне 8-й ступеньки снизу, на высоте 20 см. от нее, имеется косо расположенный красновато-бурого цвета мазок размером 10 x 1 см., состоящий из отдельных параллельных линейной формы полосок.

На стене лестницы, третьей от выхода, на уровне четвертой ступеньки снизу, на высоте 77 см. от нее, отмечается красновато-бурого цвета, неправильных очертаний, размером 17 x 0,5 — 3 см. мазок, состоящий из отдельных параллельных линейной формы полосок.

Каких-либо иных данных, имеющих значение для следствия, при осмотре бомбоубежища не установлено. Пятна и

брызги на диване и мазки на стенах изъяты для исследования на присутствие в них крови.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного мы приходим к следующему заключению:

локализация, вид и характер распределения потеков и брызг крови на диване в бывшей рабочей комнате ГИТЛЕРА указывают, что потеки и брызги эти образовались в результате ранения человека.

Судя по очень большому количеству брызг и потеков крови на диване, следует признать, что ранение это сопровождалось обильным излиянием крови наружу и потому его должно отнести к разряду, по меньшей мере, опасных для жизни.

Потерпевший в момент ранения сидел в правом углу дивана, около ручки, о чем свидетельствует наличие потеков и брызг крови только у правого бокового края дивана (на правой ручке, на правой поперечной перекладине рамы, на правой задней ножке, на грубой матерчатой обивке нижней поверхности дивана, около правой поперечной перекладины рамы и на передней продольной перекладине рамы, на расстоянии 36 см. от правой передней ножки).

Такое расположение брызг и потеков крови на диване, а также характерный вид их говорят о том, что ранение локализовалось на голове, а не в области грудной клетки или живота, так как в последнем случае, при истечении крови наружу, не могли образоваться потеки и брызги на ручке, на правой поперечной перекладине и на ножке дивана, а могло быть только пропитывание кровью одежды раненого и обивки сиденья и спинки дивана.

Повреждение головы произошло от выстрела в голову, а не от удара по голове каким-либо тяжелым, твердым, тупогранным предметом, что доказывается отсутствием брызг крови на спинке, над диваном, и на раме спинки дивана.

После повреждения головы раненый потерял сознание и некоторое время оставался неподвижным с наклоненной в сторону правой ручки головой, чем и объясняется расположение по одной линии потеков крови на наружной поверхности правой ручки и на наружной поверхности правой поперечной перекладины рамы, а также наличие обильного количества брызг, особенно на нижней поверхности той же перекладины, на правой задней ножке и на грубой матерча-

той обивке нижней поверхности дивана, образовавшейся от падения и стекания крови на лужу крови, которая скапливалась на полу.

Следы «от стирания» на двух потеках крови на наружной поверхности правой ручки дивана и на той же поверхности правой поперечной перекладины рамы произошли при снятии потерпевшего с дивана, от прикосновения к этим потекам или одежды одного из лиц, участвовавших при снятии раненого с дивана, или от руки потерпевшего, которая располагалась у наружной поверхности ручки и поперечной перекладины рамы.

Весьма вероятно, что при снятии потерпевшего с дивана образовался потек крови на передней продольной перекладине рамы дивана на расстоянии 36 см. от правой передней ножки дивана.

Потерпевший после снятия его с дивана был вынесен из рабочего кабинета, через проходные комнаты, по лестнице запасного выхода, на что указывают наличие мазков крови на стене тамбура, на стене около лестницы и пятно крови на косяке двери, которые образовались от прикосновения к стене двери запачканной кровью одежды потерпевшего или того предмета, в который он мог быть завернут.

ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ —

(ОСИПОВ)

ПОДПОЛКОВНИК —

(КЛАУСЕН)

ПРОФЕССОР — (СЕМЕНОВСКИЙ)».

Это был наиболее подробный документ. После него комиссия решила провести исследование пятен и потеков, обнаруженных в бункере. Профессор Семеновский выполнил эту часть работы и составил следующий акт:

«АКТ

1946 года, мая 18 дня, гор. Берлин.

Согласно предложению от 16-го мая 1946 года подполковника КЛАУСЕНА Ю.К. и полковника ОСИПОВА Н.Ф., я, нижеподписавшийся, произвел исследование пятен на доставленных объектах, не являются ли эти пятна кровяными.

Для исследования доставлены: часть ручки, перекладины, ножки, грубой матерчатой обивки на нижней поверхности дивана и соскобы пятен-мазков со стен. Перечисленные части дивана изъяты из бывшей рабочей комнаты Гитлера в бомбоубежище, а соскобы взяты со стен тамбура дверей и лес-

тницы, ведущих к запасному выходу из бомбоубежища. Все объекты подробно описаны в протоколе от 14 мая 1946 года.

Микрхимическое исследование

С нескольких пятен, имеющих красновато-бурый оттенок, отделены корочки. Одна часть корочек была положена на предметные стекла, накрыта покровными стеклышками; под стекло было подведено несколько капель насыщенного раствора поваренной соли в ледяной уксусной кислоте, затем препараты были нагреты на слабом пламени спиртовой горелки до появления пузырьков. По охлаждению препараты исследовались под микроскопом при слабом и сильном увеличении. Во всех препаратах были видны многочисленные светло- и темно-коричневого цвета ромбические таблички и столбики (кристаллы Тейхмана). Другая часть корочек была помещена на предметные стекла, накрыта покровными стеклышками, обработана 33%-м раствором едкого калия и подогрета на слабом пламени спиртовой горелки. По охлаждении препараты были исследованы под микроскопом при слабом и сильном увеличениях. Во всех препаратах были видны крупные розового цвета шары гомохромогена.

Таковыми же способами были исследованы и соскобы со стен. При обработке соскоба 33% раствором едкого калия на некоторых препаратах образовались единичные мелкие бледно-розового цвета шары гомохромогена. Кристаллы Тейхмана при обработке соскоба насыщенным раствором поваренной соли в ледяной уксусной кислоте не получились, вероятно из-за примеси к пятнам извести и краски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из изложенного следует, что пятна на доставленных частях дивана и пятна-мазки на стенах являются кровавыми.

КОНСУЛЬТАНТ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ — СУД. МЕД. ЭКСПЕРТ — ПРОФЕССОР — (СЕМЕНОВСКИЙ)».

Вслед за этим комиссия зафиксировала результаты своих расследований в саду рейхсканцелярии. Они оказались неожиданными:

«ПРОТОКОЛ

1946 года, мая 30 дня, гор. Берлин.

Согласно указанию Заместителя Министра Внутренних Дел Союза ССР товарища СЕРОВА И.А., мы, нижеподписавшиеся, Инспектор для особых поручений при Начальнике Главного Управления милиции Министерства Внутренних Дел Со-

юза ССР — полковник милиции ОСИПОВ, пом. начальника Отдела Оперативного Управления Главного Управления по делам военнопленных МВД СССР — подполковник КЛАУСЕН и Консультант Московской Городской судебно-медицинской экспертизы — суд.-мед. эксперт профессор СЕМЕНОВСКИЙ произвели раскопку ямы около бомбоубежища в саду бывшей имперской канцелярии с целью возможного обнаружения каких-либо предметов, имеющих отношение к выяснению обстоятельств исчезновения ГИТЛЕРА.

По данным следствия, в этой яме были найдены обгоревшие трупы мужчины и женщины (предположительно ГИТЛЕРА и Евы БРАУН).

Яма, размером 4 x 5 метров, располагается приблизительно в 3 метрах от запасного выхода из бомбоубежища и представляет из себя воронку от взрыва авиабомбы или артснаряда. В яме находится большое количество разного рода железного лома. По удалении этого лома оказалось, что глубина ямы достигает, примерно, одного метра и дно ее представляет плотно слежавшуюся массу крупно- и мелкозернистого песка.

При разрытии дна ямы, почти на середине, на глубине около 50 — 60 см., были обнаружены на небольшом расстоянии друг от друга:

- а) два частично обуглившихся куска костей черепа, на одном из которых отмечается выходное пулевое отверстие;
- б) несколько небольших легко разрываемых частей темного цвета тонкой материи от одежды;
- в) сильно обугленная подошвенная часть обуви с каблуком;
- г) плетеный ошейник из пластмассы белого и темно-синего цвета с железной пряжкой, кольцом и куском узкого кожаного ремешка, по окружности которых имеются плотно приставшие клочья собачьей шерсти буроватого оттенка;
- д) несколько небольших темного цвета костей конечностей мелкого животного;
- е) стабилизатор от авиабомбы и два бидона для бензина с многочисленными дефектами от осколков снаряда.

Перечисленные предметы, за исключением костей животного, стабилизатора от авиабомбы и бидонов, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ — (ОСИПОВ)

ПОДПОЛКОВНИК — (КЛАУСЕН)

ПРОФЕССОР — (СЕМЕНОВСКИЙ)».

Найденные (и сфотографированные) обломки черепа следовало изучить более подробно, тем более что эта находка противоречила принятой ранее версии об отравлении Гитлера. Семеновский высказал свое авторитетное суждение, зафиксированное в следующем акте:

«АКТ

1946 года, мая 31-го дня, город Берлин.

Согласно предложению от 30-го мая 1946 года подполковника КЛАУСЕНА Ю.К. и полковника милиции ОСИПОВА Н.Ф., я, нижеподписавшийся, произвел судебно-медицинское исследование двух частично обуглившихся кусков костей черепа, изъятых 30-го мая с.г. из ямы около бомбоубежища на территории сада бывшей имперской канцелярии, на предмет определения видовой принадлежности их и установления характера имеющихся на них повреждений.

А. Осмотр объекта

На наружной и внутренней поверхностях костей имеются многочисленные довольно плотно приставшие комочки земли.

На всем протяжении кусков костей отмечается резко выраженная дугообразная выпуклость их.

Один кусок кости представляет собой часть правой теменной кости и прилегающая к ней часть чешуи затылочной кости с ламбдовидным швом. Шов этот не зарощен. Сагиттальный шов теменной кости свободный, зубцы его хорошо выражены. Левая ветвь ламбдовидного шва свободная, с сохранившимися зубцами; правая ветвь — подвижная.

Размеры куска правой теменной кости: длина сагиттального края — 7,2 см.; бокового края — 8,6 см.; переднего края — 5,3 см. и затылочного края — 4,7 см. Толщина кости у сагиттального края — от 0,4 до 0,5 см.; у бокового края — 0,3 см.

Размеры части чешуи затылочной кости: длина по правой ветви ламбдовидного шва — 4,7 см.; по левой ветви — 4,2 см. и по заднему краю — 6,5 см. Толщина кости по левой ветви ламбдовидного шва — от 0,4 до 0,5 см.; по заднему краю — около 0,3 см.

Передний, боковой и задний края куска кости неровные, имеют вид крупно- и мелкозубчатой ломанной линии; они темно-бурого цвета, легко ломаются. Стреловидный и ламбдовидный швы сохранили на значительном своем протяжении присущие им вид и плотность. Наружная пластинка у переднего и бокового края отсутствует, обнажая

средостение, которое имеет светло-бурый цвет, размер дефекта — 6,5 x 1,2 — 4,7 см. На наружной пластинке, у бокового и заднего края кости, а также у верхнего края описанного дефекта отмечается обугливание в виде полосы бурого и черного цвета, шириной от 1 см. до 1,8 см. На остальном протяжении наружной пластинки теменной и затылочной костей заметно отложение копоти, имеющее вид небольших пятен серо-черного цвета; на этом участке наружная пластинка очень плотная.

Внутренняя пластинка теменной и затылочной кости у переднего, бокового и заднего ее края бурого цвета, сухая, легко ломается; на остальном протяжении она имеет свойственный ей цвет и плотность.

На чешуе затылочной кости располагается продольная трещина длиной 1,7 см., верхний конец которой находится приблизительно у середины правой ветви ламбдовидного шва.

Другой кусок кости представляет собой часть левой теменной кости. Размеры его следующие: длина по сагиттальному краю — 7,4 см.; по боковому краю — 7,5 см. и по затылочному краю — 5,7 см. Трещина у сагиттального края — от 0,4 до 0,5 см.; у бокового края — от 0,2 до 0,3 см. и у затылочного края — 0,4 см.

Передний край кости неровный, крупнозубчатый, бурого цвета, легко ломается; боковой край неровный — мелкозубчатый; стреловидный шов почти на всем своем протяжении и затылочный край на протяжении 3,2 см. сохранили присущие им вид и плотность. По затылочному краю отмечается дефект полулунной формы; высота его — 1,5 см., основание — 2,5 см.

На всем протяжении переднего края наружная пластинка отсутствует, обнажая средостение; последнее имеет светло-бурый цвет, легко ломается. По всему верхнему краю этого дефекта отмечается на наружной пластинке обугливание, имеющее вид полосы бурого и черного цвета, шириной от 0,8 до 1,3 см. Непосредственно за обугленным участком, параллельно ему, располагается копоть в виде полосы, длиной 7,5 см. и шириной 0,5 — 1,2 см.

На наружной пластинке, у бокового края, ближе к затылочному краю, отмечается участок обугливания размером 4,5 x 0,5 — 1,2 см. На остальном протяжении кости наружная пластинка плотная.

Если соединить теменные кости по сагиттальному шву,

то хорошо видно, что обгоревшие участки у переднего края этих костей образуют одну полосу обугливания.

Края внутренней пластинки, соответственно обгоревшим участком наружной пластинки, неровные, серо-желтоватого цвета, хрупкие; на остальном протяжении внутренняя пластинка плотная.

На внутренней пластинке на 3,6 см. от вершины ламбдовидного шва и на 1 см. прямо влево от сагиттального шва располагается проникающий через всю толщу кости дефект, почти круглой формы, размером 0,5 x 0,6 см., со слегка скошенным наружу задним краем.

На наружной пластинке дефект этот имеет звездообразную форму; края дефекта резко скошены наружу; общий размер этого дефекта — 2 x 1,6 см. Толщина кости в области дефекта около 0,4 см. От краев дефекта на внутренней пластинке отходят две трещины; одна из них длиной 1,2 см. заканчивается у стреловидного шва, другая трещина длиной 2,3 см. направляется в сторону бокового края.

Почти посередине внутренней пластинки ближе к боковому краю и почти параллельно ему, на протяжении 6 x 1,3 — 2 см., располагается несколько плотно приставших к кости комочков земли, в которых имеется около 30 мелких костных отломков неправильных угловатых очертаний — размером от 0,1 x 0,1 см. до 1 x 0,6 см., отломки эти плотные, имеют свойственный кости цвет. На других изъятых отломках, размером 0,9 x 0,5 см. и 1 x 0,6 см., отчетливо видны, особенно с помощью лупы, наружная и внутренняя пластинки, толщина этих отломков — 0,1 см., 0,15 см. и 0,25 см.

Б. Заключение

На основании изложенного, в соответствии с поставленными мне вопросами, я прихожу к следующему заключению:

1. Два частично обуглившихся куска черепа, изъятых 30-го мая 1946 года из ямы около бомбоубежища, являются частями теменных костей и чешуи затылочной кости черепа взрослого человека, что доказывается наличием стреловидного и ламбдовидного швов, размерами кусков и резко выраженной дугообразной выпуклостью этих кусков на всем их протяжении.

Если соединить куски костей по стреловидному шву и левой ветви ламбдовидного шва, то ясно видно, что части теменных костей и часть чешуи затылочной кости происходят от черепа одного человека. Этот вывод подтверждает

ся и совпадением участков обугливания, расположенных по одной линии у переднего края теменных костей.

2. Дефект на левой теменной кости, около стреловидного шва, имеет воронкообразную форму со скошенными наружу краями и более значительными размерами на наружной пластинке, чем на внутренней. Из этого следует, что дефект этот является выходным пулевым отверстием.

При решении вопроса о расположении входного пулевого отверстия необходимо в разбираемом случае учитывать не только локализацию выходного отверстия, форму и размеры его, но и толщину костных отломков, обнаруженных на внутренней пластинке левой теменной кости, которые образовались от разрушения кости по окружности входного отверстия.

Исследованием двух крупных костных отломков установлено, что на них отчетливо заметны наружная и внутренняя пластинки и что толщина отломков равняется 0,1 см., 0,15 см. и 0,25 см. Это обстоятельство, в связи с локализацией, формой и размерами выходного пулевого отверстия, дает право признать, что выстрел произведен или в рот или в височную область справа (кости черепа в этих областях имеют сравнительно небольшую трещину).

Таким образом, следует полагать, что выстрел произведен в направлении снизу вверх, справа налево, кзади.

3. На кусках костей обнаружены только две небольшие трещины у краев выходного отверстия. Кроме того, установлено, что толщина левой теменной кости в том месте, где располагается выходное отверстие, равняется около 0,4 см. Ввиду этого и принимая во внимание размер выходного пулевого отверстия, а также довольно значительную длину раневого канала в веществе головного мозга, можно сделать вывод, что выстрел, причинивший ранение головы, произведен из оружия среднего калибра, с обычным для этого типа оружия зарядом.

4. Из описания кусков свода черепа видно, что теменные кости разъединены по стреловидному шву, чешуя затылочной кости отделена от левой теменной кости по левой ветви лямбдовидного шва, а правая ветвь того же шва подвижная. Кроме того, на значительном протяжении внутренней пластинки левой теменной кости (т.е. на некотором расстоянии от раневого канала в веществе головного мозга) обнаружено довольно значительное количество мелких костных отломков. Эти данные свидетельствуют, что выстрел

произведен на очень близком расстоянии, в пределах действия пороховых газов, т.е. в упор или почти в упор.

5. Обугливание костей черепа произошло от значительного воздействия пламени на голову трупа.

Более сильное разрушение и обугливание правой теменной кости, чем левой теменной, а также наличие участков обугливания на чешуе затылочной кости справа указывают, что правая половина головы подвергалась большему воздействию пламени, чем левая половина. Воздействию пламени подвергались также лобнотеменная, левая височная и затылочная области, о чем можно судить по виду и характеру соответствующих участков теменных костей и чешуи затылочной кости.

6. Наличие двух обуглившихся костей черепа, обнаруженных в яме, из которой были раньше извлечены два сильно обугленных трупа, объясняется, всего вероятнее, неосторожными манипуляциями при закапывании в яму трупа или при извлечении его из ямы, вследствие чего могло произойти отделение от черепа обуглившихся теменных костей и затылочной кости; вероятно, от тех же неосторожных действий образовались и дефект по затылочному краю левой теменной кости, а также небольшая трещина на чешуе затылочной кости».

Конечно, Семеновский не мог сказать, принадлежат ли Гитлеру обломки (кстати, экспертиза возраста костных тканей обломков так и не была проведена). На этом комиссия практически закончила свои труды.

Что же означали все ее заключения? Да ничего!

Собственно говоря, и не могли ничего означать. Была абсурдной сама идея послать год спустя в Берлин следователей и свидетелей для того, чтобы доказать, что состоялось или не состоялось «якобы самоубийство» Адольфа Гитлера и каким образом произошло его «исчезновение». Но ведь Круглову и Серову было сие не столь важно. Это были лишь кабинетные, в данном случае «анти-абакумовские», игры, и не вина Круглова, что его предшественник был куда ближе к истине, чем он.

Вероятно, поэтому работа комиссии «наказала» инициаторов всей затеи: если она что-либо дала, то свидетельство подлинного, а не мнимого **выстрела** в комнате, где Гитлер и Браун покончили с собой. Пятна на стене и на софе,

точнейшим и неопровержимым образом зафиксированные комиссией, подтверждали, что Гитлер воспользовался оружием, что в 1945 году ставилось советским следствием под вопрос. В неменьшей мере в пользу этого говорили чудом (после года!) найденные в яме обломки черепа с выходным отверстием пули.

Но как же с центральным заданием — перепроверкой акта Шкаравского? Ведь Семеновский установил столько недостатков в нем, что его надо было обязательно перепроверить. Комиссия знала, как это сделать: надо провести эксгумацию трупов, закопанных в Магдебурге, в расположении отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии. По телефону из Берлина они передали срочную просьбу: нужно получить в Магдебурге «два ящика».

Здесь случилось непредвиденное: начальник управления «СМЕРШ» Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант Зеленин... отказался выдать ящики. Из другой записки явствует, что комиссия пыталась получить на это дополнительное указание от Серова, но тот был занят другими срочными делами и указания не последовало. Такова была месть Абакумова. Круглов нервничал. На одной из бумаг он наложил резолюцию: «Надо торопиться. Ведь трупы разлагаются». Начальник советского госпиталя в Бухе, предместье Берлина, получил служебную записку генерала Сиднева:

«В связи с необходимостью проведения медицинских мероприятий, связанных с выполнением специального задания, прошу во вверенном Вам госпитале выделить для оперативного сектора Берлина СВА одну комнату, необходимые хирургические инструменты и закрепить одного-двух санитаров за профессором Семеновским».

Однако армейские власти отдавать тела не торопились. 30 мая подполковник Клаусен, возглавлявший следственную бригаду, был вынужден звонить в Москву. В телефонограмме сказано:

«Необходимо, чтобы тов. Абакумов дал распоряжение выдать для осмотра два ящика с трупами».

Абакумов распоряжения, разумеется, не дал — ведь ему вся затея была не по душе. Комиссия уехала, не солоно

хлебавши. Что оставалось делать? В результате комиссия пришла к соломонову решению (в июле 1946 г.):

«Несмотря на то, что [все данные] свидетельствуют в пользу показаний Линге и других лиц о том, что Гитлер совершил самоубийство... комиссия не считает возможным сделать окончательные выводы по этому вопросу».

Что и требовалось доказать: мол, ищите Гитлера дальше. Впрочем, нет свидетельств о том, что заключение было направлено Сталину. Среди донесений Круглова Сталину оно не числится. «Миф» остался мифом и неплохим названием для всей истории, о которой я повествую.

После «Мифа»

Старинное правило гласит: из ничего ничего не бывает. Однако на существовавший некогда между Лубянской и Старой площадью странный мир эта истина не распространялась.

И вот очередное дело: на сей раз не в архиве НКВД, а в архиве МГБ⁹⁴. Оно состоит из нескольких документов, подписанных человеком, имя которого имело зловещую славу. Это следователь, а в 1948 году — заместитель начальника следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности СССР, полковник Комаров, с выразительным прозвищем «Костолом». Он нам уже встречался в 1941 году, когда выбивал «признания» из генерала Павлова. Именно он составил для министра госбезопасности Абакумова **«Справку по показаниям свидетелей смерти Гитлера»**. Она начинается с такой констатации:

«Расследованием вопросов, связанных с обнаружением трупов Гитлера, Геббельса и их семей, занимались начальник управления КРО «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта генерал Вадис, начальник отдела КРО «СМЕРШ» 3-й ударной армии полковник Мирошниченко и группа работников отдела «СМЕРШ» этой группы войск. В Главном управлении «СМЕРШ» по этому вопросу сконцентрированы все материалы — акты об опознании трупов, судебно-медицинские экспертизы, протоколы допросов свидетелей, вещественные

доказательства, в том числе искусственные зубы Гитлера и его жены Евы Браун, золотой портсигар, обнаруженный при трупе жены Геббельса, нагрудные знаки НСДАП, обнаруженные при трупе Геббельса и его жены. Кроме того, в Главном управлении «СМЕРШ» ныне содержатся 9 арестованных немцев, являющихся свидетелями смерти Гитлера, Геббельса и их семей».

Для чего и почему составлялась эта справка? Вроде как для новой перепроверки? В справке Комарова не сказано. К ней приложены:

— список лиц, опознавших трупы и дававших показания. Это уже давно знакомые нам лица — Фосс, Шнайдер, Ланге, Хойзерман, Эккольд, Цим, Менгерсхаузен, Кунц, Хаазе, Эхтман, Фриче;

— другой список — арестованных свидетелей смерти Гитлера и родственников фюрера. В нем 16 человек, в том числе арестованная в Австрии в июне 1945 года двоюродная сестра Гитлера Мария Копенштайнер, видевшая Гитлера последний раз в 1907 (!) году, ее муж и двоюродный брат Гитлера, никогда его не видевший, — Эдуард Шмидт и его сын.

Среди документов МГБ — снова схема зубов Гитлера и Браун, сделанная Эхтманом в июле 1947 года, дело на Гюнше с его личными документами и справка о том, что Гюнше 6 августа 1948 года был отправлен из Бутырок в лагерь № 27.

Ревностные хранители тайн Лубянки и на этот раз не смогли разъяснить мне, почему Комаров в 1946—1949 годах снова занялся злосчастным вопросом. Однако в президентском архиве, точнее, в фонде Сталина любезные архивисты обнаружили странный документ, который открывает новую, доселе неизвестную главу в истории останков Гитлера. 9 января 1948 года начальник разведки Северной группы войск в Польше генерал Виноградов послал такой доклад на имя Сталина: в Варшаве проходит процесс над немецким летчиком Петером Баумгартом. Он показал, что в конце апреля 1945 года, а именно 29 апреля, вывез Адольфа Гитлера из Берлина в Данию, где приземлился в районе 70 км от реки Эйтер. Гитлер поблагодарил его и даже вручил ему денежную премию⁹⁵.

Нетрудно догадаться, как заинтересовался Сталин этой телеграммой. На ней он размашисто написал указание Молотову немедля запросить посла в Варшаве Лебедева об этом человеке. 11 января секретарь Молотова Б.Подцероб выполнил это указание.

Из Варшавы пришел ответ от посла Лебедева: он не донес о Баумгарте, так как об этом сообщил корреспондент ТАСС в Варшаве; кроме того, выяснилось, что Баумгарт — человек с большой психикой и судопроизводство по его делу прекращено. В бумагах МИД об этом эпизоде ничего больше не говорится. На оригинале, пришедшем в ГРУ, никаких резолюций о расследовании нет, лишь указано, что копии донесения пошли Сталину, Молотову и Берия, а также в МВД и МГБ. Стали ли те ведомства проводить дознание? Некоторые ветераны утверждают, что якобы была назначена медицинская комиссия и даже привозили в Москву кости Гитлера. Документов об этом архивисты ФСК не обнаружили, и они предполагают, что в памяти ветеранов сместились воспоминания об этом деле и об операции «Миф».

Но и на этом цепочка не оборвалась. В 1953 году в Австрии объявился человек, удивительно похожий на Гитлера. Советские представители встревожились: вдруг это «убежавший» фюрер? Однако вскоре из Вены пришло сообщение, что тревога оказалась ложной.

Выстрел в бункере

Наверное, Сталин уже давно забыл об этой неприятной для него истории. Не успокоились только сотрудники МВД и МГБ, которые как верные партийные пропагандисты хотели представить смерть Гитлера в наиболее неблагоприятном для него свете. А именно как отравление, а не офицерская «пуля в лоб». Хотели этого и после смерти Сталина.

Не скрою, что в 1965 году при первом же разговоре в доме на Лубянке полковник Бачурин, представлявший

пресс-бюро КГБ, сказал мне, что одной из основных задач готовившейся мною публикации является доказательство самоотравления фюрера. Эта задача была, впрочем, не очень сложной, так как в немецкой, английской и американской литературе этот спор шел уже давно и к версии о яде склонялись авторы, которые к мнению КГБ совсем не прислушивались. Так, Роберт Кемпнер, нюрнбергский обвинитель, писал:

«У меня и моих сотрудников появилось подозрение, что Гитлер не застрелился и его смерть и смерть его жены Евы объясняются отравлением. Это подозрение напрашивалось после многих допросов, на которых шла речь о распределении врачами СС ампул с ядом среди высших функционеров партии на случай краха третьего рейха. Известно много случаев, когда применялись эти ампулы. Стоит вспомнить о семье Геббельсов, о самоубийстве рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и самоубийстве приговоренного к смерти Германа Геринга... Мое подозрение о том, что и Гитлер отравился, было подкреплено после допроса д-ра Блашке, который сказал, как дрожали руки у Гитлера в апреле 1945 года. Подобное дрожание с криминалистической точки зрения как бы исключало выстрел из пистолета. Кроме того, Гитлер не был типом, который стреляется, а скорее типом, который, попав в тупик, хватается за яд как более "легкий метод"».

Далее Р.Кемпнер ссылался на мою прежнюю книгу, где опубликованы акты, в которых говорилось об обнаружении во рту трупов «предположительно Гитлера» и «предположительно Евы Браун» осколков ампул с цианистым калием.

... Продолжу покаяние. В прежних книгах я не написал и о другом. Политическая установка автору Безыменскому была определенной: снять версию об «офицерской смерти» Гитлера. Впрочем, сами ветераны КГБ свято верили, что Гитлер не застрелился, а отравился. Я был готов принять эту версию. Тем не менее мне категорически не советовали публиковать одно донесение о химической экспертизе, произведенной во фронтовой санитарно-эпидемиологической лаборатории № 291 в июне 1945 года⁹⁶.

Химическая экспертиза производилась фундаментально: всего в лабораторию (военное сокращение — ФСЭЛ) было

доставлено 30 проб внутренних органов и 12 проб крови; было проведено 42 реакции на цианиды и 78 реакций на алкалоиды. Как докладывал начальник ФСЭЛ подполковник медслужбы Малый, были установлены растворимые цианистые соединения проб по актам 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Количество синильной кислоты равнялось («на 1 кг мяса»*) 9,72 — 12,9 мг. Все это были пробы останков семьи Геббельса, собак и Кребса. А Гитлер и Браун? Соответствующий пункт гласил:

«в) в материале по актам вскрытия № 12 и 13 цианистые соединения не обнаружены».

Как так? У Гитлера и Браун нет следов яда? Я задавал этот вопрос Шкаравскому и другому члену комиссии, профессору Краевскому. Они не придали этому большого значения, ссылаясь на возможность выветривания следов через неделю и на плохую сохранность «материала». Однако это негативное заключение я раньше не цитировал. Кстати, когда Берия послал Сталину акты химического обследования, он предусмотрительно включил только акты 1—11, а не 12 и 13, чтобы не вызывать излишних сомнений.

Но сегодня, чем больше я сравниваю различные протоколы, тем больше склоняюсь к мнению, что самоубийство было «двойным» — и яд, и выстрел. Это мнение укрепилось у меня, когда известный криминолог д-р Рольф Эндрис, ознакомившись с фото найденной во время операции «Миф» теменной кости, высказал убеждение, что выстрел последовал не в рот, а в висок. Мнение Елены Ржевской, что отравившегося Гитлера пристрелили, к сожалению, подтверждено лишь одним показанием генерала Раттенхубера⁹⁷. Бывший в имперской канцелярии д-р Клаус Шенк также склоняется к идее «комплексного самоубийства». Ведь точно так же покончил с собой Вальтер Хевель, бывший с Гитлером до последнего часа.

Конечно, у моих заказчиков кроме желания доказать, что Гитлер не застрелился, а отравился, был и идеологический заказ, который в принципе пришелся мне по душе. Публикация должна была быть неким (очередным) напо-

*Таково профессиональное выражение.

*Знамен задержан
с помощью Сидорова
Зуд Армии
наши Шкаравский*

- д/ верхняя челюсть с 14 зубами;
- е/ фашистский круглый значок со огастиной
- ж/ прядь рыжих волос с головы;
- з/ часть парика рыжего цвета;
- и/ пробирка с кусо чками стеклянной *ампулы*

7. Вещественные доказательства к акту № 3 - ппес с стеклянными осколками, обнаруженными во рту собаки.

Акт № 3 /о вскрытии трупа большой собаки/, № 4 /ли трупа малой собаки/, 5 /о вскрытии трупа од/ мужчины/ и № 6/о вскрытии трупа обгоревшей женщины/ несформенном виде находятся в Отделе "СМЕРШ" 3 Удар Армии; там же находятся вещественные доказательства к актам № 12 / волостоя мостик верхних 9-ти зубов и челюсть с 15 зубами/ и № 13 / мостик с 4-мя зубами челюсти/.

*Криминалист Вотицкий "Смерш" Зуд Армии
анг. суд (мед) Век тр. Кашинского
Кривс'а*

ГЛАВНЫЙ СУД.МЕД.ЭКСПЕРТ I БФ
ПОДПОПРОВОНИК М/С

/ ШКАРАВСКИЙ/

Отп. 2 экз.
экз. №1 адр.
экз. №2 в Дело
от. №553
доп. Шкаравский

Шкаравский
РАСПИСКА

Все вышеуказанного получил представитель
Управления "СМЕРШ" Белорусского фронта

ПОДПИСЬ: _____

"__" мая 1945 г.

минанием о нацизме как угрозе для человечества и о его судьбе. Заказ несложный. Вопрос состоял лишь в том, как его выполнять. Тогда, в конце 60-х годов — время разгара «холодной войны», такого рода публикация виделась весьма упрощенно, в черно-белых красках конфронтационного мышления. Нацистская или неонацистская опасность, конечно, на Западе, где мировой империализм хочет воспользоваться наследием Гитлера для своих целей. Этой опасности противостоят мировой социалистический лагерь и прогрессивные силы во всем мире. Как просто было мыслить и писать по этой схеме! Впрочем, так же просто было мыслить и писать по другой конфронтационной схеме, в соответствии с которой все угрозы исходили от агрессивного советского империализма и его происков.

Оценивая сегодня итог этого пропагандистского противостояния, в котором я принимал активное участие, могу применить для своего утешения русскую поговорку «Маслом каши не испортишь». Настойчивые советские напоминания о неонацизме способствовали привлечению внимания западной общественности к этой теме. В свою очередь, демократические западные общества, желая доказать свою жизне- и дееспособность, старались держать неонацистские группы на периферии политической жизни.

Мы же оказались наказаны собственной односторонностью: считая фашизм и нацизм порождением капитализма, упустили из внимания, что эти идеи могут получить распространение и в СССР, и в странах социалистического содружества. Стоило им распасться, как, подобно ядовитым грибам, неофашистские группы стали возникать в той самой Восточной Германии, которую ее коммунистические лидеры именовали «антифашистским государством», защищенным в Берлине «антифашистским защитным валом». В объединенной Германии центр неонацизма оказался в ее восточной части.

Но еще опаснее стало появление фашизма в России. Когда-то советские читатели познакомились с романом Синклера Льюиса «У нас это невозможно», посвященным фашистской нечисти в США. Читали и критиковали автора за излишний оптимизм, зато были свято уверены, что у

нас это действительно невозможно. Суровая действительность наказала и «их» и «нас». Фашизм в России середины 90-х годов стал реальностью.

Как и в других странах, началось с малого. С небольших антисемитски настроенных группок типа «Памяти» и листовок на первых демократических выборах, с продажи «Майн кампф» и «Протоколов сионских мудрецов». Затем стали появляться военизированные группы молодежи в черной форме, расистские лозунги на митингах. Но это была лишь верхушка айсберга. Образовалась устойчивая группа газет и журналов, ведущих ксенофобскую и антисемитскую пропаганду на «интеллектуальном» уровне. Появились, используя атмосферу гласности и плюрализма, организации и партии, выдвигающие лозунги типа «Россия — для русских» и солидаризирующиеся с гитлеровской политикой уничтожения евреев и иных «инородцев». Чем дальше, тем энергичнее русские фашисты дают о себе знать.

Неожиданность была велика. Но полезно вспомнить, что российский антисемитизм имеет давние корни и были времена, когда он занимал ведущее место в международном «расистском фронте». Это было время, когда к его помощи прибегнул русский царизм, попавший в тяжелейший кризис. Еврейские погромы начала века, знаменитый процесс Бейлиса прогремели на всю тогдашнюю Европу, и честь русскому обществу принесли смелые выступления лучших представителей интеллигенции против позорного союза царизма с черными силами антисемитизма.

Революция 1917 года, казалось, ликвидировала все условия для расового неравенства. Но не прошло и десятка лет, как под прикрытием интернационалистских лозунгов и коммунистическая партия оказалась зараженной вибрионом ксенофобии и антисемитизма. Государственный антисемитизм стал одним из неотъемлемых элементов извращенной идеологии сталинской эпохи и чуть было не закончился геноцидом советского еврейства в последние годы жизни Сталина.

Конечно, в России сегодня еще нет государственного антисемитизма сталинских времен. Но если тогдашний дозволенный расизм выглядел «тихим» — все о нем знали,

но вслух не говорили, — то сейчас он стал гласным, крикливым и, увы, допустимым. Суды молчат и не применяют соответствующие параграфы новой конституции. Осквернение еврейских кладбищ также не волнует стражей законности. Но что еще тревожнее: из арсенала нацизма извлечен не только антисемитизм, но и культ вооруженной силы. Недаром во время событий октября 1993 года отряды Александра Баркашова были одной из главных опор непримиримой оппозиции. И все это происходит в стране, где у общества, воспитанного в духе «у нас это невозможно», нет иммунитета против экстремистско-шовинистической пропаганды и идеологии. Как это ни парадоксально, главный очаг национал-социалистической и шовинистической опасности сейчас приходится искать не в Бонне и даже не в Магдебурге, а в российских городах. Эти строки я пишу со стыдом и болью. Но пишу.

Теперь вернемся к нашему расследованию.

Поиски в Магдебурге

Тайное становится явным. Но когда? И как?

Тайна захоронения Гитлера считалась абсолютной, и ее хранители не только верили в эту абсолютность, но даже использовали автора этих строк для ее сокрытия и камуфляжа. Хотя, к чести моих критиков, скажу, что они не поверили моему сообщению об уничтожении останков в июне 1945 года. Так или иначе, к «хранителям тайны» принадлежали сотрудники Архива КГБ (люди надежные), бывший полковник, а позднее генерал-майор Горбушин, переводчица Елена Ржевская (она в Магдебурге не была, но знала о захоронении от однополчанина Горбушина). Конечно, о захоронении докладывали и тогдашнему высшему начальству. Но из него в живых остались немногие: Лаврентий Берия и Виктор Абакумов были расстреляны, Сергей Круглов и Иван Серов умерли пенсионерами в Москве, Александр Вадис — в Киеве. Контролировавший операцию капитан Соловов вел замкнутый образ жизни, с историками и журналистами не встречался.

Но ведь русская пословица гласит: «Слухом земля полнится». Среди тех, кто не принял на веру мое злополучное утверждение, оказались русские телевизионные журналисты и их голландские коллеги из компании «Форин медиа афферс» (ФМА). Действия последних были особенно важны, поскольку они располагали значительными валютными средствами. Москва же, некогда знаменитая своим умением молчать, в эпоху перестройки и гласности прославилась умением за хорошие деньги продавать архивные материалы. Так, в сентябре 1991 года появилась в Москве объединенная русско-голландская команда, которая смогла получить кое-какие материалы в пресс-службе КГБ. Она, в частности, получила уникальные кинокадры о посещении Берия и Молотовым гитлеровского бункера в дни Потсдамской конференции (июль 1945 г.). Но еще важнее для журналистов оказались три адреса ветеранов «СМЕРШ» 3-й ударной армии — Ивана Блащука, Ивана Терещенко и Василия Орловского. Первые два жили в Москве, третий — в Виннице, куда пришлось поехать. Три ветерана оказались более разговорчивыми, чем их сослуживцы, и сообщили важные сведения, от которых у журналистов могли загореться глаза.

Капитан в отставке Иван Блащук рассказал, что служил в «СМЕРШ» 3-й ударной армии в конце войны и был свидетелем находки тел семьи Геббельса и Кребса и их опознания в тюрьме Плётцензее. О судьбе трупов он узнал лишь позже, а именно в Магдебурге, где ему под секретом рассказали, что во дворе дома на Вестэндштрассе захоронены тела Геббельсов. Он слышал, что тела несколько раз перезахоранивались, в частности в Бухе и Ратенове.

Зато его сослуживец, капитан Иван Терещенко, прибывший в Магдебург, оказался в более выгодном положении. Он с 1946 года занимал пост начальника секретариата отдела «СМЕРШ» и в этом качестве сам видел документы о захоронении тел Гитлера, Браун и других. Документы были подписаны Горбушиным, к ним была приложена схема, которую Терещенко смог восстановить по памяти. В частности, что останки Гитлера лежат около бывшего гаража во дворе дома № 36 по Вестэндштрассе.

Наконец, майор Василий Орловский сообщил, что присутствовал при захоронении останков тел Геббельсов и Кребса во дворе другого дома по той же улице, то есть в расположении отдела «СМЕРШ».

Воодушевленные своими находками, голландские телевизионщики решили найти богатого спонсора, которым оказалась редакция лондонской газетной группы «Экспресс» (газеты «Дейли экспресс» и «Санди экспресс»). Деньги были получены, и в «Экспресс» уже предвкушали сенсационные находки во дворах Вестэндштрассе. Здесь, однако, начался очередной фарс.

Какие-то немецкие журналисты прослышали о предложении, которое компания ФМА сделала в Лондоне, и решили сами искать Гитлера. Однако у них не было точного магдебургского адреса. Когда в октябре 1991 года они приехали в город на Эльбе, то начали копать, но не в том дворе, вызвав явное недовольство и протест хозяина. Ничего не нашли. В ноябре 1991 года ФМА привезла в Магдебург Блащука и Терещенко. Они с удовольствием посетили свои «старые места» и подтвердили, что захоронения состоялись на Вестэндштрассе в конце 1945 или начале 1946 года. Точной даты и места они не помнили, но для телевизионной команды это было не так важно. ФМА готовилась к съемкам. Они состоялись лишь в июле 1992 года — после того, как уже появились первые сообщения о магдебургском захоронении в «Санди экспресс» и «Алгемеен дагблад». Экспедиция в составе двух англичан, одного голландца и польского археолога Евгена Томчака начала работу. Но не в одиночку — здесь уже копали журналисты из трех газет! Во дворе дома № 36 нашли какие-то кости, но немецкие специалисты разочаровали «искателей жемчуга»: это были останки не человека, а животного⁹⁸.

Здесь я должен вступить в качестве действующего лица. Повторю, что слухами земля полнится. О том, что мои коллеги и их голландские работодатели занялись поисками в Магдебурге, услышал летом 1992 года и я. Ничего им не сообщая, я сам разыскал Блащука и Терещенко, которые с удовольствием рассказали, как их год назад возили в Магдебург.

Эта история была мне не по душе. Я к тому времени уже знал о самих захоронениях и не сомневался, что о них могли знать — хотя и косвенно — Блащук и Терешенко. Сенсационная телешумиха по поводу раскопок в Магдебурге могла быть лишь на руку многочисленным поклонникам Гитлера, которых в бывшей ГДР оказалось более чем достаточно. Я только что вернулся из Берлина, где принимал участие в теледискуссии с участием восточно-германских неонацистов и их идейных противников. Один вид этих самоуверенных молодых ребят, считающих Гитлера своим идолом, внушал не только отвращение, но и тревогу. Так что же, дать им возможность создать в Магдебурге объект паломничества и поклонения?

Признаюсь, я решил помешать этому, хотя не имел ничего против изобретательности ФМА и ее русских коллег. Они проявили немало находчивости, но политического такта у них явно не хватило. Зато этот такт проявили мои давние друзья из гамбургского журнала «Шпигель», которым создание нового места поклонения Гитлеру вовсе не нравилось. Связавшись с Гамбургом, я рассказал им о готовящейся передаче и еще об одном, неизвестном ФМА обстоятельстве.

Оно состояло в следующем. Летом 1990 года ко мне обратился ветеран 1-го Белорусского фронта. Он, как один из немногих, знал о магдебургском захоронении и, читая сообщения о развале ГДР, проникся тревогой: а вдруг в Магдебурге, откуда уходят советские войска, найдут останки Гитлера? Об этом ветеран хотел поставить в известность. Кого? Шел 1990 год, власть коммунистической партии была еще велика. Следовательно, надо было адресоваться в ЦК КПСС, на знаменитую Старую площадь.

В то время я работал в качестве эксперта при комиссии, созданной 1-м Съездом народных депутатов СССР для политической и правовой оценки пакта Молотова — Риббентрона, председателем комиссии был Александр Яковлев, его заместителем — Валентин Фалин. Мне показалось полезным поставить Фалина в курс тревог моего друга. Их встреча состоялась, Фалин обещал все выяснить в «компетентных органах» (так традиционно именовался тогда КГБ). Оттуда Фалину вскоре сообщили, что в

известность поставлен председатель КГБ Владимир Крючков. Через некоторое время Фалину дали ответ: «Все в порядке. Они все сделали. Беспokoиться не надо», то есть останки уничтожены. Когда же я попытался уточнить, как и когда это произошло, возникли трудности. Генерал, занимавшийся розыском документов, отказался это сделать. Единственное, что мне сказали: останки уничтожены еще в 1970 году; как и где — сообщить не можем.

Тогда мне этого было достаточно, благо, что пожелавший остаться анонимным генерал был мне давно известен как заслуживающий доверия источник. Обсудив все с коллегами из «Шпигеля», приняли такое решение: телекомпания «Шпигель-ТВ» покупает у фирмы ФМА права на демонстрацию их фильма о безрезультатных раскопках в Магдебурге и под конец включает мой рассказ о том, что искали напрасно. Правда, немецким коллегам очень хотелось точно знать, как уничтожили останки, как выглядел итоговый документ об их уничтожении. Я, увы, уточнить это не мог. Опять Безыменский вводил в заблуждение?

Мероприятие «Архив»

Копали действительно напрасно.

Внешне почти анекдотическая, а по сути страшная одиссея трупов по земле немецкой, носившей в те годы название Германской Демократической Республики, отразила особенности нашей системы, представители которой стали участниками этого зловещего «путешествия». Сталинская диктатура относилась к своим собственным гражданам как к «винтикам», и в столь странной ситуации они не должны были задумываться: зачем возить по Германии эти гробы, зачем их закапывать и перекапывать?

... Осенью 1994 года в архиве ФСК мне дали небольшую папку — не сшитую, а состоявшую из отдельных документов. В их подлинности сомнения не было, так как часть была написана от руки, а один из актов был точной копией (2-м экземпляром) документа, первый экземпляр которого находился в архиве генерального секретаря ЦК КПСС.

Первый документ из этой серии был датирован 10 августа 1945 года и направлен уже знакомым нам заместителем начальника отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии Горбушиным на имя генерала Вадиса⁹⁹:

«Направляю акт о местонахождении трупов Гитлера, Геббельса, Браун Эвы, Магды Геббельс, Крибс и детей Геббельса, закопанных в районе Ратенов».*

Сам акт был датирован более ранним числом — 4 июня 1945 года и констатировал, что *«после окончания судебно-медицинской экспертизы и проведения всех оперативных мероприятий по их опознанию все трупы были закопаны в районе гор. Бух. В связи с передислокацией отдела КРО «СМЕРШ» армии трупы были изъяты и перевезены сначала в район гор. Финов, а затем 3 июня 1945 г. в район гор. Ратенов и закопаны окончательно».*

Горбушин не знал тогда, что ему придется повторять эту погребальную процедуру. Но он точно описал место захоронения трупов и «коробки с двумя трупами собак». Закопанная яма была сровнена с землей, но, согласно «смершевским» правилам, составили схему — на всякий случай. Таким образом, можно считать документированными уже 6 захоронений: два — в саду имперской канцелярии, одно — в Бухе, два — в Финове (там ведь была эксгумация!) и одно было в Ратенове. Без документа остается Стендаль, о котором мне говорил сам Горбушин в беседе.

Следующий этап — Магдебург. Об этом в феврале 1946 года начальник отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии Мирошниченко донес генералу Зеленину, сменившему Вадиса в Берлине. К донесению был приложен акт от 21 февраля о том, что **«в районе гор. Ратенов была вскрыта яма с трупами Гитлера, Браун, Геббельсов и их детей и генерала Крибс»** (снова ошибка в написании!). Акт гласил, что **«все перечисленные трупы находятся в полуистлевшем состоянии в деревянных ящиках и в таком виде были доставлены в гор. Магдебург, в распоряжение отдела контрразведки «СМЕРШ» армии и вновь закопаны в яме на глубине 2-х метров во дворе дома № 36 по улице Вестендштрассе»**¹⁰⁰.

*Снова ошибка!

Итак, Блащук и Терещенко не ошибались, привезя голландских телеоператоров в этот двор. Но они, служившие в Магдебурге до 60-х годов, не знали, что случилось дальше. Случилось же следующее:

13 марта 1970 года председатель КГБ Юрий Андропов направил на имя генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева письмо за номером 655/А/ов, то есть лично написанное Андроповым и имеющее особую важность. Его особая секретность подчеркивалась специальной формальностью: самые важные фразы были не напечатаны, а вписаны от руки в текст, дабы даже засекреченные машинистки не знали, о чем идет речь. Текст гласил¹⁰¹:

«В феврале 1946 г. в г. Магдебург на территории военного городка, занимаемого Особым отделом КГБ при 3-й ударной армии ГСОВГ, были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей (всего 10 трупов) *.

В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям.

Учитывая возможность строительных или иных земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести извлечение останков и их уничтожение путем сожжения. Указанное мероприятие будет произведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ и должным образом задокументировано».

16 марта на письме появилась резолюция: «Согласиться». Подписи: Брежнев, Косыгин, Подгорный, то есть вся правящая тройка: генсек ЦК, председатель Совета Министров, председатель Президиума Верховного Совета СССР. Я спросил тогдашнего начальника канцелярии Косыгина Бориса Бацанова: как подписывались такие документы? Бацанов разъяснил: так как документ принадлежал к так называемой серии «К», то есть должен был предъявляться

*Видимо, труп Кребса был отделен и уничтожен раньше.

сугубо лично, то его после Брежнева нес дальше специальный чиновник — начальник первого сектора Общего отдела ЦК КПСС. Тогда ставились подписи, возможно, после телефонного или личного согласования. После этого он отправлялся для исполнения.

Так и случилось. Письмо Андропова вернулось в КГБ, вернее, осталось в ЦК, но начальник первого сектора Соловьев 18 марта сообщил Андропову, что согласие есть. Тогда и родилась последняя операция в нашей долгой истории — операция или, как ее обозначили, мероприятие «Архив». 26 марта Андропов утвердил этот очередной совершенно секретный документ той же серии «К». Заголовок: «План проведения мероприятия "Архив"». И далее (рукописный текст вновь вкрапливался в машинописный) предлагалось¹⁰²:

«Цель мероприятия. Изъять и физически уничтожить останки захороненных в Магдебурге 21 февраля 1946 года в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе) военных преступников».

Конечно, автору было не до мелочей — 6 детей Геббельса не были военными преступниками, не была таковой Магда Геббельс. Но краткости ради избрали простую и знакомую формулу, а главное — не упоминали имя Гитлера. План, разработанный в Москве, был таков:

«1. За два-три дня до начала работ над местом захоронения силами взвода охраны ОО* КГБ армии установить палатку, размеры которой позволяли бы под ее прикрытием производить предусмотренные планом работы.

2. Охрану подходов к палатке после ее установления осуществить силами солдат, а в момент производства работ — оперсоставом, выделенным для проведения мероприятия «Архив».

3. Организовать скрытый пост для контрнаблюдения за близлежащим от места работ домом, в котором проживают местные граждане, с целью обнаружения возможной визуальной разведки. В случае обнаружения

*Особый отдел.

такого наблюдения принять меры к его пресечению, исходя из конкретно сложившейся обстановки.

4. Раскопки произвести ночью, обнаруженные останки сложить в специально подготовленные ящики, которые на автомашине вывезти в район учебных полей саперного и танкового полков ГСВГ, где сжечь».

Как видим, все было учтено и предусмотрено. Почему же «Архив»? А потому, что в случае расспросов предусматривалось говорить, что здесь раскапываются какие-то секретные нацистские архивы. 26 марта план ушел в Магдебург, а 4 апреля он был осуществлен. Оперативная группа **«произвела вскрытие захоронения останков военных преступников в военном городке по Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе). При вскрытии захоронения обнаружено, что останки военных преступников предположительно были захоронены в 5 деревянных ящиках, поставленных друг на друга крестом. Ящики сгнили и превратились в труху»¹⁰³.**

Опергруппа тщательно выполнила все указания: ночью с 4 на 5 апреля выкопала захоронение, сложила кости в ящики и утром 5 апреля произвела **«физическое уничтожение останков»¹⁰⁴**, то есть они были сожжены, превращены в пепел и развеяны. Никто работе не мешал, никто вопросов не задавал — об архивах говорить не пришлось. Акты были составлены в единственном экземпляре и отправлены в Москву в КГБ.

Вот и все.

Эпилог. Гюнше и Линге

Дела давно минувших дней... Память о них часто исчезает вместе с людьми, их совершавшими. Какова же судьба тех людей, которые были затронуты операцией «Миф»?

Отношение НКВД — МВД к тем, чьи действительно честные и, как принято писать, «чистосердечные показания» помогли выяснить запутанные обстоятельства событий вокруг останков Гитлера, нельзя назвать иначе, как черной неблагодарностью. Кете Хойзерман после того, как

она опознала зубной мост и челюсть фюрера, допрашивали и передопрашивали, затем отправили в Москву — сначала в Лубянскую, затем в Лефортовскую тюрьму, где она просидела 6 лет в одиночке. Затем она разделила камеру с двоюродной сестрой Гитлера Марией Копенштайнер. Этой пожилой австрийской крестьянке, видевшей Гитлера в детстве (в 1907 г.), вменялось в вину, что она... прятала «сбежавшего» фюрера¹⁰⁵. В 1951 году Хойзерман судили — ей предъявили обвинение в том, что, помогая лечить гитлеровские зубы, она способствовала продлению войны. Приговор: 10 лет лагерей, где она проработала до 1955 года. Затем пришло освобождение.

Гюнше и Линге пробыли в СССР так же долго, причем в двух качествах — сначала как «писатели», затем как военные преступники. Совершенно чуждым им писательским ремеслом Гюнше и Линге пришлось заняться по распоряжению НКВД. Когда оба вернулись в 1946 году из Берлина, руководство ГУПВИ приказало начальнику Бутырской тюрьмы поместить их вместе в одну камеру и создать благоприятные условия для «занятия письменной работой». На их питание выделялось 900 рублей в месяц (тогда это были очень большие деньги). Их переодели из тюремной одежды в нормальную, сшив по три комплекта гражданской одежды. Затем Гюнше и Линге были переведены на «объект № 5» МВД (дача близ Москвы). Почему вдруг такие благодеяния? Оказывается, решили создать литературный труд о... Гитлере. Два офицера ГУПВИ — подполковник Федор Парпаров и майор Игорь Савельев, блестяще владевшие немецким языком и неоднократно допрашивавшие Гюнше и Линге, были выделены для обработки воспоминаний. Я не исключаю, что сама идея исходила от этих двух офицеров, которые понимали, каким объемом ценных знаний о Гитлере обладают их подопечные.

Работа шла долго. Парпаров и Савельев излагали на бумаге по-русски то, что им рассказывали вперемежку оба арестанта, видимо, рассчитывавшие, что их готовность сотрудничать в этом деле приблизит день возвращения на родину. «Мы решили написать правду о Гитлере... Мы хотели бы, чтобы наши сообщения содействовали тому

~~Секретно.~~
экз. № 104901

УПРАВЛЕНИЕ
УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ

г Москва,
Ароповский пер. 7.
Телеф. N Г-6-11-00.

14 августа 1945 г.

№ 504901

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И.В.

25 мая 1945 года в газетах было помещено сообщение агентства Рейтер о том, что "Гиммлер был арестован частями 2-ой английской армии и передан в распоряжение фронтовых органов безопасности". 4 июня с.г. начальник сборного пункта в гор.Зеедорф, бывший военнопленный, майор Годлевский донес, что начальник немецкого ГЕСТАПО Гиммлер был задержан советскими репатриантами Губаревым и Сидоровым. Расследованием, проведенным моим представителем майором Гурьевым в мае 1945 года, установлено:

1. Гиммлер был задержан вместе с двумя сопровождавшими его немцами в 19 часов 21 мая 1945 года у местечка Мойнштадт бывшими военнопленными Губаревым В.И. и Сидоровым И.Е., которые входили в состав английского патруля.

2. Обстоятельства ареста: английский патруль расположился на отдых в местечке Мойнштадт, а Губарев и Сидоров несли патрульную службу на окраине этого местечка. В 19 часов они заметили трех немцев, которые пытались скрытно перейти из одного леса в другой. Губарев и Сидоров задержали и доставили их к английскому капралу Моррис, который решил отпустить задержанных. Губарев и Сидоров запротестовали и сами доставили немцев на гауптвахту в гор.Зеедорф, слав их англичанам, не зная того, что они задержали Гиммлера.

3. 24 мая 1945 года Губареву, Сидорову и всем советским гражданам, находящимся на сборном пункте Зеедорф, английский переводчик Ковачевич в присутствии английского офицера сообщил, что один из трех немцев, задержанных 21 мая Губаревым и Сидоровым, оказался Генрихом Гиммлером, который в ночь с 23 на 24 мая отравился.

4. Обстоятельства смерти Гиммлера английскими офицерами обясняются по-разному. Место погребения его никому не известно.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СНК СССР
ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

Голоиков
ГОЛЫКОВ

объективному освещению событий, которые являются предпосылкой обновления Германии» — так говорилось в предисловии, явно продиктованном советскими офицерами. Книга была готова в 1949 году, отпечатана на машинке и переплетена в толстый том, который находился в распоряжении руководства КГБ¹⁰⁶. Книга хранилась и в архиве КГБ, руководители которого разрешали кое-кому читать воспоминания двух столь близких к Гитлеру людей. В частности, когда выдающийся советский режиссер Михаил Ромм приступил к работе над фильмом «Обыкновенный фашизм» и попросил в КГБ материалы, ему дали книгу Парпарова—Савельева—Гюнше—Линге, и автор этих строк, консультировавший Михаила Ромма, не преминул сделать копию наиболее интересных разделов. В любом случае рукопись (сначала она называлась «Воздушные замки», но Берия изменил название на «О Гитлере») не должна оставаться на архивных полках, что и заставило меня в качестве приложения предложить читателю несколько фрагментов из нее.

Что касается судьбы Гюнше и Линге, то «воздушный замок» их собственных иллюзий оказался разрушенным. Их вовсе не освободили после окончания работы, на что они рассчитывали, а... отдали под суд как военных преступников. В 50-е годы это была «нормальная процедура» ГУПВИ, которая состояла в переводе подлежащих возвращению на родину военнопленных в разряд военных преступников. Оба получили по 25 лет тюрьмы, откуда их освободили лишь в 1955 году. По возвращении на родину Линге написал мемуары. Он скончался в 1989 году. Гюнше в 1994 году еще жил, но ограничивался беседами с историками и журналистами. Умерли вернувшиеся в 1955 году Баур, Раттенхубер и другие.

* * *

Долгая привычка идеологической тренировки, которая выработалась у автора, приказывает завершить повествование выводами. В былые времена это было ритуалом: во-первых, следовало привести несколько цитат из Маркса или

Ленина, затем из речей нынешнего руководителя — Сталина, Хрущева, Брежнева, Черненко, Андропова, Горбачева и, наконец, сделать собственные выводы, подтверждающие вышеприведенные мысли партийного лидера. Лишь в книгах, написанных для Запада, разрешалось этот ритуал не соблюдать. Но рука сама собой тянулась написать пару-другую выводов.

Сейчас это добровольное заклятие снято, чем и хочу воспользоваться. Книга должна говорить сама за себя, что не обязательно означает, что она должна говорить за автора. Именно поэтому я счел долгом опубликовать в книге ряд документов, доселе неизвестных или малоизвестных. Долг историка в этом и состоит. А выводы сделает читатель.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО), ф. 233, оп. 2356, д. 601, л. 289; оп. 4885, д. 394, л. 176.
- ² Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 4. — С. 204.
- ³ Сталин И.В. Собр.соч. — Т. 8. — С. 282.
- ⁴ Пять лет Коминтерна в решениях и цифрах. — М., 1924. — С. 73.
- ⁵ Кронфельд А. Дегенераты у власти. — М., 1941. — С. 5.
- ⁶ Там же. — С. 8.
- ⁷ Сталин И. Вопросы ленинизма. — М., 1952. — С. 572.
- ⁸ Архив Президента РФ (далее: АП РФ), ф. 45, оп. 1, д. 296, л. 2.
- ⁹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 165.
- ¹⁰ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 2.
- ¹¹ Сталин И. Вопросы ленинизма. — С. 472.
- ¹² XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — М., 1934. — С. 129.
- ¹³ ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 209.
- ¹⁴ Там же, д. 239.
- ¹⁵ См. Архив автор. Записи А.Мерекалова.
- ¹⁶ Архив Комиссии 1-го Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско - германского договора от 23 августа 1939 г. (далее: Архив Комиссии 1-го Съезда...), д. 11, л. 54 — 57.
- ¹⁷ См. Международная жизнь. — 1992. — № 7, 8.
- ¹⁸ Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 339, д. 2315, л. 29 — 30, 35.
- ¹⁹ АП РФ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 1161, л. 147 — 155.
- ²⁰ Архив Комиссии 1-го Съезда..., д. 11, л. 46.
- ²¹ См. Вестник МИД СССР. — 1990. — № 20. — С. 55 — 58.
- ²² Дипломатический вестник. — 1993. — № 11 — 12. — С. 75 — 78.

- ²³ **Hitler A.** Reden, Schriften, Anordnungen. — Bd. III. — München, 1993. — S. 419—420.
- ²⁴ **Picker H.** Hitler's Tischgespräche. — Stuttgart, 1976. — S. 214.
- ²⁵ **Ibid.** — S. 299.
- ²⁶ **Ibid.** — S. 448.
- ²⁷ **Ibid.** — S. 452.
- ²⁸ **Ibid.** — S. 133.
- ²⁹ **Ibid.** — S. 448.
- ³⁰ **Ibid.** — S. 449.
- ³¹ **Irving D.** Führer und Reichskanzler. — München, 1989. — S. 425.
- ³² **Государственный архив Российской Федерации** (далее: **ГА РФ**), ф. 4901, оп. 2, д. 135, л. 316—338.
- ³³ **Bundesarchiv Koblenz.** MS 19/3292.
- ³⁴ **Цит. по Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. — М., 1991. — С. 14.
- ³⁵ **Архив Комиссии 1-го съезда...**, д. 11, л. 24.
- ³⁶ **Там же**, запись от 20.4.1941.
- ³⁷ **Там же**, д. 11, л. 16.
- ³⁸ **См. АВП РФ**, фонд комиссии Литвинова, он. 4, д. 114.
- ³⁹ **АП РФ**, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 990, л. 19.
- ⁴⁰ **Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4—11 февраля 1945 г.** — М., 1979. — С. 182—183.
- ⁴¹ **Speer A.** Erinnerungen. — Frankfurt am Main, 1969. — S. 446.
- ⁴² **Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler.** — Frankfurt am Main, 1967. — S. 611.
- ⁴³ **См. Военно-исторический журнал.** — 1994. — № 2. — С. 6—12.
- ⁴⁴ **Цит. по Неизвестная Россия.** — М., 1992. — С. 91—95.
- ⁴⁵ **Там же.** — С. 109—110.
- ⁴⁶ **Schellenberg W.** Memoiren. — Köln, 1956. — S. 239.
- ⁴⁷ **Ibid.** — S. 345 и далее.
- ⁴⁸ **Служба безопасности.** — 1993. — № 3. — С. 14—16.
- ⁴⁹ **См. Sudoplatov P.** Special Tasks. — N.Y., 1994; автор также использовал записи бесед с П. Судоплатовым.
- ⁵⁰ **АП РФ**, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 521, л. 1.
- ⁵¹ **Там же**, л. 1—10.
- ⁵² **См. Die Zeit.** — 1993. — 16. Okt.
- ⁵³ **Центр хранения современной документации**, ф. 89, перечень 75, д. 6, л. 1—2.
- ⁵⁴ **Архив Федеральной службы контрразведки** (далее: **Архив ФСК**), протокол допроса в отделе «СМЕРШ» 79 ск, 30.4.1945.
- ⁵⁵ **Архив ФСК**, акт от 2.5.1945.

- 56 См. Архив ФСК; АП РФ, ф. 3, оп. 58, ед. хр. 531, л. 27 —218.
- 57 Архив ФСК.
- 58 Там же.
- 59 Архив автора.
- 60 Архив ФСК; АП РФ (см. прим. 56).
- 61 Архив Генштаба Вооруженных Сил РФ (далее: Архив Генштаба...), заключение 2/2128 от 18.2.1992.
- 62 АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 531, л. 1 —5.
- 63 Там же, л. 6 —11.
- 64 Там же, л. 12 —26.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Архив ФСК, донесение ОКР «СМЕРШ» 3-й уд. армии, без даты.
- 68 Там же, доклад от 25.5.1945.
- 69 Там же, доклад от 29.5.1945.
- 70 Там же, доклад от 22.5.1945.
- 71 Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. — М., 1980. — С. 439.
- 72 АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 535, л. 34 —41.
- 73 Архив ФСК, доклад Серова от 31.5.1945.
- 74 Там же, доклад Вадиса от 27.5.1945.
- 75 Там же, письмо 702(б).
- 76 АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 535, л. 34 —41.
- 77 Там же, ф. 3, оп. 58, д. 531, л. 127 —218.
- 78 Ржевская Е. Берлин, май 1945. — М., 1988. — С. 453 и далее.
- 79 Правда. — 1945. — 2, 4 мая, 15 июня.
- 80 АП РФ, ф. 3, оп. 63, ед.хр. 230, л. 18.
- 81 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. — М., 1980. — С. 264 —266; АП РФ, ф. 3, оп. 63, ед.хр. 230, л. 106 —109.
- 82 Там же. — С. 280 —281.
- 83 АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 531, л. 114 —120.
- 84 См. Maser W. Adolf Hitler. — München, 1975. — S. 527.
- 85 По сообщению агентства Рейтер от 17 марта 1993 г.
- 86 См. Connecticut. — 1983. — March.
- 87 University of California. The Odontological Identification of Adolf Hitler. — Los Angeles, 1972; Acta Odontologica Scandinavica, 31, 43 —69. — Oslo, 1973.
- 88 См. Buehner H., Bernhart W. Hitler's Ashes. — Metairie (USA), 1989. — P. 212.
- 89 Архив автора.

- ⁹⁰ **Архив автора**; также публикация Э.Максимовой см. **Известия**. — 1993. — 9, 10 февр.
- ⁹¹ См. **ГА РФ**, ф. 9401, оп. 2, д. 105.
- ⁹² См. прим. 90.
- ⁹³ **Архив автора**.
- ⁹⁴ **Архив ФСК**, справка следственного управления МГБ (без даты).
- ⁹⁵ **Архив ГРУ РФ**, донесение И.Виноградова от 9.1.1948.
- ⁹⁶ **Архив ФСК**; **Архив Генштаба**, заключение 2/2128 от 18.2.1992.
- ⁹⁷ **АП РФ**, ф. 3, оп. 58, ед.хр. 531, л. 15.
- ⁹⁸ См. *After the Battle*. — London, 1993. P. 46 —53.
- ⁹⁹ **Архив ФСК**, доклад отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии от 10.8.1945.
- ¹⁰⁰ **Там же**, доклад отдела «СМЕРШ» 3 -й ударной армии от 21.2.1946.
- ¹⁰¹ **АП РФ**, закрытый пакет № 282, док. № 655/А; **Архив ФСК**, письмо Андропова от 13.3.1970.
- ¹⁰² **Архив ФСК**, план от 26.3.1970 за подписью В.Федорчука.
- ¹⁰³ **Там же**, доклад от 4.4.1970.
- ¹⁰⁴ **Там же**, доклад от 5.4.1970.
- ¹⁰⁵ **Архив МВД СССР**.
- ¹⁰⁶ **АП РФ**, ф. 3. оп. 58, ед.хр. 533, л.1.

О ГИТЛЕРЕ

Рукопись под названием «О Гитлере» была представлена министром внутренних дел СССР С.Кругловым на имя Сталина 29 декабря 1949 года (ее общий объем составлял 414 машинописных страниц). В сопроводительном письме С.Круглов сообщал, что, «находясь продолжительное время в ближайшем окружении Гитлера, Гюнше и Линге были в курсе сугубо секретных мероприятий нацистской Германии». Министр пояснил, что, «учитывая осведомленность Гюнше и Линге, они были определены на один из специальных объектов МВД СССР, где с ними была организована работа по изложению известных им фактов из жизни Гитлера».

Работа построена хронологически, начиная с 1933 года и кончая маем 1945 года, и состоит из отдельных эпизодов-фрагментов, причем не оговаривается, от кого из «соавторов» исходит та или иная информация. Кроме того, изложение носит отпечаток мышления «редакторов» из МВД и их восприятия фактов.

В этой публикации содержится лишь часть фрагментов, относящихся к 1936–1945 годам. Подзаголовки и примечания введены для ориентации читателя. Стиль рукописи оставлен без изменений, были исправлены только обнаруженные грамматические ошибки.

Ремилитаризация Рейнской области

Ремилитаризация Рейнской области началась рано утром в воскресенье, 7 марта 1936 года. Генеральный штаб представил Гитлеру обзоры о реагировании иностранных военных атташе в Берлине на это событие. Материалом для обзоров служили официальные беседы между ними и начальником отдела атташе германского генерального штаба Рабе фон Папенгеймом.

Из обзоров бесед, которые состоялись 7 марта, явствовало: французский военный атташе генерал Ренондо, который, как и его посол Франсуа-Понсэ, являлся сторонником компромиссов с нацистской Германией, был чрезвычайно смущен предпринятым немцами шагом. Беседа Ренондо с Папенгеймом приняла почти драматический характер.

На вопрос Папенгейма, что он думает о создавшемся положении, Ренондо ответил, что в этой чрезвычайно напряженной обстановке мнение таких лиц, как послы и военные атташе, не имеет значения и что теперь должны заговорить правительства.

На другой вопрос Папенгейма, как, по его мнению, может реагировать на создающуюся обстановку французское правительство или же как поступил бы он лично на месте главы французского правительства, Ренондо поднялся с места и с чисто французским пафосом заявил:

— Я, дорогой друг, объявил бы вам войну!

Английский военный атташе полковник Хотблек начал беседу с Папенгеймом шуткой. Он сказал, что благодарен германскому правительству за то, что оно своими мероприятиями на Рейне доставило ему «приятное воскресенье».

Хотблек реагировал на события гораздо спокойнее, чем его французский коллега. Особенно примечательно было заявление Хотблека о том, что теперь необходимо приложить все усилия к тому, чтобы предупредить слишком поспешные неразумные действия, которые невозможно будет исправить. Из этого заявления можно было заключить, что в английском посольстве предусматривают возможность вмешательства Англии в качестве посредника.

Американский военный атташе майор Трумэн и его помощник майор Крокетт, которые всегда проявляли особое понимание внутренней, внешней и особенно военной политики гитлеровской Германии, выразили свое полное сочувствие предпринятому в Рейнской области шагу и поздравили Папенгейма.

Наряду с этим они высказали свои опасения по поводу всевозможных контрмер со стороны других держав.

По их мнению, заинтересованные в Локарнском договоре государства хотя бы только из принципа, не говоря уже о военно-политической стороне вопроса, не смогут просто примириться с односторонним нарушением Германией принятых на себя обязательств. Трумэн так же, как и английский атташе Хотблек, говорил о необходимости вмешательства какой-либо стороны в качестве посредника для разрядки атмосферы.

У Папенгейма сложилось вполне определенное впечатление, что в вопросе о посредничестве Трумэн отражает мнение американского посла в Берлине Додда. Из слов Трумэна можно было заключить, что ремилитаризация Рейнской области мало задевала американского посла. Американский посол был потрясен только тем, что «насильственный акт немцев нарушает общий принцип ненарушимости договоров».

Военные атташе малых стран, где на Францию все еще смотрели как на страну-победительницу с первоклассной армией, придерживались мнения, что Франция не должна мириться и не примирится с захватом Рейнской области, что она будет сражаться.

Бельгийский военный атташе генерал Шмидт был очень взволнован. Шмидт со всей определенностью заявил, что западные державы не потерпят одностороннего расторжения Германией Локарнского договора. Он особенно подчеркивал, что ремилитаризация Рейнской области нарушает жизненные интересы Бельгии. Шмидт закончил беседу с Папенгеймом плохо замаскированными угрозами.

К вечеру 7 марта Рейнская область была ремилитаризована до смешного малыми силами.

С военной точки зрения это было полным блефом. К западной границе (Аахен, Трир, Саарбрюккен) были продвинуты всего три батальона. Им были приданы полицейские части, дислоцированные на левом берегу Рейна и включенные к тому времени в состав армии.

За несколько дней до этого по приказу Гитлера в Рейнскую область были посланы в отпуск переодетые в штатское солдаты — уроженцы этой области. В их чемоданах находилось военное обмундирование и личное оружие. Эти солдаты имели задание 7 марта продефилировать походным маршем по городам и селам, чтобы таким образом поставить французов перед фактом «вторжения немецких войск».

Геббельс же в это время по радио оповещал немецкий народ и весь мир: «Немецкие войска непрерывно проходят по мостам через Рейн. Бесконечные эскадрильи самолетов покрывают небо...».

Гитлер и Геринг в музыкальном салоне, сидя у приемника «Сименс», слушали выступление Геббельса. Гитлер хлопал Геринга по плечу и говорил: «Геринг, ведь мы, собственно, настоящие авантюристы».

Мюнхенская квартира Гитлера

В мае 1937 года Гитлер ездил в Мюнхен на сельскохозяйственную выставку. Во время осмотра выставки адъютант по вопросам военно-морского флота капитан Альбрехт подошел к Гитлеру и доложил ему что-то. Не досмотрев выставки, Гитлер возвратился в свою квартиру на Принцрегентенплац.

Гитлер, как обычно, остановился в своей квартире на Принцрегентенплац, 16. В этой квартире Гитлер жил до захвата власти. Подъехав к дому, Гитлер, в штатском, в надвинутой на глаза велюровой шляпе, вышел из машины, предварительно вынув из трубки, приделанной к арматурной доске автомобиля, находившуюся там собачью плетку, которую он в те годы всегда носил с собой. У подъезда дома собралась толпа. Из переднего ряда вырвалась изнуренная женщина, по виду жена рабочего, которая хотела подойти к Гитлеру. Ее схватили выпрыгнувшие из машин эсэсовцы — телохранители Гитлера, но она успела крикнуть: «Фюрер, будьте милосердны! Мой муж безвинно сидит свыше двух лет в концлагере». Гитлер, услышав крик женщины, ускорил шаги и исчез в подъезде дома. Поднимаясь по лестнице, Гитлер, угрожая плеткой, прикрикнул на своих телохранителей: «Позаботьтесь, чтобы этого больше не было, иначе вы сами попадете в концлагерь».

В квартире Гитлера встретила его здешняя экономка фрау Винтер. Эта квартира имеет свои тайны. В числе ее 15 комнат имеется одна, которая с 1932 года всегда заперта. Там стоит изъеденная молью мягкая мебель, покрытая густым слоем пыли. В комнате пахнет плесенью. До 1932 года здесь жила молодая племянница Гитлера * по имени Никки, которая была его любовницей. Эта связь дяди с племянницей окончилась самоубийством девушки. В течение нескольких лет после самоубийства

* Речь идет об Ангелике Раубаль.

Никки, до своего знакомства с Евой Браун, Гитлер ежегодно в день смерти Никки открывал ее комнату ключом, который он хранил у себя, и проводил там много часов. Причины самоубийства Никки остались тайной. Чтобы скрыть факт самоубийства Никки, в штабе Гитлера распространили версию о том, что она была убита случайным выстрелом, когда чистила револьвер Гитлера.

Новая имперская канцелярия

При посещении новой рейхсканцелярии представителей иностранных государств должны были подавлять величие Гитлера и атмосфера его непревзойденной мощи. На новогоднем приеме Гитлер сказал своим адъютантам: «Пусть эти господа, входя в мозаичный зал, сразу почувствуют все величие великой Германской империи. Длинные коридоры должны ошеломлять моих визитеров». И действительно, на Новый год Гитлер заставил иностранных дипломатов пройти через все коридоры новой рейхсканцелярии, чтобы предстать, наконец, перед ним. Это должно было довести до высшей точки напряжения ожидание увидеть перед собой «Рулевого Европы», каким воображал себя Гитлер. По специальному приказу Гитлера в новый архитектурный ансамбль рейхсканцелярии был как один из углов включен дворец железнодорожного магната Борзига. Начиная с Вильгельмсплац до самой Герингштрассе были расположены здания огромных размеров и невиданной роскоши.

Через большой «двор почета» посетители попадали в вестибюль с розовато-серыми мраморными колоннами и позолоченными канделябрами; к вестибюлю примыкал украшенный большими изображениями германского орла мозаичный зал. Мраморные ступени из мозаичного зала веди в гранитный зал с куполом, где благоухали экзотические растения. Здесь начиналась выложенная красным мрамором галерея, образцом для которой послужила галерея Людовика XIV в Версальском дворце Бурбонов. Оконные ниши облицованы мрамором, который искрится в свете скрытых ламп. Облицовка стен отлита и отшлифована итальянскими специалистами из перемолотого и вновь сцементированного мрамора. Все блестит и сияет. Висящие здесь гобелены взяты из замков Габсбургов и из венского дворца Ротшильда. Галерея заканчивается залом дипломатов, где огромные люстры излучают море света. Ковер, покрывающий пол, так огромен, что пришлось разбирать стену, чтобы

внести его в зал. Залы обставлены дорогой инкрустированной мебелью; инкрустацией покрыты и двери. Примыкающий к залу кабинет обшит дорогим деревом.

Новый кабинет Гитлера имеет 25 метров в длину. Стены и камин облицованы мрамором разных цветов. В глубине ниши висят драгоценные картины; над монументальным камином — колоссальный портрет Бисмарка. На огромном мраморном столе — скульптура Фридриха Второго верхом на лошади из белого мрамора. Далее взоры привлекают спускающиеся до пола тяжелые портьеры на восьми окнах. Днем в окна видны колонны, фонтаны в парке и чайный домик из стекла, украшенный бронзой и порфиром.

Из-за подпочвенных вод вся рейхсканцелярия была построена в бетонной ванне. Постройка новой рейхсканцелярии обошлась в 300 миллионов марок. Когда все было готово, Гитлер нашел дворец недостаточно великолепным и решил, что предоставит его Гессу, а сам займет еще только спроектированное огромное здание у Тиргартена рядом с рейхстагом. Размеры будущего дворца должны были быть так велики, чтобы можно было выстроить бесконечные шеренги лакеев, по меньшей мере 300—400 человек.

О политике Англии

Фёрстер *, ссылаясь на переговоры**, которые велись в тот момент англичанами в Москве, спросил:

— О чем они там так долго совещаются? Неужели они серьезно думают договориться с русскими?

Гесс***: Эти переговоры — очередной трюк лондонского правительства для успокоения английского общественного мнения. Чемберлену и Галифаксу нужно парализовать оппозицию. Ни Англия, ни Франция на какие-либо соглашения с Советами не пойдут.

Гитлер: Это не главное. Переговоры в Москве — двойная игра. Англичане пугают нас Москвой. Их позиция нам допод-

* Гаулейтер Данцига.

** Речь идет об англо-франко-советских переговорах, ведшихся в августе 1939 года о заключении военного соглашения.

*** Заместитель Гитлера по партии.

линно известна. Они хотят как можно меньше потерять из версальского диктата и добиться соглашения с нами на Западе через Москву. О Франции вовсе не стоит говорить. Она целиком плывет в фарватере Англии.

Фёрстер: Самое лучшее противоядие — это хорошенько запугать британцев.

Гесс: Демонстрация военной мощи Германии на завтрашнем параде послужит внушительным предостережением англичанам.

Гитлер: Англичане — плохие актеры. Своими фокусами они не произвели на меня никакого впечатления. Своим маневром в Москве они хотят заставить меня поверить, будто они способны на что-нибудь другое.

Полет Гесса в Англию

В марте 1941 года Гитлер в своей мюнхенской квартире на Принцрегентенплац совещался с Герингом, после чего Гитлер собрался ехать в «дом фюрера» и предложил Герингу сопровождать его. Со времени покушения на Гитлера в мюнхенской пивной в ноябре 1939 года они перестали ездить в одном автомобиле. Эту меру предосторожности Гитлер и Геринг предприняли для того, чтобы «фюрер-1» и «фюрер-2» не вышли из строя одновременно.

В «дом фюрера» с ними поехал и Линге. Беседа Гитлера с Герингом в автомобиле вращалась вокруг вопроса о войне с Советской Россией. Видно было, что они продолжают начатый еще на квартире разговор. Гитлер говорил, что с войной против Советской России ждать больше не следует. Геринг же считал, что нужно сначала обеспечить себе тыл со стороны Англии.

Гитлер решительно заявил, что вопрос о войне против Советской России уже решен и что с Англией «мы расправимся потом, если упрямый Черчилль не образумится».

В марте—апреле 1941 года подготовка к нападению на Советскую Россию была в полном разгаре. Крупные войсковые формирования, которые готовились во Франции, в Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии к вторжению в Англию по плану «Морской лев», были переброшены на восток, поблизости к советской границе. Отборные танковые дивизии, участвовавшие в оккупации Югославии и Греции, были срочно переформированы и тут же переброшены на восток для нанесения внезапного удара Советской России.

В мае 1941 года Гитлер возвратился в замок «Бергхоф» из Мюнхенской области, южнее Вены, где он следил за операциями немецких войск против Югославии и Греции.

11 мая около 10 часов утра в приемной перед кабинетом Гитлера появился адъютант Гитлера Альберт Борман, брат Мартина Бормана, с адъютантом Гесса оберфюрером СА Пинчем. Пинч держал в руках белый запечатанный пакет. Альберт Борман попросил Линге разбудить Гитлера и доложить ему, что явился Пинч со срочным письмом от Гесса. Линге постучал в дверь спальни. Гитлер сонным голосом спросил:

— Алло, что случилось?

Линге доложил. Последовал ответ:

— Я сейчас выйду.

Через несколько минут Гитлер, небритый, вышел из своего кабинета, смежного со спальней. Он подошел к Пинчу, поздоровался с ним и попросил письмо Гесса. С письмом в руке Гитлер быстро спустился по лестнице в гостиную. Линге, Пинч и Борман еще не успели сойти с лестницы, как Гитлер уже позвонил. Когда Линге вошел в гостиную, Гитлер стоял у самой двери, держа в руках распечатанное письмо. Он резко спросил Линге:

— Где этот человек?

Линге пошел за Пинчем и ввел его в гостиную. Гитлер обратился к Пинчу:

— Содержание письма Вам известно?

Пинч ответил утвердительно. Выходя из гостиной, Линге видел, как Пинч и Гитлер подошли к большому мраморному столу. Через несколько минут снова раздался звонок. Линге опять вошел в гостиную. Гитлер все еще стоял у стола. Рядом с ним — Пинч. Гитлер бросил Линге:

— Пусть придет Хэгл.

Хэгл, начальник полицейской команды при штабе Гитлера, быстро явился. Гитлер приказал ему арестовать Пинча. Хэгл, который хорошо знал Пинча, повел его к себе. Пинч был совершенно ошеломлен. Как впоследствии выяснилось, Пинч рассказал Хэглу, что он был убежден в том, что Гесс совершил полет в Англию с ведома и согласия Гитлера, и совершенно не понимает поэтому причины своего ареста. Еще в конце января 1941 года Гесс доверительно рассказал Пинчу, что он по решению Гитлера намерен лететь в Англию, чтобы довести до конца переговоры, начатые в августе 1940 года. Со слов Гесса, Пинчу было известно, что в августе 1940 года, по инициативе герцога

Бедфордского и других английских влиятельных политиков, в Женеве состоялась встреча английских уполномоченных с немецким профессором Альбрехтом Гаусгофером, посланным Гессом в Женеву для предварительных переговоров с англичанами.

Во время переговоров англичане заявили о готовности Англии начать мирные переговоры с Германией. Предварительным условием англичане выставили расторжение пакта о ненападении, заключенного в 1939 году между Германией и Советской Россией. Гесс сказал Пинчу, что Гитлер и он согласны были выполнять это условие англичан, но Гитлер хотел отложить начало конкретных переговоров с Англией до занятия Балкан. Смысл разговора Гесса с Пинчем сводился к тому, что политика Германии в то время была направлена на подготовку войны против Советской России.

После ареста Пинча Гитлер приказал немедленно вызвать Мартина Бормана, который в тот момент был начальником штаба Гесса. Вскоре стало известно, что Гитлер назначил Бормана на место Гесса своим заместителем по партии. Люди, близко знавшие Бормана, видели за притворно печальной миной Бормана глубокое удовлетворение по поводу того, что его час настал. «Какой лицемер!» — говорили эсэсовцы. «Вегетарианец, питающийся копченой колбасой» — так называли новоиспеченного преемника Гесса за то, что он усердно делил с Гитлером его вегетарианские блюда, а после этого уплетал у себя на вилле жирную копченую колбасу.

После разговора с Борманом Гитлер вызвал в «Бергхоф» Геринга и Риббентропа. Тем временем к Гитлеру вызвали руководителя печати рейха Дитриха, находившегося в то время в «Бергхофе». Гитлер приказал Дитриху докладывать ему все сообщения из Англии по поводу полета Гесса и запретил ему пока сообщать что-либо о Гессе в печати.

Вечером 11 мая Гитлер совещался с прибывшими в «Бергхоф» Герингом, Риббентропом и Борманом. Совещание длилось очень долго. Несколько раз вызывали Дитриха и спрашивали, нет ли сообщений из Англии.

О Гессе не было никаких известий.

Поздно вечером Дитрих доложил Гитлеру, что, по сообщению английского радио, Гесс приземлился с парашютом в глухой местности на севере Англии и задержан полицейскими, которым Гесс заявил, что он прилетел в Англию для встречи со своим другом герцогом Гамильтоном.

Гитлер быстро спросил, не сообщили ли англичане о намерениях Гесса. Дитрих ответил, что об этом англичане молчат. Тогда Гитлер приказал Дитриху представить полет Гесса в немецкой печати как поступок «невменяемого». В окружении Гитлера стало известно, что решение объявить Гесса психически неуравновешенным было принято на совещании Гитлера с Герингом, Риббентропом и Борманом.

При поступлении из Лондона сообщения о том, что герцог Гамильтон отказался признать свое знакомство с Гессом, у Гитлера вырвалось восклицание:

— Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать!

В разговорах о полете Гесса в штабе Гитлера под большим секретом передавалось, что Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером.

Суть меморандума сводилась к тому, чтобы Англия предоставила Германии свободу действий против Советской России, а Германия, со своей стороны, соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в средиземноморском бассейне.

В этом меморандуме, кроме того, подчеркивалось, что союз «великой континентальной державы Германии» с «великой морской державой Англией» обеспечит им господство над всем миром.

Стало также известно, что с февраля 1941 года Гесс интенсивно занимался разработкой политических и экономических предложений, которые должны были лечь в основу переговоров с англичанами. В разработке этих предложений принимали участие руководитель зарубежной организации национал-социалистской партии Боле, министерский советник имперского министерства хозяйства Яквим, генерал Карл Гаусгофер и брат Гесса Альфред Гесс, являвшийся заместителем Боле.

Арестованный Гитлером адъютант Гесса Пинч был доставлен в гестапо в Берлин. В гестапо от Пинча потребовали заявления, что он заметил у Гесса признаки психического расстройства в дни, предшествовавшие его полету.

После того как Пинч дал в гестапо подписку о том, что он сохранит в тайне все факты, связанные с полетом Гесса в Англию, он был освобожден по приказу Гитлера, как ему сказали в гестапо.

После освобождения Пинч, который имел чин генерала, был разжалован в солдаты и послан на фронт, в штрафную роту,

очевидно, с расчетом избавиться от свидетеля по столь щекотливому делу. Но Пинч продолжал здравствовать, и Гитлер в декабре 1944 года соблаговолил произвести его из солдат в лейтенанты.

Жена Гесса арестована не была, а осталась в своём поместье, и Гитлер приказал выплачивать ей значительную сумму денег. Она поддерживала переписку с находящимся в Англии Гессом. Письма передавались через Мартина Бормана.

Начало войны на Востоке

... По дороге в юнкерскую школу Гюнше заехал в ставку Гитлера «Вольфшанце» навестить своих друзей из личной охраны Гитлера, в которой он служил с 1936 до 1941 года — до момента перевода его на службу в войска лейбштандарта.

В ставке Гюнше, встретившись с Шаубом и другими приятелями, выразил свое удивление по поводу грандиозного и фундаментального устройства ставки по сравнению со ставками на западе. Гюнше в связи с этим спросил, не собирается ли фюрер зимовать здесь. Все засмеялись. Шауб с важной миной сказал: — Зимовать? Что вы! Против России мы ведем «блицкриг». Рождество мы наверняка, как и раньше, будем праздновать в Оберзальцберге.

Гитлер, узнав о приезде Гюнше с Восточного фронта, вызвал его в свой блиндаж. Гитлер принял его в комнате для совещаний. Когда Гюнше вошел, Гитлер большими шагами ходил взад и вперед по комнате, тихо насвистывая какую-то песенку. Он был в прекрасном настроении. Подав Гюнше руку, Гитлер спросил:

— Ну, Гюнше, как поживаете? Как дела Дитриха и моего лейбштандарта?

Гюнше доложил, что настроение эсэсовцев отличное, что война в Советской России пришлась им по вкусу, но что русские оказывают упорное сопротивление.

— Это мы скоро сломим, это — временное явление, — ответил Гитлер, — я приказал сосредоточить у Москвы танковые армии, насчитывающие свыше 2000 танков. Москва будет атакована и падет, и война будет выиграна.

Гитлер говорил Гюнше, что он не ставит себе задачу территориально завоевать всю Россию; прежде всего нужно уничтожить живую силу и захватить жизненно важные районы. Когда будет достигнут Урал, он остановится. Остальная часть России

вымрет от голода. Если за Уралом русские попытаются собрать какие-либо силы, то на этот случай у него имеется мощная авиация.

«Я, как преобразователь Европы, отвечаю за то, чтобы в этой стране был установлен новый порядок, согласно моим законам!» — сказал в заключение Гитлер.

При последних словах его лицо покрылось краской. С поднятой по-фашистски рукой Гитлер отпустил Гюнше.

Битва под Москвой

В ноябре 1941 года положение немецких войск, застрявших под Москвой, становилось под ударами русских с каждым днем все более критическим. В сводках с Восточного фронта, которые Линге докладывал Гитлеру, все чаще стало упоминаться об упорстве противника. Линге, хорошо изучивший настроения Гитлера, замечал, что Гитлер стал очень раздражительным. Его раздражительность и придиристичность особенно проявлялись на военных совещаниях, где он обрушивался на Гальдера*, Браухича** и Кейтеля***. Эти совещания происходили ежедневно в 12 часов дня в блиндаже Кейтеля в ставке «Вольфшанце».

В первые дни декабря из комнаты для совещаний раздался голос Гитлера, разговаривавшего по телефону с Гудерианом, который командовал танковой армией на подступах к Москве. Гитлер кричал:

— Гудериан! Держитесь во что бы то ни стало! Я посылаю вам подкрепление! Я мобилизую все, что можно! Твердо надейтесь на это! Только держитесь, держитесь!

Вскоре после этого поступили сводки об отступлении Гудериана. Офицеры из личной охраны стали поговаривать о том, что Гитлер недоволен своим генеральным штабом.

Совещания об обстановке на Восточном фронте становились все более бурными. Гитлер кричал, стучал по столу кулаком и упрекал генералов в неумении воевать. Генералы стали часто выбегать из комнаты совещания в коридор блиндажа, чтобы прийти в себя от ругани Гитлера. Однажды во время совещания в коридор выбежал командующий армейской груп-

* Начальник генштаба сухопутных сил (ОКХ).

** Главнокомандующий сухопутными силами.

*** Начальник штаба верховного главнокомандования (ОКВ).

пировкой «Север» фельдмаршал Лееб. Он стал в волнении бегать взад и вперед по коридору. В комнате, выходящей в коридор, находились в это время адъютант Кейтеля Габриэль и Линге, дожидавшийся, как обычно, Гитлера. Лееб остановился у двери комнаты и обратился к Габриэлю:

— Что же делать, если фюрер мне больше не верит?

Поражение под Москвой и безуспешная блокада Ленинграда вызывали обострение отношений также между войсками СС и армией. Эсэсовцы упрекали армейцев в отсутствии настоящего наступательного духа и в руководстве школьными методами. Армейцы, в свою очередь, жаловались на то, что эсэсовские войска экипированы и вооружены лучше армейских частей и занимают особое положение в вооруженных силах. Они обвиняли друг друга в высокомерии.

Стойкая оборона Ленинграда, который Гитлер хотел взять измором, доводила его до белого каления. Он в ярости кричал:

— Этот город я сровню с землей, а его население истреблю! Ленинград никогда не возродится! Это — моя священная клятва!

Успокаивая себя, Гитлер в эти дни часто повторял:

— Победы переносить может всякий. Поражения — только сильный!

Командующий сухопутными войсками Браухич после поражения под Москвой в ставке фюрера больше не появлялся. Говорили, что он болен, но никто этому не верил. На докладе об обстановке на фронте для сотрудников ставки Шмундт* двусмысленно заявил, что Браухич находится в отпуске по болезни и фюрер взял на себя непосредственное командование сухопутными войсками.

После битвы под Москвой

Весной 1942 года, после совещания у Гитлера в «Вольфшанце», погиб таинственным образом министр вооружения и боеприпасов Фриц Тодт. Самолет министра, поднявшийся с аэродрома под Растенбургом, на высоте около 30 метров взорвался. Тодт и экипаж самолета сгорели. Причина взрыва самолета осталась невыясненной. В ставке Гитлера ходили неясные слухи о том, что это было делом вражеской разведки.

* Начальник адъютантуры Гитлера.

На место Тодта Гитлер назначил архитектора Альберта Шпеера. На этом посту Шпеер стал посредником между крупными промышленниками и военным командованием.

Шпеер часто бывал в ставке. В свои приезды из Берлина курьерским поездом, который специально курсировал между Берлином и ставкой, он в ожидании пробуждения Гитлера часто заходил в комнату Линге. Отсюда Шпеер вел свои телефонные разговоры. Он разговаривал со своим заместителем Зауэром* или с Управлением вооружения армии. Разговоры Шпеера велись иногда резким тоном и свидетельствовали о больших трениях между его министерством, военным командованием и промышленными фирмами из-за дележа добычи на востоке.

Однако Шпеер жаловался Шаубу**, который находился в комнате Линге, на трудности, возникающие при распределении захваченных промышленных предприятий и сырьевых ресурсов на оккупированной территории Советской России. Шпеер говорил, что промышленные тузы прежде всего заботятся о своей выгоде. Представители крупных фирм следуют по пятам за войсками и требуют передачи им захваченных предприятий и сырья.

Крупп, Рехлинг и другие магнаты тяжелой промышленности требуют себе львиную долю, ссылаясь на заслуги перед отечеством.

Шпеер говорил о необходимости созыва совещания промышленников у Гитлера, чтобы навести хотя бы некоторый порядок в военной экономике. Совещание, по его мнению, стало особенно необходимым в связи с намерением германского командования наступать на Кавказ и захватить Бакинский нефтяной район.

В мае 1942 года Гитлер по предложению Шпеера созвал к себе в ставку промышленников.

В ставку прибыли: руководитель имперского объединения «Железо» д-р Герман Рехлинг, председатель правления стального концерна «Ферейнигте штальверке» д-р Альберт Феглер, член правления «Ферейнигте штальверке» и руководитель комиссии по производству танков д-р Вальтер Роланд, генеральный директор крупповских заводов и правая рука пушечного

* Правильно — Заур.

** Адъютант Гитлера.

короля Круппа Эрих Мюллер, председатель правления концерна «Герман Геринг», он же имперский уполномоченный по добыче угля, Пауль Плейгер и другие.

До совещания Гитлер пригласил своих гостей на обед. Обеденный стол изобиловал всевозможными изысканными закусками из продуктов, которые специально доставлялись в ставку из Украины имперским комиссаром Кохом, бывшим гаулейтером Восточной Пруссии. За обедом, когда разговор зашел о производственной мощности военной промышленности, промышленники стали жаловаться на недостаток рабочих рук. Гитлер спросил, как работают французские рабочие, присланные в Германию правительством Петэна. Промышленники сказали, что французы работают хорошо, но их слишком мало. Затем разговор перешел на использование русских военнопленных в качестве рабочей силы. Гитлер спросил, как работают русские. Промышленники ответили, что русские стараются увильнуть от работы, за ними надо смотреть и применять меры принуждения.

Кто-то из промышленников сказал, что для стимула было бы хорошо давать русским, страстным курильщикам, табак. Гитлер ответил, что он немедленно распорядится, чтобы из лесных и полевых сорняков изготовили «табак» для выдачи русским военнопленным в виде премии за хорошую работу. Промышленники поставили вопрос об увеличении количества русских военнопленных на предприятиях. Гитлер заверил их, что он лично позаботится об этом и полностью обеспечит промышленников рабочей силой из числа русских военнопленных и угнанных из России мирных жителей. Он самоуверенно заявил, что предстоящие военные операции на Восточном фронте дадут столько военнопленных, что промышленники даже не в состоянии будут использовать всю эту массу.

После обеда Гитлер с промышленниками удалился в чайный павильон, в котором был оборудован большой зал специально для совещаний. Там для промышленников были приготовлены вина, шампанское, коньяк и гаванские сигары.

Совещание происходило при закрытых дверях в строго секретном порядке.

Полет в Запорожье

Утром 10 февраля 1943 года Гитлер на своем самолете «Кондор» под эскортом истребителей вылетел в Запорожье. Его со-

проводжали Йодль*, Буле**, адъютант, Морель и Линге. Он взял с собой также секретаршу Шредер и двух стенографов для записи протокола совещаний, которые он намеревался проводить в Запорожье.

В Запорожье Гитлер со своим штабом поселился в бывшем доме русских летчиков, где помещался штаб Вейхса***. Но уже на следующий день после приезда Гитлеру пришлось спешно покинуть Запорожье.

В этот день, около 11 часов утра, Гитлер принял приехавшего к нему из Днепропетровска инженера Брукмана, руководившего работами по восстановлению Днепрогэса. Брукман был известен в Германии строительством зданий в Нюрнберге для партийных съездов. В Днепропетровске он фигурировал в качестве так называемого «ОТ-фюрера» — руководящего работника строительной организации, известной под названием «Тодт». Гитлер приказал Брукману разрушить Днепрогэс, если немцам придется отступить.

Затем Гитлер ушел на совещание с Вейхсом. Вскоре к Линге, который находился в кабинете Гитлера, прибежал взволнованный адъютант Гитлера Белов.

— Надо скорее укладываться! — закричал он. — Русские танки появились у аэродрома Запорожье. Надо спешить!

Линге стал лихорадочно собирать вещи. В это время в комнату вошел Гитлер. Он очень нервничал и стал сам подавать Линге вещи для упаковки. Когда чемоданы уже укладывали в автомобиль, Белов доложил Гитлеру, что русские танки прорвались не к тому аэродрому, где стояли самолеты Гитлера, а к другому, восточнее Запорожья, и отогнаны назад. Гитлер облегченно вздохнул. Он приказал позвать к нему фельдмаршала Вейхса и генерал-полковника фон Рихтгофена, командовавшего воздушным флотом на этом участке фронта. Гитлер спеша, на ходу, наградил Вейхса дубовыми листьями к рыцарскому кресту, фон Рихтгофена произвел в фельдмаршалы и... уехал. Никакого совещания не состоялось.

По дороге на аэродром Гитлер увидел толпы русских мирных жителей, занятых на дорожных работах под командованием немецких надсмотрщиков.

* Начальник оперативного штаба управления войсками.

** Генерал, представитель командования сухопутных сил при ставке.

*** Командующий группой армий «Юг».

Гитлер злобно сказал:

— Славяне только для этого и созданы — эти роботы...
Иначе они не стоили бы того, чтобы жить под солнцем...

Из Запорожья Гитлер улетел в Винницу в ставку «Вервольф». Туда был вызван генерал-майор Штахель. Штахель особенно отличился при обороне «тяжелых участков», т.е. таких участков, которые по приказу Гитлера должны были удерживаться до последнего солдата. Он был известен также своей беспощадностью к русскому населению.

На приеме Штахеля у Гитлера присутствовали Белов и Гюнше.

Сталинградская катастрофа

1 февраля около десяти часов вечера Гитлеру позвонил Цейцлер*. Гитлер в сопровождении Шмунда и Гюнше пошел в зал для совещаний к телефону. Он шел, волоча ноги, и устало опустился в кресло у стола. На столе была разложена карта Сталинграда. Он сердитыми глазами посмотрел на карту и резким движением руки сбросил ее со стола. Гюнше подал Гитлеру телефонную трубку, а себе взял наушники, чтобы слушать разговоры Гитлера с Цейцлером. Цейцлер кратко доложил, что котел под Сталинградом максимально сжат русскими со всех сторон и что Паулюс навряд ли выстоит эту ночь.

Гитлер спросил, где находится Паулюс. Цейцлер ответил, что точно не знает. Думает, что на своем командном пункте.

Цейцлер, кроме того, сообщил Гитлеру о полученной радиограмме Штреккера, командира 11-го армейского корпуса, в которой он извещал, что при появлении русских немцы сами себя взорвут.

«Благодарю», — ответил Гитлер Цейцлеру, положил трубку и тут же приказал Шмундту сообщить Паулюсу, что он произведен в фельдмаршалы.

Медленным шагом Гитлер, сопровождаемый овчаркой Блонди, покинул зал и сказал Линге, ожидавшему в коридоре:

— Пусть Гофман побудет немного со мной.

Явившись в блиндаж Гитлера, Гофман зашел сначала к Линге. Гофман был навеселе, несмотря на то что Гитлер в связи с трагическими событиями под Сталинградом запретил употреблять спиртные напитки в ставке в течение 14 дней. У Гоф-

* Начальник генштаба сухопутных сил, преемник Гальдера.

мана имелся собственный запас шампанского, что позволяло ему легко переносить этот запрет. Гофман сказал Линге, что хочет подшутить над Гитлером, и просил подать ему в присутствии Гитлера бокал для шампанского, наполненный яблочным соком с содовой водой. Сервируя Гитлеру чай, Линге приказал ординарцу поставить перед Гофманом бокал с «шампанским». Гитлер уставился на бокал Гофмана, затем сердито посмотрел на Линге. Гофман поспешил разъяснить Гитлеру свою шутку. Лицо Гитлера прояснилось. Он стал вместе с Гофманом смеяться над этой выдумкой. Гофман воспользовался этим минутным настроением Гитлера и стал просить рабочих для своего имени.

«Какая отвратительная корысть!» — подумал Линге, выходя из комнаты.

2 февраля, в 4 часа утра, раздался звонок из спальни Гитлера. Линге накинул халат и постучал в дверь спальни. Из-за двери раздался бас Гитлера:

— Линге, узнайте в отделе прессы, передано ли в печать о производстве Паулюса в фельдмаршалы. Если нет, пусть немедленно задержат.

Линге позвонил Лоренцу, заместителю руководителя печати рейха. Лоренц сообщил, что все уже в ходу и нет никакой возможности задержать публикацию. Линге доложил об этом Гитлеру. Он недовольным голосом сказал «благодарю» и добавил:

— Если поступят новые сведения, дайте мне знать немедленно. Я все равно не сплю.

Около 6 часов утра фельдфебель Данике, писарь Йодля, передал Линге для Гитлера две открытые радиogramмы из Сталинграда. Содержание первой радиogramмы: «Противник стоит непосредственно перед нашими позициями. Мы выходим из боя». Вторая радиogramма: «Русские врываются. Мы все разрушаем».

Линге положил обе радиogramмы — последние признаки жизни армии Паулюса — перед дверью Гитлера и доложил об этом. Через четверть часа в коридор вышел Гитлер в шинели с поднятым воротником, бледный, сгорбленный, с потухшими глазами.

Совершенно подавленный, он говорит Линге:

— Я хочу еще раз вывести Блонди, а потом снова лягу. Узнайте, нельзя ли сегодня устроить совещание пораньше. Разбудите меня за час до начала.

Совещание было назначено на 11.30 утра. Безмолвно, с поднятыми для фашистского приветствия руками, участники совещания встретили Гитлера при входе его в зал. В зале гробовая тишина. Гитлер подходит к столу, бросает беглый взгляд на карты и опускается в кресло. Он просит присутствующих оставить его с Кейтелем, Йодлем и Цейцлером.

— Известно что-либо о Паулюсе, Цейцлер? — спрашивает Гитлер.

— Нет, не известно, — отвечает Цейцлер.

Гитлер тихим голосом произносит:

— Сегодня ночью у меня было чувство, что Паулюса русские взяли в плен. Поэтому я хотел задержать сообщение в печати о присвоении ему звания фельдмаршала. Немецкий народ не должен знать, что немецкий фельдмаршал попал в плен к русским. Борьбу и гибель 6-й армии нужно представить народу так, что генералы с оружием в руках, плечом к плечу с солдатами, сражались в окопах и погибли на своем посту. Мне нужен миллион новых солдат.

При этих словах Гитлер поднялся с места. Он медленно стал ходить взад и вперед по залу. Затем он снова подошел к столу и спросил:

— Есть что-нибудь еще о Сталинграде, кроме утренних радиogramм? Что сообщают русские?

— Нет, мой фюрер, ничего нет, — отвечает Цейцлер, — но под Харьковым и у Нижнего Донца положение наших войск стало весьма критическим.

Гитлер, волоча ноги, в сопровождении Гюнце покинул зал.

Вслед за этим Гитлер приказал вызвать к нему начальника генерального штаба Гальдера. Линге проводил Гальдера к Гитлеру. Гитлер встретил Гальдера сухо и спросил, не пора ли ему взять длительный отпуск для поправления здоровья. Гальдер пробыл наедине с Гитлером всего минут десять. После этого он ушел «в отпуск».

С тех пор Гитлер совершенно обособился от генералов и ушел в себя.

Он перестал обедать в казино, в кругу генералов, а обедал один в своем кабинете. По вечерам Гитлер просил Линге заводить ему пластинки с траурной музыкой. Он зачитывался книгами вроде «Я, Клавдий, император и бог», в которой описываются жестокости римских императоров в борьбе за трон, или книгами о походах в XII веке Фридриха II из династии Гогенштауфенов. Гитлер находился в состоянии крайнего раздраже-

ния. Каждая случайно залетевшая муха выводила его из себя. Даже безобидные бабочки приводили его в бешенство. Были приняты все меры против мух, комаров, бабочек. Окна в доме Гитлера были затянуты проволочной сеткой. Каждое утро ординарцы, вооруженные хлопучками, уничтожали последних мух, которые попадались в доме. На столах везде были расставлены стаканы с медом, на потолках развешивались мухоловки. В коридоре и у дома висели синие лампы, заделанные в сетки с током высокого напряжения, на которых гибли насекомые.

Борману Гитлер поручил достать ему овчарку. Своего шотландского терьера он послал в подарок матери Евы Браун в Мюнхен. Овчарку Гитлер назвал Блонди, по имени застреленной из-за старости овчарки, которая была у него в замке «Бергхоф».

Гитлер приказал Борману организовать стенографическую запись военных совещаний. Не доверяя генералам, Гитлер решил фиксировать каждое слово, сказанное на совещаниях. Стенографическая служба была организована из стенографов и машинисток, работавших ранее на заседаниях рейхстага, в кабинете министров и в руководящем центре национал-социалистской партии. Гитлер лично, в присутствии Бормана, взял с них клятву хранить строгое молчание о содержании протоколов военных совещаний.

После Сталинграда

Разгром немецкой армии под Сталинградом страшно отразился на Гитлере. Он уже совершенно не мог обходиться без возбуждающих уколов своего лейб-медика Мореля. Уколы делались ему каждый второй день после завтрака. На нервной почве у него появились спазмы желудка. Из-за сильных болей он по несколько дней оставался в постели. Линге, который давал Гитлеру прописанный Морелем опиум, видел перед собой скорчившегося человека. У Гитлера усилились припадки нервного раздражения. То ему казалось, что воротники слишком узки и мешают кровообращению, то брюки слишком длинны. Он жаловался на зуд кожи. Он подозревал, что в туалетной воде, в мыле, в пасте для бритья, в зубной пасте примешаны яды, и приказывал подвергать их анализу. Анализу подвергалась также вода для приготовления пищи. Гитлер грыз ногти и до крови расчесывал себе уши и затылок. Он страдал бессонницей и глотал разнообразные снотворные средства. Его постель подогре-

валась грелками и согревающими подушками. Ему не хватало воздуха, и он велел поставить в спальню баллон с кислородом, которым он часто дышал.

Гитлер приказал поддерживать в комнатах температуру в 12 градусов, считая, что низкая температура воздуха освежает его. Участники военных совещаний из-за холода часто выбегали из зала, чтобы где-нибудь согреться.

Гитлер почти не покидал своего блиндажа. Только по утрам до завтрака он выходил на 10 минут со своей собакой Блонди, которая стала его постоянным спутником. Эта огромная выдрессированная собака была привязана только к Гитлеру, на всех других она зло ворчала. Она день и ночь охраняла Гитлера и во время совещаний лежала у его ног.

После обеда Гитлер ложился одетым на кровать и лежал так до вечера. Потом он шел на вечернее военное совещание, которое ежедневно происходило в 9 часов. После совещания он оставался в зале и играл в мяч со своей собакой. Гитлера забавляло, когда Блонди, стоя на задних лапах, подавала ему мяч вытянутыми, как у зайца, передними лапами. Гитлер приговаривал: «Давай, Блонди, делай зайчика».

В полночь Гитлер просил Линге заводить ему пластинки с минорной музыкой, как это было в ставке «Вервольф» в Виннице, когда он стал отдаляться от генералов.

Геринг не преминул воспользоваться этим состоянием Гитлера и стал каждый день бывать у него. В этом проявилась тактика Геринга, стремившегося занять особое положение при Гитлере. Гитлер, со своей стороны, чуждаясь генералов, стал искать сближения с Герингом.

По утрам Гитлер еще за завтраком говорил Линге:

— Сегодня я обедаю с рейхсмаршалом. Нельзя ли приготовить что-либо специально для него. Может быть, его любимое блюдо — жареного петушка, а на десерт слоеный яблочный пирог.

В эти дни Гитлер стал больше сближаться с Евой Браун, которая жила то в Мюнхене, то в замке Гитлера «Бергхоф» на Оберзальцберге.

В прошедшие месяцы он поддерживал с ней лишь редкую переписку. А теперь почти ежедневно стал звонить ей по телефону.

Лишь спустя несколько недель после событий под Сталинградом Гитлер стал снова проводить время в обществе своих секретарш, а также Бормана, Гофмана, Мореля и адъютантов. Он говорил по этому поводу Линге, что их общество отвлекает его мысли от неудач на русском фронте и успокаивает нервы...

Курская битва

На Оберзальцберг для доклада еженедельно приезжали из Восточной Пруссии Цейцлер и начальник оперативного отдела главного командования сухопутных войск Хойзингер. В начале апреля Гитлер вызвал Цейцлера для внеочередного доклада. На докладе присутствовали все обычные участники совещаний. После доклада Цейцлера об обстановке на фронте Гитлер, сославшись на разговор, который он имел накануне с Кейтелем и Йодлем, заявил приблизительно следующее:

— Обстановка на Восточном фронте не позволяет проводить широкие наступательные операции в разных направлениях. Мы должны выгрызть отдельные важные куски из русского фронта и захватить инициативу в наши руки. Мы должны, наконец, снова показать свои успехи. Уколов, которые я делал нашим союзникам в Клесгейме*, хватит ненадолго. Нейтральная граница также кисло реагирует на наши дела. Турцию все время приходится подогревать.

Гитлер надел очки, посмотрел на карту и повышенным тоном сказал:

— Здесь, под Курском, представляется возможность нанести русским удар и снова создать угрозу Москве.

Гюнше быстро подал Гитлеру цветные карандаши, за которыми он протянул руку. Гитлер вычертил зеленым карандашом на карте две стрелы: одну стрелу со стороны Орла, другую — со стороны Белгорода. Обе стрелы глубоко вклинивались в русские позиции и сходились далеко за Курском. После этого Гитлер продолжал:

— Цейцлер, по-моему, мы должны нанести главный удар здесь, на узловых пунктах Курской дуги, из районов Белгорода и Орла. Я надеюсь на большой успех. Разработайте план! Пошлите туда немедленно лучших штабных офицеров. Пусть они точно исследуют местность. В этой операции мы в первый раз введем в действие «фердинанды». Эти чудовища должны послужить тараном при прорыве через русские позиции. Никакие «Т-34» не смогут им противостоять.

«Фердинанды» — самоходные сверхтяжелые пушки — были незадолго до совещания выпущены специально для применения на Восточном фронте.

* Речь идет о встречах Гитлера с Хорти и Антонеску в замке Клесгейм.

Гитлер был целиком захвачен подготовкой к курской операции. Спустя некоторое время Цейцлер докладывал Гитлеру разработанный генеральным штабом план этой операции. В своих докладах Цейцлер указывал, что русские концентрируют в районе немецкого наступления крупные силы. Он приводил данные воздушной и войсковой разведки о том, что русские сильно укрепляют свои позиции у узловых пунктов Курской дуги. Цейцлер указывал также, что две русские танковые армии внезапно исчезли из района Курской дуги и на других участках фронта не появлялись. Цейцлер предполагал, что эти армии сняты с фронта в резерв. Он приходил к выводу, что подготовка курской операции не осталась секретом для русских и что тактика внезапности этой операции не будет иметь эффекта. Цейцлер предложил другой вариант наступления, который предусматривал, что основной удар будет направлен не на узловые пункты Курской дуги, а гораздо западнее. Но Гитлер настаивал на осуществлении своего плана. По его замыслу, наступление должно было вестись максимально концентрированным ударом по фронту, не превышающему 4–5 километров. Систему русских укреплений должны были прорвать главным образом саперные части и пехота. Наступлению этих частей должен был предшествовать ураганный огонь артиллерии: Танки должны были быть пущены в ход лишь после прорыва, очищения минных полей и подавления огня русских противотанковых орудий.

В ходе совещаний, связанных с курской операцией, Гитлер все больше утверждался в мысли, что операция на Курской дуге может решить исход войны. Гитлер отдал приказ передать армиям Моделя и Хота, участвовавшим в курской операции, всю продукцию танков за май и июнь, так что общее количество танков, которыми располагали эти армии к моменту наступления на Курск, доходило до трех тысяч. К Курску были стянуты отборные танковые дивизии: лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», «Дас рейх», «Мертвая голова», «Великая Германия», вооруженные новейшими танками «Тигр» и «Фердинанд». Кроме того, Гитлер приказал Герингу сосредоточить в районе курской операции почти всю авиацию и оказывать наступлению всемерную поддержку с воздуха.

Рассматривая на одном из совещаний по подготовке курской операции аэроснимки с надписью «Аэроснимки русских позиций северо-восточнее Белгорода. Совершенно секретно», на которых можно было видеть систему тесно примыкающих друг

к другу окопов, артиллерийские позиции и наблюдательные пункты, Гитлер сказал:

— Это их не спасет!

Отношения с Турцией

В связи с подготовкой наступления на Курск Гитлер в середине июня 1943 года переехал со своей ставкой с Оберзальцберга в Восточную Пруссию, в «Вольфшанце». К этому времени из Турции прибыла делегация турецких генералов и штабных офицеров. Приезд делегации состоялся по инициативе и приглашению главного командования сухопутных войск. Турок пригласили, чтобы продемонстрировать им силу немцев на Восточном фронте путем маневров сосредоточенных в районе Харьков—Белгород танковых дивизий, подготовленных для наступления на Курск. После маневров турки приехали в ставку для встречи с Гитлером. Там они имели продолжительное совещание с Кейтелем и Йодлем и были приглашены на чай к Гитлеру. После приема у Гитлера турки по приглашению главного командования вооруженных сил уезжали во Францию. Гитлер остался доволен разговором с турками. Он сказал Гюнше:

— На турок мы можем полагаться. Демонстрация наших танковых дивизий под Харьковым произвела на них большое впечатление.

Во Франции турок принял главнокомандующий армейской группировкой «Запад» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. Из ставки ему было дано указание не ослаблять впечатления турок от маневров танковых дивизий на Восточном фронте и показать им только сильно укрепленные пункты Атлантического вала. Турки были допущены к осмотру тяжелой батареи «Фриц Тодт», которая была расположена у мыса Гри-Нэ. Береговую артиллерию, состоявшую из старых трофейных орудий, туркам, конечно, не показали.

Начало и крах операции «Цитадель»

Наступление в районе Белгород—Курск—Орел началось 5 июля 1943 года. Уже в первой половине дня Гитлер заставлял

адъютантов беспрерывно справляться у Цейцлера, каковы успехи. Около половины первого к Гитлеру явился сам Цейцлер. Гитлер бросился к нему и, волнуясь, спросил:

— Цейцлер, как дела у Курска?

Цейцлер замаялся и дал уклончивый ответ. Он говорил, что с фронта поступают скудные сведения, что русские оказывают упорное сопротивление, и осторожно добавил:

— Видимо, тактика внезапности не удалась.

Гитлер сразу вышел из себя:

— «Фердинанды!» «Фердинанды» немедленно бросить вперед! Мы должны прорвать фронт во что бы то ни стало!

6 июля Цейцлер докладывал, что пехоте и саперам не по силам прорвать русские оборонительные укрепления и что они несут большие потери. Поэтому пришлось пустить в бой основные силы танковых частей. Гитлер вскипел. Он приказал держать танки в резерве и невзирая на жертвы добиваться прорыва русских позиций силами пехотных и саперных частей. Он приказал бросить в бой новые резервы. Гитлер, кроме того, снова повторил свой приказ вести концентрированные атаки. В эти дни Гитлер был как в лихорадке. Каждый час он приказывал справляться у Цейцлера, не прорваны ли еще русские позиции и на какое расстояние продвинулся его лейбштандарт СС «Адольф Гитлер».

Спустя несколько дней Цейцлеру пришлось докладывать Гитлеру, что наступление захлебнулось, что немецкие дивизии вынуждены занять оборону, что русские в некоторых пунктах ведут стремительные контратаки и что «фердинанды» и «тигры» под огнем русских противотанковых орудий и врытых в землю «Т-34» один за другим выходят из строя.

Гитлер не хотел верить этому. Он неистовствовал, стучал кулаком по столу и кричал:

— Это происходит потому, что мои приказы не выполняются!

Гюнше получил от Гитлера приказ немедленно вылететь в лейбштандарт, сориентироваться на месте в обстановке и лично доложить ему. Гюнше вылетел в район севернее Белгорода, где находился командный пункт командира лейбштандарта Зеппа Дитриха. Перед самой посадкой самолета Гюнше видел внизу глубоко эшелонированные русские позиции. Всюду стояли остатки сгоревших немецких тяжелых танков и самоходных орудий.

Зепп Дитрих объяснил Гюнше:

— Вот 10 километров русских позиций, которые я смог взять. Но какой ценой! Из 150 с лишком танков, с которыми я

выступил, пригодных осталось едва 20. Пехота понесла очень большие потери. В соседних дивизиях не лучше. Кто знает, как глубоко идут позиции русских? Легко говорить, находясь в Восточной Пруссии. Здесь все выглядит иначе. Здесь пробиться невозможно.

Вечером следующего дня Гюнше снова был у Гитлера. Когда он начал докладывать о своих впечатлениях, Гитлер прервал его усталым беспомощным жестом и сказал:

— Оставьте. Я знаю... Дитрих тоже отброшен назад. Наступлением на Курск я хотел повернуть судьбу. Я никогда не думал, что русские так сильны...

Контрнаступательные операции русских под Курском переросли в широкое наступление. В сводках германского командования все время сообщалось о «планомерном» отходе немецких войск в целях «выравнивания» фронта. По поводу этих формулировок в штабе Гитлера стали с горечью острить, так как было известно, что эти «планомерные отступления» стоили десятков тысяч убитых и раненых немецких солдат.

Но в конце каждого совещания об обстановке на Восточном фронте Гитлер упорно повторял:

— Все кончится победой немцев.

А немецкие войска на Восточном фронте под натиском русских с каждым днем отступали все дальше.

Пшеница, уголь, руда Украины и мечты о кавказской нефти канули в вечность.

В ставке Гитлера стали появляться промышленники и подолгу беседовать с ним. В штабе Гитлера говорили, что хозяева Германии заволновались. Первым приехал в ставку руководитель имперского объединения «Железо» д-р Рехлинг.

Вслед за ним в собственном поезде приехал пушечный король Крупп. В эти же дни в ставке появился Геринг, который беззаботно проводил время на охоте в Роминтене.

Страдания и ужасные потери немецкой армии на Восточном фронте его мало беспокоили. Он привез с собой охотничью добычу и крепкое пиво, которое специально варилось для него.

За обедом с Гитлером Геринг зачитал ему письмо, полученное от Шахта. Шахт писал, что в кругу промышленников положение на Восточном фронте считают опасной угрозой для Германии и что в данной обстановке необходимо искать мира с западными державами. Шахт намекал, что, по данным частных источников, такие переговоры могли бы привести к успешным результатам. Письмо Шахта вывело Гитлера из себя.

Потеряв всякое самообладание, он осыпал Шахта ругательствами. Гитлер кричал, что Шахт хочет его обойти и проводить политику за его спиной. Всякие переговоры с англо-американцами без его ведома он будет рассматривать как государственную измену. Гитлер грозил отправить Шахта в концлагерь.

В то время как Гитлер неистовствовал, Геринг продолжал спокойно сидеть рядом. Он старался отвлечь Гитлера и в конце концов развеселил его своим рассказом о том, что старый Шахт развелся с женой и женился на своей молоденькой секретарше.

Гитлер и генералы

После того как немецкие войска были отброшены за Днепр, Гитлер созвал в ставку командующих армейскими группировками и армиями на Восточном фронте. Они были собраны в зале казино, расположенного в 500 метрах от блиндажа Гитлера. Гитлер в сопровождении Бормана, Шауба, Шмундта и Линге подъехал к казино в автомобиле. При входе Гитлера в зал собравшиеся фельдмаршалы и генералы встретили его, стоя с поднятой по-фашистски рукой. На этом собрании Гитлер выступил с речью, в которой он требовал во что бы то ни стало удержать фронт.

Он указывал при этом на благоприятную обстановку для дальнейшего ведения войны на Востоке в связи с тем, что открытие второго фронта во Франции все более явно оттягивается. Гитлер зачитал присутствующим две сводки немецкого информационного бюро, указывавшие на разногласия, возникшие на этой почве между англо-американцами и русскими.

В конце речи Гитлер патетически заявил:

— Господа! Если в будущем для Германии наступит грозный час, я надеюсь, что вы, мои генералы, будете стоять на баррикадах вместе со мной! И вы, мои фельдмаршалы, бок о бок со мной, с обнаженными мечами!

При этих словах фельдмаршал Манштейн, командовавший в то время армейской группировкой «Юг», вскочил со своего места и воскликнул:

— Ведите нас, фюрер!

Гитлер замолчал и недоуменно покосился на Манштейна. Он не поверил в искренность его слов. Манштейн, типичный генерал вильгельмовской школы, был известен как закостенелый монархист, приспособившийся к нацизму. В тот момент, когда Гитлер в недоумении повернул голову в сторону Манштейна, Кейтель воскликнул:

— Нашему высокочтимому фюреру троекратное «Хайль, хайль, хайль!».

Фельдмаршалы и генералы встали с мест и подняли руки. Кейтель трижды крикнул: «Зиг-хайль! Зиг-хайль! Зиг-хайль!». Все хором повторяли за ним. Он запел национальный гимн «Германия, Германия превыше всего!», а затем «Хорст Вессель». Присутствующие пели вместе с Кейтелем. Национальный гимн был пропет довольно дружно, но «Хорст Вессель» — вразнобой, так как фельдмаршалы и генералы плохо знали текст и мелодию этого гимна национал-социалистов. Между тем Гитлер покинул зал.

На обратном пути к блиндажу в автомобиле Гитлера царило гробовое молчание. Борман выдавил сквозь зубы: «Неслыханно!».

Вернувшись в блиндаж, Гитлер сразу пошел в зал для совещаний. Шмундт, Шауб и Линге направились в адъютантскую. Шауб состроил кислую мину и втянул голову в плечи, что у него означало: «Быть грозе!». В этот момент в комнату вошел Борман и сказал Шмундту:

— Пусть Манштейн немедленно явится к фюреру!

Шмундт пошел за Манштейном и проводил его к Гитлеру. Оттуда сразу донесся громкий крик Гитлера. Он кричал на Манштейна, что тот не смел прерывать его, что это недисциплинированность. Гитлер пробирал Манштейна в течение 10 минут. Манштейн вышел от Гитлера с видом провинившегося и наказанного школьника.

Жизнь в «Бергхофе»

Во второй половине февраля 1944 года Гитлер приказал приступить в ставке «Вольфшанце» к работам по перекрытию железобетоном толщиной в 7 метров своего блиндажа, так называемого «блиндажа для гостей», в котором размещались приезжавшие в ставку для доклада Гитлеру партийные руководители и министры, блиндажей, где помещались коммутатор, телеграф и радиоузел, и других блиндажей. Ранее блиндажи ставки были покрыты бетоном толщиной в 2 метра; это теперь казалось Гитлеру уже недостаточным, так как он стал бояться налетов русской авиации. Работы по перестройке блиндажей были рассчитаны на несколько месяцев. На это время Гитлер решил переселиться со ставкой на Оберзальцберг. В Восточной Пруссии, под Летценом, остался только начальник генерально-

го штаба сухопутных войск Цейцлер со своими сотрудниками. 23 февраля Гитлер выехал из «Вольфшанце» в своем поезде на Оберзальцберг через Мюнхен, где он остановился на короткое время. Из Мюнхена вместе с Гитлером на Оберзальцберг поехала Ева Браун со своей сестрой Гретель и подругой фрау Шнейдер. Свою подругу фрау Шенеман Ева Браун на этот раз не пригласила в «Бергхоф», так как приревновала ее к Гитлеру, потому что он, находясь в замке в 1943 году, уделял ей слишком много внимания. Туда же через несколько дней приехала мать Евы Браун. Ева Браун, используя свое все возраставшее влияние на Гитлера, получила его разрешение поселить свою мать в замке «Бергхоф». Из женщин, окружавших Еву Браун, в это время в замке находились также жены лейб-медика Мореля, хирурга Брандта, адъютанта Белова и секретарши Гитлера.

Кейтель, Йодль, Буле и Шерф, как и в 1943 году, поместились в здании канцелярии, которая находилась на Оберзальцберге между Берхтесгаденом и Бишофсхайде, в получасе езды от «Бергхофа». Вместе с ними на этот раз поместился и адмирал Фосс, который стал офицером связи Деница при ставке Гитлера вместо адмирала Кранке, назначенного командующим военно-морскими силами на Атлантическом побережье. Геринг с женой и семилетней дочерью поселился на своей вилле на Оберзальцберге. Гиммлер и Дениц — поблизости от Зальцбурга. Там же, в своем замке «Фушель», поселился Риббентроп. В Берхтесгадене, в казарме «Штруб», разместились со своим штабом комендант ставки Гитлера полковник Штреве и Варлимонт со штабом оперативного руководства. Штреве был назначен комендантом ставки осенью 1942 года вместо Томаса, который был переведен на фронт в Северную Африку, где и погиб.

Распорядок дня в замке «Бергхоф» был приблизительно таким же, как и в марте—июне 1943 года. Гитлер вставал около двенадцати. В час или в половине второго, после завтрака, он в большой гостиной замка проводил дневное военное совещание. К концу военного совещания в салоне, примыкающем к большой гостиной, собирались, в ожидании обеда, Ева Браун, ее мать и сестра Гретель, фрау Шнейдер, компаньонка Евы фрейлейн Каструп, Борман, Белов и Брандт со своими женами, Отто Дитрих, Хевель, Лоренц, секретарши и адъютанты Гитлера. Около половины четвертого Гитлер под руку с одной из дам, которая, по заведенной традиции, должна была сидеть рядом с ним за столом, вел все общество в столовую. За обедом, как и

в прошлом году, велись самые пустые разговоры. Война не упоминалась ни единым словом. После обеда при хорошей погоде Гитлер вместе с другими отправлялся на прогулку к павильону «Моослендеркопф».

В плохую погоду Гитлер оставался в замке и проводил время с Евой Браун в ее комнате. Они обычно вместе просматривали старые немецкие иллюстрированные журналы 1933—1939 годов и любовались снимками, отражавшими годы его «величия». Гитлер ужинал в восемь вечера в обществе тех же лиц, с которыми обедал. После ужина Гитлер проводил вечернее совещание, которое заключалось в том, что его военные адъютанты Белов, Путкаммер и Борман поочередно вкратце докладывали обстановку на фронтах. После вечернего совещания в большой гостиной начинался обычный «вечерний чай» с неизменным шампанским и грампластинками. Разнообразие в этом году внесли коктейли, которые изготовлялись по рецептам Евы Браун. Этим коктейлям она и эсэсовские ординарцы давали различные шуточные названия. Когда Гитлеру однажды подали новый коктейль, он спросил, какое название ему дано. Гитлеру ответили: «Автобус». Он заинтересовался, почему именно «автобус». Когда Гитлеру объяснили, что, очевидно, потому, что он, как автобус, много вмещает в себя и действует с такой же быстротой, с какой мчится автобус, он очень смеялся и хвалил Еву Браун за изобретательность. После полуночи, по распоряжению Евы Браун, подавался второй (легкий) ужин: черепашковый суп, бутерброды, сосиски.

В половине четвертого утра Гитлер прощался и уходил спать.

В отличие от 1943 года, жизнь в «Бергхофе» нарушалась воздушными тревогами в связи с налетами англо-американской авиации, которые обычно объявлялись между 9 и 10 часами утра, когда обитатели замка еще спали. Когда самолеты приближались к границам Южной Германии, в замке «Бергхоф» давалась так называемая «предварительная» тревога. Сведения о приближении англо-американских самолетов к границе Германии поступали к адъютанту Гитлера Белову из известного под условным названием «Робинзон» головного поста связи в штабе оперативного руководства военно-воздушных сил. Белов сообщал об этом Линге, который тотчас же будил Гитлера и по телефону сообщал всем обитателям замка: «предварительная» тревога. После этого в замке начиналась суматоха. Горничные непрерывно тащили в убежище множество больших корзин с туалетами Евы Браун и других дам замка. Все эти дамы выбе-

гали из своих комнат, заспанные, наспех одетые, ненакрашенные, с платками на головах.

При появлении самолетов над территорией Южной Германии объявлялась посредством сирены «полная» тревога. Все спешили в бомбоубежище.

Гитлер после «предварительной» тревоги быстро одевался и, не завтракая, шел в сопровождении своих адъютантов на террасу замка. Там он через короткие промежутки времени принимал сообщения Белова о местонахождении самолетов, чтобы при непосредственной опасности успеть уйти в убежище.

Бомбоубежище Гитлера строилось полтора года и к приезду Гитлера в «Бергхоф» было почти закончено. Оно имело вид системы галерей в недрах скалистого массива Оберзальцберга. Эти галереи внутри горы соединялись между собой узкими коридорами, так что весь Оберзальцберг был изрыт, как гигантская кротовина. Вход в галерею, которая вела в подземные комнаты Гитлера, был защищен бронированной дверью. От этой двери в глубь горы, к подземному коридору, вела лестница приблизительно в 100 ступеней. Внизу у лестницы были установлены пулеметы. От этого коридора целый лабиринт проходов вел к уютно обставленным комнатам Гитлера. Еще глубже, под галереями, были устроены большие кладовые для хранения продовольствия на тот случай, если бы в ходе войны пришлось на длительное время перенести ставку в это убежище. С этим же расчетом в начале 1945 года бомбоубежище было значительно расширено за счет новых кабин-спален.

Во время воздушной тревоги вся местность вокруг Оберзальцберга окутывалась искусственным туманом. С этой целью в горах, вокруг замка, был распределен небольшими группами специальный отряд, который выпускал из баллонов густой газ молочного цвета. Многочисленные зенитные батареи, установленные в окрестностях Оберзальцберга, приводились в боевую готовность. Батальон войск СС, расквартированный в казарме, расположенной в 500 метрах от замка, выставлял усиленные посты в окрестностях и на территории замка.

Во время воздушной тревоги Гитлер, в кругу своих адъютантов, оставался на террасе и следил за тем, хорошо ли окутан Оберзальцберг маскировочным газом. Если ветер в каком-либо месте разрывал туманную завесу, Гитлер горячился и приказывал открыть новые баллоны.

Тревоги продолжались обычно от полутора до двух часов. В районе замка «Бергхоф» бомбы ни разу не сбрасывались. Ан-

глийские и американские самолеты бомбили главным образом Мюнхен. При налетах на Мюнхен, от которых жестоко страдало население, Гитлер больше всего беспокоился о построенной им для Евы Браун вилле, о дворцах национал-социалистской партии на Кёнигсплац и о ресторане «Остерия-Бавария», где он обедал, приезжая в Мюнхен. Когда при одном из налетов на Мюнхен от взрывной волны слегка пострадала квартира Гитлера на Принц-регентенплац, он с гордой миной повторял:

— Теперь и я, наконец, стал жертвой бомбежки.

Ева Браун возмущалась воздушными тревогами, говоря, что они не дают ей выспаться. Она жаловалась также на скуку, на то, что дни тянутся без конца. Она заставляла Гитлера часами рассматривать с нею каталоги образцов фарфоровых и хрустальных сервизов и помогать ей выбирать лучшие из них для «Бергхофа». Эти каталоги Еве Браун, как хозяйке замка «Бергхоф», присылал Гиммлер через своих эсэсовских офицеров. Гиммлер получал эти каталоги, так как сервизы изготовлялись заключенными концлагеря Дахау на фарфоровой фабрике «Аллах» и на предприятиях в Чехословакии, находившихся в ведении хозяйственного управления штаба высшего руководства СС.

По специальному заказу Гитлера и Евы Браун заключенными концлагеря Дахау были изготовлены фарфоровые люстры и серия фигур, изображавших Фридриха II верхом на коне, его генералов и солдат всех родов оружия в живописных военных формах времен Семилетней войны.

Чтобы внести разнообразие в жизнь замка, в апреле 1944 года на Оберзальцберг, по настоянию Евы Браун, был приглашен из Берлина известный фокусник Шрейбер. На Оберзальцберг Шрейбер прибыл со своей женой, которая служила ему ассистенткой при демонстрации фокусов. Их поместили на вилле Бормана. К обеду и к ужину их приглашали в замок к Гитлеру, куда они приезжали вместе с Борманом и его женой. Почти каждый вечер в течение двух недель Шрейбер демонстрировал свои фокусы перед Гитлером и его домочадцами. Сеансы Шрейбера устраивались в большой гостиной замка, где Гитлер проводил свои военные совещания. Сеансы Шрейбера начинались после вечернего военного совещания, во время вечернего чая. К началу сеансов в гостиную собирались: Гитлер, Ева Браун, ее мать и сестра Гретель, подруга Евы Браун фрау Шнейдер, компаньонка фрейлейн Каstrup, Борман, Морель, Брандт со своими женами, Хевель, Отто Дитрих, Лоренц, секретарши и адъютанты Гитлера. Гитлер усаживался в первом ряду. Справа и слева от него — Ева

Браун и ее мать. В этом же ряду сидели Борман и Отто Дитрих. Остальные сидели позади. Под звуки танцевальной музыки (пластинки подбирались каждый раз Евой Браун и Борманом) Шрейбер манипулировал дрессированными голубями, исчезающими в его карманах, и показывал фокусы, при которых у присутствующих исчезали разные вещи. В гостиной раздавался громкий хохот, когда благодаря ловкости рук фокусника исчезали золотые карманные часы Бормана и усыпанные бриллиантами платиновые часы Евы Браун, подаренные ей Гитлером. Во время фокусов Шрейбера Гитлер очень оживлялся. Он смеялся и аплодировал. В шутку говорил Шрейберу, что было бы хорошо, если бы он таким образом заставлял «исчезать» русские армии.

Весна 1944 года

К весне 1944 года потери немецких войск убитыми и ранеными на Восточном фронте невероятно возросли. Русская земля была пропитана кровью и покрыта бесчисленными могилами убитых немецких солдат. Поезда ежедневно привозили в Германию десятки тысяч раненых. Госпитали были переполнены. В немецких городах и селах стало появляться все больше и больше искалеченных, ковылявших на костылях и слепых солдат. Но огромные потери скрывались от немецкого народа. В сводках верховного командования сообщалось, что на Восточном фронте немцы планомерно отступают, а русские несут колоссальные потери. Собственные потери представлялись незначительными. Общественности ничего не было известно также о том, что в плен к русским попали сотни тысяч немецких солдат и офицеров. Чтобы восполнить понесенные в боях с русскими огромные потери в людях, в армию призывались в рамках тотальной мобилизации, объявленной после поражения под Сталинградом, сотни тысяч забронированных на производстве людей, а также 16—17-летние подростки. Из них были сформированы новые дивизии, которые перебрасывались на Восточный фронт. Разбитые на Восточном фронте дивизии перебрасывались из России во Францию, в Бельгию, Голландию, где заново укомплектовывались и перевооружались. Таким образом, в оккупированных Германией западных странах постоянно находилось известное количество немецких войск, которые, по существу, представляли собой жалкие остатки разбитых в России дивизий. Но все эти резервы не могли заполнить все увеличивавшиеся бреши на Восточном фронте. Поэтому немец-

кие войска на Восточном фронте стали пополняться силами наземного персонала авиации. Из них формировались так называемые авиаполевые дивизии, которые включались в состав сухопутных войск. Войска СС, которые сначала формировались из добровольцев, после понесенных потерь на Восточном фронте и ввиду отсутствия резервов также стали пополняться за счет авиации и военно-морского флота. Несмотря на все эти пополнения, русская армия отбрасывала немецкие войска все дальше на запад. После тяжелых поражений немецких войск на Украине осенью и зимой 1943/44 года Гитлер стал все свои надежды возлагать на весну. Он говорил, что период распутицы остановит наступление русских и что это даст передышку немцам для перегруппировки сил и организации обороны. Но Гитлер и германское верховное командование ошиблись в своих расчетах. Уже в начале марта 1944 года, несмотря на наступившую весеннюю распутицу, русские войска начали на Украине, южнее Шепетовки и у Ингула, новое мощное наступление и в течение нескольких дней широким фронтом прорвали немецкие позиции и продвинулись на большую глубину. В связи с этим в середине марта в «Бергхоф» к Гитлеру из Восточной Пруссии прибыл с внеочередным докладом Цейцлер. Он, как известно, после отъезда ставки из «Вольфшанце» остался в своем штабе под Летценом и приезжал в «Бергхоф» с докладом только раз в неделю. В остальные дни Цейцлера замещал на военных совещаниях у Гитлера полковник генштаба Брандт, служивший в оперативном отделе главного командования сухопутных войск. На совещании, специально созванном для заслушивания доклада Цейцлера, присутствовали Кейтель, Йодль, Кортен*, Брандт, Шмундт, Хевель и Гюнше. Гитлер пришел на совещание с некоторым опозданием. С мрачным лицом он поздоровался с присутствующими и сел за стол, на котором были разложены оперативные карты Восточного фронта. Остальные стояли по обеим сторонам стола...

В конце совещания Гитлер сделал краткий обзор политической обстановки, которую он сводил исключительно к разногласиям между англо-американцами и русскими. С некоторых пор эта тема стала его коньком, и он к концу каждого совещания возвращался к ней. Он зачитывал секретные донесения германских послов в Мадриде, Лиссабоне, Анкаре, Стокгольме, которые представлялись ему Риббентропом. Эти донесения имели помет-

*Начальник штаба ВВС.

ку «Р» (Риббентроп), а на полях — различные замечания Риббентропа о росте антисоветских настроений в английских и американских правящих кругах. Кроме этих донесений Гитлер зачитывал выдержки из сводок германского информационного бюро и заграничных агентств, так же касавшихся отношений между англо-американцами и русскими. Эти материалы свидетельствовали о том, что в авторитетных английских кругах стали все громче раздаваться голоса о русской опасности в связи с быстрым продвижением русской армии; там требовали скорейшего вторжения англо-американских войск с запада. Гитлер придавал этим сведениям исключительно важное значение. Выступая на совещаниях, он подчеркивал, что в этих условиях угроза вторжения на западе является меньшим злом, так как враждебное отношение англо-американского лагеря к Советской России может привести к разрыву между ними, а это окажет существенное влияние на ход и исход войны в пользу Германии.

Гитлер и промышленники

Министр вооружения и боеприпасов Шпеер, который часто совершал инспекционные поездки по военным предприятиям, находился в постоянном тесном контакте с промышленниками. После понесенных германской армией тяжелых поражений на Восточном фронте Шпеер стал часто докладывать Гитлеру о том, что промышленники все чаще проявляют недовольство военным руководством. Информация Шпеера об отрицательных настроениях среди промышленников подтверждалась донесениями Гимmlера, который через СД раскинул по всей стране широкую агентурно-осведомительную сеть, следившую за малейшими проявлениями антигитлеровских настроений. Шпеер настоятельно рекомендовал Гитлеру созвать к себе представителей крупной промышленности для того, чтобы накачать их бодростью.

Поэтому Гитлер в середине июня 1944 года созвал к себе на Оберзальцберг около 200 промышленников. Они собрались в отеле «Платерхоф», который принадлежал концерну отелей национал-социалистской партии. Гитлер выступил перед промышленниками с часовой речью. В своей речи он старался подбирать как можно более убедительные формулировки. Чувствовалось, что настроения промышленников его сильно беспокоили.

Прежде всего Гитлер призвал промышленников всегда стоять с ним плечом к плечу, так как только непоколебимая настойчивость поможет одержать победу над упорным противником.

Он подчеркнул, что его генералы, воюющие на Восточном фронте, недопонимают важного значения для германской промышленности Донецкого бассейна, Украины, марганцевых руд Никополя и т.д., так как думают слишком односторонне — только о военно-стратегической стороне вопроса.

Далее Гитлер указал, что, несмотря на потерю русских сырьевых районов, в производстве вооружения не возникнет особых трудностей. Имеются еще большие запасы сырья, которые дадут возможность не только преодолеть узкие места, но даже увеличить производство вооружения. После войны германская армия будет блестяще оснащена всеми видами вооружения. Военная промышленность будет и после войны получать огромные прибыли. Весь мир будет отдавать предпочтение качеству победоносного германского оружия. Германская промышленность станет мировым поставщиком оружия. После этой войны начнутся новые войны. Венгрия будет воевать против Румынии, Греция — против Италии. Мир или война между ними — это будет зависеть от немцев. Восстановление разрушенных городов и производство предметов потребления будут развиваться полным ходом. Промышленникам будут обеспечены высокие цены на их продукцию.

В заключение Гитлер обратился с патетическим призывом к промышленникам оказать ему полное доверие и приложить все усилия для завоевания победы. Недалек тот час, когда великий перелом наступит.

Под аплодисменты и возгласы «Хайль» Гитлер вышел из зала.

Высадка союзников

Рано утром 6 июня 1944 года Линге разбудил Гитлера, которого срочно вызывал к телефону Йодль. Йодль сообщил Гитлеру, что на рассвете началось вторжение англо-американцев во Францию. Не прошло и получаса, как Кейтель и Йодль приехали в «Бергхоф». Гитлер принял их в большой гостиной. Он выглядел в этот день гораздо лучше, чем в предыдущие дни.

— Итак, Йодль, на Атлантике началось? — быстро спросил Гитлер. — Где именно? Есть у вас точные данные?

Йодль разложил на мраморном столе карту Атлантического побережья и показал на ней пункты, где высадился англо-американский десант.

— Здесь, мой фюрер, к югу от Гавра, десантные суда высадили войска. Их атаки во многих местах уже отбиты. В тылу немецких войск сброшены парашютисты. Где находится центр тяжести десанта, определить еще трудно. Но уже теперь можно с уверенностью сказать, что оперативная внезапность противнику не удалась. Десант высажен там, где он ожидался.

Гитлер выпрямился. Его глаза блестели.

— Господа, — сказал он взволнованно, — я рад, что англо-американцы решились, наконец, высадиться во Франции, и именно там, где мы их ожидали. Теперь мы знаем, с чем имеем дело. Посмотрим, что будет дальше.

В последние недели на основании сводок и докладов Риббентропа, Гимmlера и Йодля Гитлер ожидал скорого вторжения во Францию. Но неизвестность того, когда и где произойдет вторжение, выбивала его из колеи. Он часто совещался с Йодлем по вопросу о правильной расстановке небольшого количества имевшихся во Франции подвижных резервов, т.е. танковых дивизий, и говорил, что в предстоящих боях все будет зависеть от правильного расположения танковых дивизий.

Эти дивизии перемещались несколько раз и были, наконец, сконцентрированы в Нормандии.

Во время разговора с Кейтелем и Йодлем Гитлеру доложили, что приехал Геринг. Он поспешил к нему навстречу; Геринг был уже в вестибюле. Гитлер, с сияющим лицом, схватил обеими руками правую руку Геринга и взволнованно воскликнул:

— Геринг, Вы уже слышали? Сегодня утром англо-американцы все-таки высадились во Франции, и как раз в том месте, где мы их ожидали! Мы их снова выбьем оттуда!

К ним подошли Кейтель и Йодль. Гитлер выхватил из рук Йодля карту и разложил ее на стоявшем поблизости столике. Гитлер и Геринг нагнулись над картой и стали искать пункты, где высадились англо-американские войска. Затем все четверо стали совещаться о мероприятиях против десантных войск противника.

Но уже в ближайшие дни Гитлер начал придавать событиям на фронте вторжения во Франции второстепенное значение. Все его внимание вновь целиком сосредоточилось на Восточном фронте в связи с боями, которые развернулись на участке армейской группировки «Центр».

О положении на участке армейской группировки «Центр» Хойзингер в середине июня 1944 года на военном совещании доложил Гитлеру, что данные разведки и усиливавшаяся деятельность русских партизан, которые особенно активно стали взрывать железнодорожные пути и поезда в тылу армейской группировки «Центр», указывают на то, что русские на центральном участке фронта готовят крупную операцию.

Гитлер сердито процедил сквозь зубы, что он все время приказывал превращать партизанские районы в безлюдную пустыню:

— Все они бандиты! Враги немцев и бандиты — это одно и то же! Всех их надо искоренять!

Лицо Гитлера приняло озабоченное выражение. Он долго рассматривал карту и затем сказал:

— Передайте фельдмаршалу Бушу, чтобы он был особенно бдителен. Через его армейскую группировку ведет прямая дорога в Германию! Здесь мы не должны отступать ни на шаг!

Гитлер и западные державы

Говоря об обострении отношений между западными державами и Советской Россией, Гитлер подчеркивал, что задача состоит теперь в том, чтобы выиграть время. В тот период, в сентябре 1944 года, Гитлер знал, что англо-американцы готовы к заключению сепаратного мира с Германией, но предварительно добиваются его ухода. Требование об устранении Гитлера было поставлено в то время англичанами при переговорах в Стокгольме с представителями германского министерства иностранных дел. Инициатива переговоров принадлежала англичанам. Когда Гитлеру доложили об этом, он приказал прервать переговоры с англичанами. Постоянный представитель Риббентропа при Гитлере посол Хевель в разговоре с Гюнше выразил недовольство по поводу прерванных переговоров в Стокгольме, говорил, что война на Восточном фронте достигла такой стадии, когда совершенно необходимо заключить мир с западными державами.

— Чего еще ждет фюрер? Он должен принять какое-то решение, найти выход, — говорил Хевель.

Гитлер искал выход в конфликте между западными державами и Советской Россией. В конце военных совещаний он часто говорил:

— Вот увидите, господа. Я окажусь прав.

... Гитлер, откинувшись на спинку стула, стал с презрением говорить об американцах. Он подчеркивал, что на международных гонках американские автомобили ни разу не побеждали. Американские самолеты хороши лишь своим внешним видом, моторы их никуда не годятся. Это служит, мол, доказательством того, что хваленую американскую промышленность сильно переоценивают. Там нет никаких особых достижений — только посредственность и большая реклама.

После ухода Гитлера и Шмундта к Линге зашел начальник личной охраны Гитлера Шедле. Он заговорил о том, что на Восточном фронте дела идут плохо. Шедле заметил, что фюрер уже очень давно не ездил на фронт. Надо, чтобы войска увидели фюрера.

— Чем же шеф все время занимается, черт возьми? — спросил Шедле.

Линге точно знал, чем занимается Гитлер, но промолчал.

Гитлер проводил время на военных совещаниях, болтал с фотографом Гофманом и его компанией, читал приключенческие романы, рисовал никому непонятные строительные проекты, воображая себя большим художником, уединялся по вечерам с Шаубом, который показывал ему через проекционный аппарат цветные фотографии голых парижских танцовщиц, и выводил на прогулку свою собачку — шотландского терьера Бэрли, которого достал ему Борман. В ставке этого шотландского терьера ввиду его крошечного роста в шутку называли «великогерманской имперской собакой».

На пути к краху

В связи с катастрофическим развитием событий на Восточном фронте Гитлер и Борман в конце января и начале февраля 1945 года часто совещались о дальнейшей судьбе партии. Гитлер согласился с предложением Бормана отозвать с Восточного фронта молодые кадры национал-социалистской партии — «Гитлер-Югенд», которые находились в рядах «фольксштурма» в качестве командиров, и направить их в Западную Германию. В первую очередь были отправлены на запад воспитанники школ «Орденбург» и школ «Адольф Гитлер», которые находились в Померании и Силезии. Воспитанников этих школ готовили к руководящей партийной работе. Эти кадры должны были быть сохранены для дальнейшего существования партии. Они

получили директиву Бормана уйти в подполье, держаться лояльно по отношению к англо-американцам и стараться попасть на административные посты. Сначала они должны были осесть главным образом в области Альгой и в Баварских Альпах, в районе Бад-Тольц — Ленгрис. В числе лиц, которые должны были руководить подпольными организациями гитлеровской молодежи в Западной Германии, были начальник школ «Адольф Гитлер» обергегбитсфюрер Петтер и начальник военного обучения гитлеровской молодежи Шлюндер.

Одновременно с переброской в Западную Германию молодых кадров национал-социалистской партии Гитлер приказал переехать туда со своими штабами гаулейтеру Восточной Пруссии Коху, гаулейтеру Данцига Фёрстеру и гаулейтеру Познани Грейзеру.

На секретном совещании в партийной канцелярии на Вильгельмштрассе, на котором присутствовали Петтер, Шлюндер и ближайшие сотрудники Бормана — статс-секретарь д-р Клоппфер, обербефельслейтер национал-социалистской партии Фридерикс и личный референт Бормана Мюллер, Борман в связи с переброской партийных кадров в Западную Германию сказал :

— Наше спасение — на западе. Только там можно будет сохранить нашу партию. Гарантией этому будет служить лозунг борьбы против большевизма.

В марте 1945 года, перед отъездом в Западную Германию, обергегбитсфюрер Петтер Курт пришел к Гюнше в рейхсканцелярию проститься. Гюнше знал Петтера уже много лет, еще со времени своего пребывания в рядах «Гитлер-Югенд» в 1932–1934 годах и был дружен с ним. При прощании Петтер подчеркнул, что будущее партии обеспечит только «Гитлер-Югенд», так как старое поколение партии обюрократилось и стало ненавистно народу. Петтер уехал через Зонтофе в Бад-Тольц, чтобы взять на себя руководство распределенными там отдельными группами переброшенных из Восточной Германии членов «Гитлер-Югенд».

Бои в Восточной Пруссии

Когда немецкие войска были оттеснены на песчаную косу и на полуостров Земланд, Гитлер приказал своему адъютанту по вопросам сухопутных войск Иоганнмейеру вылететь на фронт, в Восточную Пруссию, ознакомиться там с обстановкой и доложить ему. Гитлер хотел перепроверить те данные, которые пос-

тупали от немецких командующих армиями в Восточной Пруссии, так как, во-первых, он, как обычно, не хотел верить плохим сведениям, а, во-вторых, предполагал, что ему умышленно докладывают все в неблагоприятном свете, чтобы избежать тяжелых боев с русскими.

Иоганнмейер после своего возвращения подтвердил тяжелое положение войск в Восточной Пруссии. Он доложил, что немецкие войска сгруппировались на узкой прибрежной полосе, перемешались с тысячами беженцев и согнанным скотом и что каждый выстрел русской артиллерии наносит им огромные потери.

На это Гитлер сказал:

— С этих позиций я не возьму ни одного солдата. Я должен удержать крепость Кёнигсберг любой ценой. Пока Кёнигсберг в наших руках, я могу сказать немецкому народу: «В Восточной Пруссии находимся мы, а не русские».

На сообщение Иоганнмейера о неорганизованном массовом бегстве населения из Восточной Пруссии и о том, что это влечет за собой гибель многих людей, Гитлер закричал:

— Я не могу считаться с этим!

Когда в начале апреля 1945 года Кёнигсберг был окружен плотным кольцом русских войск и Гитлеру было доложено о том, что город от огня русской артиллерии горит, Гитлер все же приказал коменданту крепости Кёнигсберг генералу Лашу держаться. После того как 9 апреля Кёнигсберг был взят русскими войсками и генерал Лаш попал в плен, Гитлер заочно приговорил его к смертной казни.

Катастрофа на Одере

Гитлер, как обычно, после ночного совещания уселся в своем кабинете за «вечерний чай» с Евой Браун и своими секретарями фрау Кристиан и фрау Юнге. В курительной комнате старой рейхсканцелярии Бургдорф*, Фегелейн** и Гюнше пили водку и коньяк.

Около 5 часов утра в комнате раздался телефонный звонок. Из коммутатора рейхсканцелярии сообщили, что Бургдорфа срочно вызывает «Майбах». «Майбах» было условным названием штаб-квартиры ОКХ в Цоссене. Звонил генерал Кребс. Звонок начальника генерального штаба в этот предутренний час был не-

* Начальник управления кадров ОКВ.

** Представитель Гимmlера при ставке.

обычен. Бургдорф, лицо которого приняло напряженное выражение, сделал знак Фегелейну и Гюнше, чтобы они замолчали. Он стал что-то записывать и отрывисто крикнул в трубку:

— Где? Кюстрин?*, Где еще? По всему фронту? Сейчас доложу фюреру. Когда узнаешь подробнее, пожалуйста, сразу позвони. Спасибо! (Бургдорф и Кребс были на «ты».)

Бургдорф положил трубку и, обращаясь к Фегелейну и Гюнше, быстро произнес:

— В четыре утра началось на Одере. Мощный огонь русской артиллерии по всему фронту. Русская пехота и танки наступают уже в течение полчаса.

Бургдорф снова взялся за телефонную трубку. Из бомбоубежища отвстили, что Гитлер все еще сидит за чаем. Бургдорф, в сопровождении Фегелейна и Гюнше, сразу направился туда, чтобы доложить Гитлеру о сообщении Кребса. Часовые из личной охраны Гитлера и службы безопасности, стоявшие на постах у бомбоубежища, с удивлением посмотрели на появившихся в столь поздний час Бургдорфа, Фегелейна и Гюнше. Бургдорф попросил доложить Гитлеру, что у него есть важное донесение. Гитлер сразу же вышел в приемную, где ждали Бургдорф, Фегелейн и Гюнше. Как всегда, когда к Гитлеру приходили с неожиданным докладом, выражение его лица было настороженным. Бургдорф доложил:

— Мой фюрер! Только что звонил Кребс. В четыре утра началось наступление русских на Одере.

Гитлера передернуло.

— Где? — выдавил он.

Бургдорф ответил, что после ураганного огня русской артиллерии мощные русские танки и пехота стали наступать по всему фронту. В некоторых местах под покровом темноты русские пытались форсировать Одер. Они ведут упорные атаки из предместных укреплений на западном берегу Одера в районе Кюстрина. Гитлер спросил о дальнейших подробностях, в частности о том, выведены ли своевременно войска из-под огня русской артиллерии. Бургдорф ответил, что подробностей Кребс еще не сообщил. Гитлер вцепился руками в спинку кресла. Он старался скрыть свое волнение. Мускулы его лица судорожно задергались. Он кусал губы, что являлось у него признаком большого волнения. Затем он спросил:

* Речь шла о начале советского наступления на Берлин 16 апреля 1945 года.

— Который час?

— Двадцать минут шестого, — ответил Гюнше.

Гитлер снова обратился к Бургдорфу:

— Доложите мне немедленно, когда поступят новые донесения. Даже если скажут, что я лег. Я все равно не буду спать. Скажите, чтобы меня сейчас же соединили с Кребсом. Я хочу поговорить с ним сам.

Затем Гитлер вернулся в своей кабинет, где находились Ева Браун и секретарши.

В донесениях, поступавших в течение утра, сообщалось, что русские ведут атаки почти на всех участках фронта и что некоторые прорывы местного значения удалось ликвидировать.

Гитлер лег, но не спал. Он несколько раз вызывал Линге и просил его узнать у Бургдорфа или Иоганнмейера, нет ли новых донесений с Одера. Бургдорф и Иоганнмейер, поддерживавшие все время телефонную связь с Кребсом, сообщали, что ясной картины все еще нет, так как связь, поврежденная огнем русской артиллерии на некоторых участках фронта, еще не восстановлена. В этот день, 16 апреля, Гитлер назначил дневное совещание в половине третьего. Перед началом совещания в приемной бомбоубежища Гитлера собрались Геринг, Дениц, Кейтель, который, подражая некоторым фронтовым генералам, снял со своих брюк красные генеральские лампасы ввиду близости фронта, Йодль, Кребс, Коллер*, Бургдорф, Буле, Винтер, Кристиан, Вагнер, Фосс, Фегелейн, Хевель, Лоренц, адъютанты Гитлера и несколько офицеров генштаба. Они стояли группами, громко и оживленно разговаривая о начавшемся на рассвете наступлении русских на Одере. Все выражали надежду на то, что фронт на Одере устоит. В приемную в сопровождении Бормана из своего кабинета вышел Гитлер. Все сразу умолкли, застыли на своих местах и подняли для приветствия руки. Гитлер наскоро поздоровался за руку с Герингом, Деницем, Кейтелем, Йодлем и Кребсом. Он спросил Кребса:

— Есть у вас точная картина событий на Одере?

Кребс ответил:

— Да, мой фюрер.

С остальными Гитлер поздоровался кивком головы и прошел вместе с Кребсом в комнату совещаний. Все последовали за ним. Так как в связи с начавшимся наступлением русских на Одере участники совещаний явились в полном составе, в ком-

*Начальник штаба ВВС.

нате было очень тесно и некоторым офицерам генштаба и адъютантам пришлось остаться в приемной. Комната для совещаний вмещала не больше 20 человек.

Кребс начал свой доклад с обзора положения на Одере. Он доложил, что наступление русских удалось приостановить. Ведутся ожесточенные бои, причем немецкие войска, как и русские, бросают в бой тысячи танков и орудий. Кребс подчеркнул, что наступление русских с самого рассвета непрерывно поддерживается действиями авиации. Кребс далее доложил, что в некоторых местах фронта русские вклинились в немецкую оборону. Там против них ведутся контратаки. Главный удар русских направлен из предместного укрепления на западном берегу Одера на район западнее Кюстрина. Переправа русских войск и наводка мостов подавляются артиллерией. Гитлер посмотрел на Геринга, который разлегся на столе и делал вид, будто что-то ищет на карте. Это была обычная манера Геринга в тех случаях, когда Гитлер интересовался действиями авиации. Кристиан, заметив взгляд Гитлера, стал докладывать, что немецкие штурмовики бомбят главным образом переправу русских через Одер. Он хотел еще что-то добавить, но Гитлер уже снова обратился к Кребсу:

— Продолжайте, Кребс.

Кребс, показывая на карте, доложил, что русские с полудня, после артиллерийской подготовки, с новой силой продолжают наступление и что положение немецких войск, особенно в районе западнее Кюстрина, весьма напряженное. Гитлер поднялся с кресла и сдавленным голосом произнес:

— Мы должны во что бы то ни стало выдержать первые атаки русских. Если фронт будет сдвинут, тогда все потеряно.

Он приказал Кребсу сейчас же узнать, как развиваются боевые действия под Кюстрином. Кребс со своим адъютантом Фрейтагом фон Лорингovenом вышел из комнаты для совещаний к телефону. Лорингoven тут же вернулся и просил разрешения взять со стола оперативную карту фронта на Одере, чтобы нанести на ней новое положение. Пока Кребс звонил в штаб-квартиру ОКХ в Цоссен, Геринг, Дениц, Кейтель и Йодль уверяли Гитлера, что атаки русских войск на Одере будут отбиты. Гитлер снова указал на то, что особенно важно выдержать первые дни наступления и причинить русским крупные потери. Кейтель и Йодль говорили в тон Гитлеру. Они стали приводить примеры из первой мировой войны, когда в операциях с огромным насыщением сражающихся войск техническими средствами борьбы противник, благодаря

стойкости немецких солдат, мог продвнуться только на несколько метров и в конце концов истекал кровью.

Кребс и Лоринговен возвратились в комнату для совещаний через несколько минут. Гитлер посмотрел на них с надеждой, и как только на столе снова разложили карты, он склонился над ними. Почти по всей линии фронта были начерчены красные стрелы, означавшие атаки противника. Под Кюстрином русские войска уже глубоко вклинились в оборону немцев. Кребс доложил, что западнее Кюстрина русским удалось на узком участке пробиться через всю глубину обороны. В связи с этим положение на этом участке еще более обострилось. На всех остальных участках фронт продолжает держаться. Командующий армейской группировкой на Одере генерал-полковник Хейнрици считает необходимым в районе западнее Кюстрина отойти, чтобы предотвратить расширение прорыва. У Гитлера глаза полезли на лоб. От гнева на лбу у него надулись жилы. Он закричал:

— Нет, мы не отойдем ни на один метр! Если мы и на Одере не удержимся, то где же еще? Прорыв у Кюстрина ликвидировать сегодня же! Передайте этот приказ немедленно!

Кребс снова вышел из комнаты совещаний, чтобы передать приказ Гитлера на фронт. Гитлер был возмущен. Он ругал Хейнрици, который лишь позавчера, перед самым наступлением русских, просил разрешения перевести свой командный пункт дальше на запад, на Пренцлаву — в Нейстрелиц в Мекленбурге. Гитлер кричал:

— Если только еще кто-нибудь, кто бы это ни был, осмелится просить разрешения перенести назад свой командный пункт или отступить, я прикажу расстрелять его немедленно!

После совещания Гитлер попросил прислать к нему в кабинет секретаршу фрау Кристиан. Он продиктовал ей приказ солдатам Восточного фронта. Этот приказ был отправлен на так называемом «бланке фюрера». В правом углу бланка был изображен черный орел со свастикой. Под ним большими буквами — «Дер фюрер». Приказ был озаглавлен:

«Приказ фюрера!

К солдатам восточного фронта!

Последнее наступление Азии потерпит крах!»

В этом приказе Гитлер писал:

«Этот удар мы предвидели, и с января этого года было сделано все, чтобы создать крепкий фронт. Противника встречает мощный огонь артиллерии. Потери нашей пехоты восполнены бесчисленным множеством новых соединений, сводными под-

разделениями нашего фронта. Большевики на этот раз испытывают на себе старую судьбу Азии, т.е. они истекнут и должны истечь кровью у столицы германской империи».

Далее: «Берлин останется немецким, Вена снова станет немецкой, а Европа никогда не будет русской».

Словами «Европа никогда не будет русской» Гитлер подчеркивал свое убеждение в том, что будет создан общий фронт гитлеровской Германии с Англией и Америкой против Советской России. Гитлер строил свои надежды на антисоветских течениях в руководящих кругах Англии и Америки, которые все более усиливались в связи с продвижением русских войск в Германии, на Балканах, в Чехословакии и Австрии. В конце своего приказа Гитлер писал: «Теперь, когда судьба унесла из этого мира величайшего военного преступника всех времен, в войне наступит перелом». Гитлер имел в виду смерть президента Рузвельта в апреле 1945 года. В лице Рузвельта Гитлер видел главное препятствие к созданию общего фронта против русских и считал, что теперь, со смертью Рузвельта, «в войне наступит перелом».

На совещании в ночь с 16 на 17 апреля было доложено, что в районе западнее Кюстрина русские еще дальше отбросили немецкие дивизии. Контрнаступление, предпринятое по приказу Гитлера для ликвидации прорыва фронта, не имело успеха и должно было повториться 17 апреля утром. В эту ночь Гитлер снова сидел за чаем до 6 часов утра с Евой Браун и своими секретарями. Он говорил, что русским удалось немного вклиниться в оборону немцев, но что этот преходящий успех русских является лишь временным преимуществом атакующего.

В последующие дни — 17, 18 и 19 апреля — положение немецких войск на Одере становилось все более критическим. Ведя ожесточенные оборонительные бои, немецкие войска отступали под усиливающимися ударами русских войск. Русские начали наступление также на юге, в Силезии. Прорыв фронта в районе западнее Кюстрина русские значительно расширили и, прорвав все заградительные пояса, оказались в угрожающей близости от восточных предместий Берлина.

Немецкий фронт на Одере еще держался в районе Штеттина и Франкфурта. Ночью на улицах Берлина ясно был слышен грохот артиллерии. Русские разведывательные самолеты кружили над Берлином.

Всю вину за критическое положение на Одере Гитлер взвалил на командующего армейской группировкой Хейнрици. Он назы-

вал его медлительным, нерешительным педантом, которому не хватает необходимого энтузиазма. Когда бои приблизились к Берлину, Гитлер снял его с поста командующего армейской группировкой, которая все еще носила название «Висла», хотя река Висла, на которой она сражалась, давно уже находилась в тылу русских войск. На место Хейнрици Гитлер никого не назначил. Руководство оборонительными боями за Берлин Гитлер взял на себя лично. Несмотря на то что уже в эти дни стало совершенно ясно, что немецкий фронт на Одере опрокинут и восстановить его нет возможности, Гитлер цеплялся за участки, которые еще держались, и приказывал ликвидировать прорыв на Одере сильно концентрированными атаками с флангов.

На военном совещании во второй половине дня 19 апреля Кребс доложил, что русские танковые части прорвались еще дальше и находятся под самым Ораниенбургом, приблизительно в 30 километрах севернее Берлина. Это сообщение подействовало как разрыв бомбы и совершенно вывело Гитлера из равновесия.

Сразу после совещания Гитлер позвал Линге. Он жаловался на сильную головную боль и прилив крови к голове и просил вызвать Мореля, чтобы сделать кровопускание. На этот раз Гитлеру пиявок не ставили, так как требовалось немедленное кровопускание. Морель с помощью Линге приготовил инструменты в спальне Гитлера на чайном столике, поставленном перед кроватью. Гитлер снял китель, засучил правый рукав рубашки и сел на край своей постели. Слабым голосом он сказал Морелю, что в последние дни он мало спал и чувствует себя совершенно разбитым. Морель стянул правую руку Гитлера жгутом и ввел в вену шприц. Но кровь не шла, так как кровь Гитлера была очень густа, сразу свертывалась и забивала иглу. Тогда Морель взял иглу потолще и с большим трудом ввел ее в вену Гитлера. Линге держал под иглой стакан, в который густыми каплями стекала кровь. При этом Гитлер спросил Линге, выносит ли он вид крови. Линге ответил:

— Разумеется, мой фюрер. Ведь эсэсовцы к этому приучены.

Крови набралось около стакана, и она сразу свернулась. Линге, желая показать Гитлеру, что вид крови его не трогает, сказал ему шутливо:

— Мой фюрер, теперь в вашу кровь достаточно прибавить немного сала, и мы сможем предлагать ее в качестве «кровяной колбасы из крови фюрера».

Гитлер улыбнулся, а вечером за чаем рассказал это Еве Бран и своим секретаршам.

Вскоре оптимистическое настроение, царившее на совещаниях в начале наступления русских войск на Одере, сменилось большой нервозностью.

Последний день рождения Гитлера

20 апреля Гитлеру исполнилось 56 лет. Мысли Линге невольно возвращаются к тому, что было 10 лет назад, когда он впервые был в ближайшем окружении Гитлера в день его рождения. Какая громадная разница!

В 1935 году — сплошной блеск и великолепие. Уже рано утром военные оркестры приветствовали своего «высшего военачальника». Промышленники, партийные, государственные и военные верхи толпились вокруг своего фюрера и добивались его милости, даря ему драгоценные подарки. Затем — внушительное зрелище большого военного парада на широкой площади перед Высшей технической школой в Берлине. На этой же площади должен был состояться большой «парад победы» после окончания войны с Советской Россией. Гитлер нарисовал даже эскиз гигантской триумфальной арки, через которую победоносные немецкие войска должны были вступить в столицу империи.

А сегодня... У самых ворот Берлина стоят русские войска, а Адольф Гитлер, сломленный морально и физически, залез глубоко под землю в свое бомбоубежище.

За день до 56-летия Гитлера начальник службы безопасности при Гитлере Раттенхубер показал Линге донесение СД о том, что в день рождения Гитлера один из его ординарцев собирается его убить. По данным СД, этот ординарец одет как будто в штатское и был на фронте ранен в руку. Линге возразил, что никто из ординарцев Гитлера не ходит в штатском и не ранен в руку. Раттенхубер все же предложил быть начеку.

В прошлые годы было принято, что около полуночи с 19 на 20 апреля личный штаб Гитлера приходил к нему с поздравлениями. На этот раз Гитлер уже заранее предупредил, что он не будет принимать поздравлений. Несмотря на это, в приемной около 12 часов ночи собрались Бургдорф, Фегелейн, Шауб, Альбрехт, Гюнше, Хевель и Лоренц, чтобы поздравить Гитлера. Гитлер передал собравшимся, что у него нет времени. Тогда

Фегелейн пошел к Еве Браун и попросил ее уговорить Гитлера принять от них поздравления. Гитлер под ее влиянием нехотя вышел в приемную. Он небрежно пожал присутствующим руки, так что каждый из них едва успел сказать «поздравляю», и тут же ушел к себе. Пилот Гитлера Ганс Баур и его второй пилот Беетц, Раттенхубер, Хегль и Шедле пришли незадолго до начала ночного совещания в приемную бомбоубежища, чтобы поздравить Гитлера, когда он будет проходить из кабинета в комнату для совещаний. Гитлер мимоходом пожал им руки.

После совещания, продолжавшегося очень недолго, Гитлер наедине с Евой Браун пил чай в своем кабинете.

Утром 20 апреля Линге разбудил Гитлера уже в 9 часов утра по настоятельной просьбе Бургдорфа, у которого было важное донесение с фронта. Гитлер встал с постели, прошел из спальни в кабинет и, не открывая двери, спросил Бургдорфа, что случилось. Бургдорф, стоявший по другую сторону закрытой двери, доложил, что на рассвете русские прорвали фронт между Губеном и Форстом, что этот прорыв невелик и что там ведутся контратаки. Бургдорф доложил также, что командир воинской части, на участке которого произошел прорыв русских, был расстрелян на месте за то, что не устоял. В ответ Гитлер сказал:

— Пришлите мне Линге.

Линге, стоявший у двери рядом с Бургдорфом, отозвался:

— Мой фюрер?

— Линге, я еще не спал. Разбудите меня на час позже, в два часа дня.

Когда Гитлер встал и позавтракал у себя в кабинете, Линге влил ему кокаиновые капли в правый глаз. После того как боль в глазу под действием капель утихла, Гитлер до обеда играл со своим любимым щенком Вольфом. Обедал Гитлер вместе с Евой Браун и секретаршами.

Около трех часов дня в парке рейхсканцелярии собрались, чтобы поздравить Гитлера, делегации от «Гитлер-Югенд» во главе с Аксманом и от армейской группировки «Центр», комендант ставки Штреве с несколькими офицерами, командир «охранной роты фюрера» оберштурмфюрер СС Дробе с несколькими эс-совцами своей роты. Ввиду того что Гитлер очень неохотно выходил из своего бомбоубежища, делегации выстроились в одну шеренгу у самого входа в бомбоубежище. Гитлер, одетый в серую шинель с поднятым воротником, в сопровождении Путкаммера и Линге прошел в парк. При появлении Гитлера все встали смирно и подняли руки в фашистском приветствии.

В парке у двери музыкального салона стояли Гиммлер, Борман, Бургдорф, Фегелейн, Хевель, Лоренц, врачи Гитлера Морель и Штумпфеггер, адъютанты Гитлера Шауб, Альберт Борман, Альбрехт, Иоганнмейер, Белов и Гюнше. Гиммлер подошел к Гитлеру и поздравил его с днем рождения. Гитлер небрежно пожал ему руку и стал здороваться с другими. Затем он подошел к депутациям. Сгорбившись, как старик, и волоча ноги, Гитлер медленными шагами прошел по фронту. Руководитель каждой депутации выступал из рядов на шаг вперед и поздравлял Гитлера. Офицер от армейской группировки «Центр» передал Гитлеру поздравительный адрес в кожаном переплете, подписанный Шернером. Аксман поздравил Гитлера от имени «Гитлер-Югенд». Когда Гитлер обошел фронт, собравшиеся встали перед ним полукругом. Гитлер предупредил, что не может громко говорить, и ограничился всего несколькими словами. Он произнес свою стереотипную фразу о том, что победа обязательно придет и что тогда они смогут сказать, что и они участвовали в ее завоевании. После этого Гитлер вяло поднял правую руку и снова вернулся к себе в бомбоубежище. В этот день Гитлер в последний раз в своей жизни видел небо. Из бомбоубежища он больше уже не выходил.

Гиммлер, Борман, Бургдорф, Фегелейн и адъютанты последовали за Гитлером, так как на 4 часа дня было назначено дневное совещание. Минут за двадцать до начала совещания в бомбоубежище Гитлера прибыли с поздравлениями Геринг, Риббентроп, Дениц, Кейтель и Йодль. Гитлер принял каждого из них отдельно в своем кабинете. Линге, который докладывал и пропускал каждого в кабинет, слышал, как Геринг и Кейтель клялись Гитлеру в нерушимой верности и в том, что они останутся с ним до конца. Каждый из них оставался у Гитлера недолго, за исключением Риббентропа, который пробыл у него около 10 минут. Поздравив Гитлера, Геринг, Дениц, Кейтель и Йодль присоединились к участникам совещания, собравшимся в приемной. Риббентроп, поговорив с Гитлером, уехал из рейхсканцелярии. Через несколько минут из кабинета в приемную вышел Гитлер и поздоровался с остальными собравшимися, поблагодарив каждого за поздравления. Затем Гитлер обратился к Кребсу, спросил о новых сводках с Одера и прошел вместе с ним в комнату для совещаний. За ними последовали остальные.

Основным вопросом на этом совещании был прорыв фронта русскими войсками между Губеном и Форстом. Крупные танковые соединения русских еще ближе подошли к Берлину и в

течение дня достигли Шпреевальда южнее автострады Берлин—Франкфурт. Это создавало серьезную угрозу столице также и с юга. Поскольку накануне русские войска пробились в район севернее Берлина до самого Ораниенбурга, а с восточной стороны — почти до самого Берлина, прорыв русских войск между Губеном и Форстом был особенно опасен, тем более что русские могли отрезать Берлин от Южной Германии. Ввиду такого угрожающего развития событий на фронте Борман принял меры для скорейшего перенесения ставки из Берлина на Оберзальцберг. Еще во время совещания он поспешно вышел из комнаты и приказал, чтобы к нему в бомбоубежище явился оберштурмбаннфюрер СС Эрих Кемпка. Кемпка был личным шофером Гитлера и начальником гаража рейхсканцелярии. Борман вместе с Кемпкой подобрал колонну автомобилей, которые должны были перевезти Гитлера и его личный штаб на Оберзальцберг. Для этой цели было выделено около 15—20 больших вездеходов, несколько автобусов и около 10 грузовиков. Для Гитлера предназначался бронированный автомобиль. Кемпка затребовал из арсенала в Шпандау два бронетранспортера. Линге велел упаковать все личные вещи Гитлера, кроме одежды, которую он носил каждый день. К отправке на Оберзальцберг было упаковано около 40—50 больших ящиков с военными документами, поступавшими во время войны к Гитлеру из ОКВ, ОКХ, от военно-морского флота, от авиации и от Шпрее. Эти документы были перевезены в рейхсканцелярию из ставки «Вольфшанце». По приказу Бормана, диетическая кухарка Гитлера Констанца Манциарли упаковала все диетические продукты Гитлера, оставив запас всего на несколько дней.

Камеристка Евы Браун Лизль то и дело справлялась у Линге, не нужно ли и ей упаковать вещи, поскольку Гитлер все еще находился на военном совещании и Ева Браун ничего не знала. Линге посоветовал на всякий случай уложиться, так как отъезд может произойти совершенно неожиданно.

Весь этот день прошел в приготовлениях к отъезду. Только Геринг поспешил в этот же день уехать из Берлина. Еще до окончания совещания он попрощался с Гитлером, сказав, что уезжает в Южную Германию якобы для того, чтобы сколотить там оставшиеся резервы и бросить их против русских. Под вечер Геринг со своим личным штабом выехал в автомобиле на Оберзальцберг. Его жена и дочь, а также вся челядь из его замка «Каринхалл» выехали на Оберзальцберг еще несколько недель тому назад в двух специально составленных для них поездах.

Последние дни в бункере

21 апреля Линге разбудил Гитлера уже в половине десятого утра и сообщил ему, что русская артиллерия обстреливает Берлин и что Бургдорф и другие адъютанты ждут его в приемной. Через 10 минут Гитлер, небритый, поспешно вышел в приемную. Он обычно брился сам. Даже своему парикмахеру Августу Волленгаупту он не позволял брить себя, говоря, что не выносит, когда кто-нибудь возится с бритвой около его горла.

В приемной Гитлера ждали Бургдорф, Шауб, Белов и Гюнше.

— Что случилось? Что за стрельба и откуда? — взволнованно спросил он. Бургдорф доложил, что центр Берлина обстреливается тяжелой батареей русских, по-видимому, из района северо-восточнее Цоссена. Гитлер побледнел. Он беззвучно произнес:

— Русские уже так близко?

Утром 22 апреля огонь русской артиллерии снова усилился. Поступило донесение, что центр Берлина обстреливается несколькими тяжелыми батареями.

Снаряды русской артиллерии стали часто попадать в Тиргартен, а иногда и в парки министерств на Вильгельмсштрассе. Гитлер был разбужен гулом артиллерийского обстрела в десятом часу утра.

Одевшись, он позвал Линге и взволнованно спросил: «Какой это калибр стреляет?». Для успокоения Гитлера Линге ответил, что это стреляют немецкая зенитная артиллерия в Тиргартене и одиночные дальнобойные орудия русских. Гитлер, позавтракав в своем кабинете, ушел в спальню, где Морель сделал ему обычный возбуждающий укол.

Военное совещание было назначено на 12 часов. Около полудня в бомбоубежище Гитлера собрались Дениц, Кейтель, Йодль, Кребс, Бургдорф, Буле, Винтер, Кристиан, Фосс, Фегелейн, Борман, Хевель, Лоренц, Белов, Гюнше, Иоганнмейер, Ион фон Фрайенд и Фрейтег фон Лоринговен. Это было самое короткое совещание за все время войны. У многих лица были искажены. Говорили приглушенными голосами, повторяли один и тот же вопрос: «Почему фюрер все еще не решается покинуть Берлин?».

Гитлер вышел из своих комнат. Он сгорбился еще больше. Лаконично поздоровавшись с участниками совещания, он опу-

тился в свое кресло. Кребс начал докладывать. Он сообщил, что положение немецких войск, обороняющих Берлин, еще больше ухудшилось. На юге русские танки прорвались через Цоссен и продвинулись до окраины Берлина. Тяжелые бои идут в восточных и северных предместьях Берлина. Положение немецких войск, стоящих на Одере к югу от Штеттина, катастрофическое. Русские танковыми атаками прорвали немецкий фронт и глубоко вклинились в немецкие позиции.

Гитлер поднялся и наклонился над столом. Он стал водить по карте дрожащими руками. Внезапно он выпрямился и бросил цветные карандаши на стол. Он тяжело дышал, лицо налилось кровью, глаза были широко раскрыты. Отступив на один шаг от стола, он закричал срывающимся голосом:

— Это ни на что не похоже! В этих условиях я больше не в состоянии командовать! Война проиграна! Но если вы, господа, думаете, что я покину Берлин, то вы глубоко ошибаетесь! Я лучше пушу себе пулю в лоб!

Все в ужасе уставились на него. Едва подняв руку и крикнув: «Благодарю вас, милостивые государи!», Гитлер повернулся и вышел из комнаты.

Участники совещания окаменели. Теперь, значит, все? Это — конец? Гюнше побежал за Гитлером. В комнате для совещаний вслед Гитлеру раздались испуганные возгласы: «Но, мой фюрер... но, мой фюрер...» Гюнше догнал Гитлера у дверей его кабинета. Гитлер остановился и крикнул:

— Соедините меня немедленно с Геббельсом!

Геббельс находился в бомбоубежище своей виллы на Герман-Герингштрассе. Пока Гитлер говорил с ним по телефону, участники совещания, растерянные и взволнованные, вышли в приемную. Борман и Кейтель бросились навстречу Гюнше и спросили: «Где фюрер? Что он еще сказал?». Гюнше ответил, что фюрер говорит по телефону с Геббельсом. Все возбужденно говорили, перебивая друг друга. Кейтель размахивал руками. Борман был совершенно вне себя и повторял: «Не может быть, чтобы фюрер сказал серьезно, что он хочет застрелиться!». Кейтель кричал: «Мы должны удержать фюрера от этого!». Царила неопишуемая сумятица. Почти все говорили одновременно. Кое-кто поспешно пропустил пару рюмок стоящего на столе коньяка.

Через несколько минут, около половины первого, в приемную, быстро ковыляя, вошел Геббельс. Он прибежал со своей виллы на Герман-Герингштрассе и был крайне взволнован. «Где

фюрер?» — спросил он. Его немедленно провели в кабинет Гитлера. Беседа Гитлера с Геббельсом длилась около десяти минут. Когда Геббельс вышел из кабинета, Борман, Кейтель, Дениц и Йодль бросились ему навстречу: «Что сказал фюрер?». Его обступили со всех сторон. Геббельс сообщил, что Гитлер считает положение безвыходным, он не видит больше никаких шансов и полагает, что война проиграна. Гитлер совершенно разбит, в таком состоянии он его еще никогда не видел. Далее Геббельс рассказал, как он был напуган, когда Гитлер прерывающимся голосом сказал ему по телефону, чтобы он немедленно с женой и детьми перебрался к нему в бомбоубежище, так как все кончено.

Борман от волнения не мог стоять на одном месте. Он обращался то к Геббельсу, то к Деницу, то к Кейтелю и опять к Деницу, все время повторяя, что Гитлера необходимо во что бы то ни стало убедить уехать из Берлина. Геббельс тихим голосом спросил Кейтеля:

— Господин фельдмаршал, неужели вы не видите никакой возможности задержать наступление русских?

... Гитлер говорил только о том, как лучше всего покончить с собой. При этом он расписывал им в самых страшных красках, что будет с ними, если они попадут в руки русских. Со всеми подробностями Гитлер рассуждал о том, что лучше: застрелиться, отравиться или вскрыть вены. Эти ночные чаепития продолжались до 6—7 часов утра. Секретарши от этих разговоров становились все более истеричными.

После чая у Гитлера фрау Кристиан стала приходить к эсэсовским офицерам из личной охраны, которые находились в помещении коммутатора, и без конца пила с ними шампанское. Однажды утром, когда Линге тоже присоединился к ним, фрау Кристиан ни с того ни с сего швырнула в Линге свой бокал с шампанским. Позже она извинилась перед ним, объяснив, что ее нервы просто не выдерживают больше разговоров за чаем у Гитлера о способах самоубийства. Настроение эсэсовцев личной охраны Гитлера также становилось все более подавленным; они заглушали его безмерным количеством водки и шампанского. Единственной надеждой была армия Венка.

Финал

В ночь с 25 на 26 апреля русские перерезали последний подземный телефонный кабель, связывавший Берлин с внешним миром. Осталась только радиосвязь, осуществлявшаяся дву-

мя рациями по 100 ватт. Это была весьма ненадежная связь, так как огонь русской артиллерии то и дело повреждал антенны.

26 апреля, около 7 часов утра, русская артиллерия открыла ураганный огонь по правительственному кварталу. Тяжелые снаряды целыми пачками попадали в рейхсканцелярию и в бомбоубежище Гитлера. Перекрытие подземного коридора, ведущего из новой рейхсканцелярии в бомбоубежище Гитлера, было пробито в нескольких местах. На полу коридора стояли большие лужи; через них были положены доски. Через пробоины в потолке виднелись густые клубы дыма и горящая крыша рейхсканцелярии. Мутный свет, проникавший через пробоины, придавал коридору мрачный вид.

К 9 часам артиллерийский огонь несколько утих. Гюнше присел в телефонной комнате. Вскоре туда вошел Геббельс. Его лицо было бледно, с оттенком желтизны, глаза горели, в них было выражение затравленной собаки. Он казался еще меньше, худее и тщедушнее, чем раньше. Геббельс сразу стал говорить о положении в Берлине и спросил Гюнше, как он оценивает обстановку, сколько времени еще может продержаться Берлин, удастся ли Венку пробиться в столицу и не придет ли он слишком поздно. Это были вопросы, которые Геббельс без конца повторял в течение последних двух дней. В них звучал страх перед близким концом. Он ругал при этом руководителей национал-социалистской партии, которые бросили Гитлера на произвол судьбы:

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я постараюсь прочистить партию как следует. Многие из высших функционеров вели себя как негодяи и трусы.

Геббельс продолжал, обращаясь к Гюнше, что уже давно, и особенно во время войны, нацистское руководство стало разлагаться и бюрократичиваться. Высокие партийные функционеры укрылись от войны в своих поместьях, занимаются там охотой и ведут образ жизни паразитов.

30 апреля, около 8 часов утра, Гитлер у себя в кабинете диктовал Борману приказ боевой группе Монке о прорыве из правительственного квартала. Согласно этому приказу, боевая группа Монке должна была после самоубийства Гитлера пробраться небольшими группами из Берлина к сражавшимся еще немецким войскам. Приказ был перепечатан секретаршей Бормана фрейлейн Крюгер на «бланке фюрера» и подписан Гитлером.

Около 10 часов утра Монке был вызван к Гитлеру. Выйдя из кабинета Гитлера, Монке с радостным лицом показал Линге подписанный приказ.

На рассвете снова начался адский огонь русской артиллерии и минометов по рейхсканцелярии. Он продолжался весь день и походил на непрерывные раскаты грома.

Около двух часов дня из кабинета Гитлера в приемную вышел Борман, бледный и растерянный. Он быстро подошел к Гюнше и взволнованно шепнул ему:

— Хорошо, что вы здесь. Я как раз хотел послать за вами.

Тихим, прерывающимся голосом он сообщил Гюнше, что Гитлер и Ева Браун покончат сегодня с собой; их трупы должны быть облиты бензином и сожжены в парке рейхсканцелярии. Таков категорический приказ Гитлера; его труп ни в коем случае не должен попасть в руки русских.

«Так вот каков конец — облить фюрера бензином и сжечь», — подумал Гюнше и содрогнулся. Правда, сообщение Бормана не могло произвести теперь на него особенного впечатления. Такой конец, так или иначе, должен был наступить. У Гитлера не было ни сил, ни мужества погибнуть смертью солдата, чего он до последних дней требовал от немецких офицеров и солдат, женщин и детей.

Укрывшись за толстыми стенами бомбоубежища, он мало-душно старался еще немного отдалить приговор судьбы, чтобы в момент, когда русские стояли у самого порога рейхсканцелярии, жалким и недостойным образом покончить с собой, предварительно распорядившись сжечь свой труп.

Борман попросил Гюнше позаботиться о том, чтобы на верхней площадке лестницы, у запасного выхода, приготовили бензин для сожжения трупов.

— Мы, преданные фюреру люди, оставшиеся с ним до конца, окажем ему эту последнюю услугу, — лицемерно сказал Борман. Медленным шагом он вышел из приемной. Гюнше остался один. Он сразу же позвонил Монке и попросил его прийти в бомбоубежище Гитлера. Через несколько минут в приемную прибежали взволнованные и растерянные Раттенхубер, Баур и Беетц. Они только что, встретив Бормана, узнали о намерении Гитлера покончить жизнь самоубийством и забросали Гюнше вопросами. Не успел Гюнше ответить им, как отворилась дверь кабинета Гитлера и он вышел в приемную. Раттенхубер, Баур, Гюнше и Беетц подняли руки. Гитлер, не ответив на приветствие, усталым голосом попросил их подойти к нему поближе. Беетц остался несколько в стороне от других.

Гитлер повернулся к нему и сказал:

— Подойдите и вы. Вам тоже можно слушать.

Глаза Гитлера, когда-то сверкавшие огнем, потухли. Лицо его было землистого цвета. Под глазами — темные круги. Его левая рука дрожала так сильно, что казалось, будто дрожат голова и все его тело.

Беззвучным голосом он сказал:

— Я распорядился, чтобы меня после смерти сожгли. Проследите и вы за тем, чтобы мой приказ был точно выполнен. Я не хочу, чтобы мой труп отвезли в Москву и выставили в паноптикуме.

Гитлер с трудом поднял правую руку на прощание и отвернулся. Баур и Раттенхубер вскрикнули. Раттенхубер старался поймать руку Гитлера, но тот отступил назад и скрылся за дверью своего кабинета.

Совершенно механически, в большой спешке, Гюнше занялся исполнением приказа, данного Гитлером и Борманом относительно предстоящего сожжения трупов Гитлера и Евы Браун. Гюнше позвонил шоферу Гитлера Кемпке, который находился в бомбоубежище рядом с гаражом рейхсканцелярии на Герман-Герингштрассе, и передал ему приказ немедленно доставить в «фюрербункер» 10 бидонов бензина и поставить их у запасного выхода в парк.

После того как бензин поставили у запасного выхода, Гюнше сообщил Кемпке о намерении Гитлера покончить с собой. Затем Гюнше приказал эсэсовцам личной охраны и службы безопасности, размещавшимся в небольшой комнате у запасного выхода, немедленно освободить помещение и переселиться в другое место. Часовым, стоявшим на лестничной площадке у бронированной двери запасного выхода, Гюнше приказал уйти с поста в бомбоубежище. У запасного выхода Гюнше оставил лишь одного часового унтерштурмфюрера СС Хофбека, приказав ему никого не пропускать. После этого Гюнше пошел в коридор бомбоубежища и остановился у самой двери приемной в ожидании, когда раздастся роковой выстрел. Часы показывали уже десять минут четвертого.

Через несколько минут из кабинета Гитлера в буфетную вышла Ева Браун. Она печально протянула Линге руку и сказала ему:

— Прощайте, Линге. Желая вам выбраться из Берлина. Если вам случится когда-нибудь увидеть мою сестру Гретель, то, пожалуйста, не рассказывайте ей, какой смертью погиб ее муж.

Затем она пошла к фрау Геббельс, которая находилась в комнате своего мужа. Через несколько минут Ева Браун прошла

из комнаты Геббельса в телефонную, где в это время находился Гюнше. Она сказала ему:

— Скажите, пожалуйста, фюреру, что фрау Геббельс просит его еще раз зайти к ней.

Гюнше направился к кабинету Гитлера. Так как Линге в этот момент там не оказалось, Гюнше сам постучал в дверь и вошел. Гитлер стоял у стола. От неожиданного появления Гюнше он вздрогнул.

— Что еще? — пробурчал он угрюмо.

Гюнше добавил:

— Мой фюрер, ваша супруга поручила мне передать вам, что вас хотела бы увидеть фрау Геббельс. Она вместе с вашей супругой находится у себя в комнате.

Гитлер, подумав, пошел в комнату Геббельса. Было без двадцати минут четыре, когда Линге вошел в телефонную, где слуга Гитлера Крюгер стоял с часовым. Рядом, в общей комнате перед спальней Геббельса, стояли Гитлер и Геббельс, который уговаривал Гитлера все-таки попытаться выбраться из Берлина.

Но Гитлер громко, истерическим голосом возразил ему:

— Нет, доктор! Вы знаете мое решение. Оно неизменно.

Гитлер вошел в комнату Геббельса, где находились жена Геббельса и Ева Браун, и простился с фрау Геббельс. Затем Гитлер вернулся к себе. Линге и Крюгер последовали за ним. У двери кабинета Линге попросил у Гитлера разрешения проститься с ним, Гитлер усталым и безразличным голосом ответил:

— Я отдаю приказ пойти на прорыв. Постарайтесь с небольшой группой прорваться на запад.

Линге спросил:

— Мой фюрер, а для кого нам теперь прорываться?

Гитлер повернулся к Линге, несколько секунд молча смотрел на него и напыщенно произнес:

— Для грядущего человечества!

Он вяло пожал руку Линге и Крюгеру, поднял правую руку в фашистском приветствии. Линге и Крюгер вытянулись по-военному и тоже высоко подняли руки, в последний раз приветствуя Гитлера. Затем они закрыли дверь кабинета Гитлера и вместе побежали в старое бомбоубежище.

— Только бы ничего больше не слышать и не видеть, — крикнул на бегу Линге Крюгеру.

... Ева Браун вышла из комнаты Геббельса две-три минуты спустя после Гитлера. Медленными шагами она пошла в каби-

нет Гитлера. Через несколько минут вышел из своей комнаты Геббельс и направился через приемную в комнату для совещаний, где тем временем собрались Борман, Кребс, Бургдорф, Науман, Раттенхубер и Аксман.

Линге, пробыв несколько минут в старом бомбоубежище, вернулся в бомбоубежище Гитлера. У раскрытой бронированной двери в приемную стоял Гюнше с дежурным оберштурмфюрером СС Фриком. Оставалось несколько минут до четырех. Линге, проходя мимо Гюнше, сказал:

— Я думаю, что все уже кончено, — и быстро прошел в буфетную. Там Линге сразу почувствовал запах пороха, как это бывает после выстрела, и тут же снова вышел в приемную. Там неожиданно оказался Борман. Он стоял, опустив голову и опершись рукой о стол, около самой двери в комнату для совещаний. Линге доложил Борману, что в буфетной чувствуется запах пороха. Борман выпрямился и вместе с Линге поспешил к кабинету Гитлера. Линге открыл дверь и вошел вместе с Борманом в комнату. Им представилась следующая картина: на диване слева сидел Гитлер. Он был мертв. Рядом с ним — мертвая Ева Браун. На правом виске Гитлера зияла огнестрельная рана величиной с монету, на щеке — следы скатившейся двумя струйками крови. На ковре около дивана была лужица крови величиной с тарелку. На стене и на диване виднелись брызги крови. Правая рука Гитлера лежала на его колене ладонью вверх. Левая — висела вдоль тела. У правой ноги Гитлера лежал револьвер системы «Вальтер» калибра 7,65 мм, а у левой ноги — револьвер той же системы, калибра 6,35 мм. Гитлер был одет в свой серый военный китель, на котором были золотой партийный значок, железный крест 1-го класса и значок за ранение в первую мировую войну, который он носил все последние дни. На нем были белая рубашка с черным галстуком, черные брюки навыпуск, черные носки и черные кожаные полуботинки.

Ева Браун сидела на диване, подобрав ноги. Ее светлые туфли на высоких каблуках стояли на полу. Губы ее были крепко сжаты. Она отравилась цианистым калием.

Борман снова выбежал в приемную и позвал эсэсовцев, которые должны были вынести трупы в парк. Линге вышел в буфетную, чтобы достать из-под стола приготовленное им одеяло и завернуть в него труп Гитлера. Он расстелил одеяло на полу в кабинете Гитлера. С помощью Бормана, который снова вернулся в комнату, Линге уложил еще не остывшее тело Гитлера на пол и завернул его в одеяло.

Гюнше поспешил в комнату для совещаний. Он так быстро распахнул дверь, что стоявшие у стола Геббельс, Кребс, Бургдорф, Аксман, Науман и Раттенхубер вздрогнули. Гюнше крикнул: «Фюрер умер!». Все бросились в приемную. В этот момент из кабинета Гитлера вышли Линге и эсэсовцы из личной охраны Линдлофф и Рейсер с телом Гитлера. Из-под одеяла виднелись ноги Гитлера в черных носках и черных полуботинках. Тело Гитлера понесли через приемную к запасному выходу в парк. Стоявшие в приемной Геббельс, Бургдорф, Кребс, Аксман, Науман, Гюнше и Раттенхубер подняли для приветствия руки. Затем из кабинета Гитлера вышел Борман и вслед за ним Кемпка с телом Евы Браун на руках. Геббельс, Аксман, Науман, Раттенхубер, Кребс и Бургдорф направились за телом Гитлера к запасному выходу. Гюнше подбежал к Кемпке, взял у него тело Евы Браун, которое не было завернуто в одеяло, и понес его к выходу. От Евы Браун исходил характерный острый запах цианистого калия. Быстро поднявшись по лестнице, Гюнше прошел в парк мимо Геббельса, Аксмана, Наумана, Бургдорфа, Кребса и Раттенхубера, которые стояли на верхней площадке лестницы и не выходили в парк из-за сильного артиллерийского обстрела. Завернутое тело Гитлера лежало на земле в двух метрах от запасного выхода. Рядом с ним, с правой стороны, Гюнше положил тело Евы Браун. В этот момент Борман нагнулся над телом Гитлера, отвернул одеяло с его лица, посмотрел на него несколько секунд и снова прикрыл одеялом. В парк рейхсканцелярии и на бомбоубежище с воем и свистом падали снаряды. Густые облака дыма неслись над растерзанными деревьями парка. Рейхсканцелярия и прилегающие здания были объаты сплошным пожаром. Борман, Гюнше, Линге, Линдлофф, Кемпка, Шедле и Рейсер взяли приготовленные бидоны с бензином и вылили на трупы Гитлера и Евы Браун все 200 литров. Зажечь бензин долго не удавалось. От сильного ветра, вызванного бушующим пожаром, гасли спички. Наконец Гюнше схватил лежавшую у двери ручную гранату, чтобы с ее помощью зажечь бензин. Не успел он вытащить запал, как Линге зажег бензин, бросив на трупы зажженную бумагу. Трупы Гитлера и Евы Браун моментально были охвачены пламенем. Дверь бомбоубежища плотно прикрыли, так как языки пламени пробивались через остававшуюся щель. Борман, Геббельс, Аксман, Науман, Кребс, Бургдорф, Гюнше, Линге, Шедле, Кемпка, Рейсер и Линдлофф стояли еще несколько секунд на верхней площадке лестницы, и затем все молча спустились в

бомбоубежище. Гюнше пошел в кабинет Гитлера. Там все осталось по-прежнему. На полу, около лужи крови, все еще лежали оба револьвера Гитлера. Гюнше поднял и разрядил их. При этом он увидел, что выстрел был произведен из револьвера калибра 7,65 мм. Второй револьвер, калибра 6,35 мм, тоже был заряжен и снят с предохранителя. Гюнше спрятал оба револьвера в карман и передал их потом адъютанту Аксмана лейтенанту Хаману. Гюнше отдал Хаману также собачью плетку Гитлера. Хаман хотел сохранить револьверы Гитлера и плетку в качестве реликвий для «Гитлер-Югенд».

Затем Гюнше пошел в комнату для совещаний, где находились Борман, Геббельс, Аксман, Бургдорф, Кребс, Монке и Науман. Там обсуждали вопрос, что делать дальше. Борман, Аксман, Монке и Гюнше настаивали на прорыве. Геббельс был против. Он театрально заявил:

— Я сейчас выйду на Вильгельмсплац. Может быть, там меня убьет пуля!

Борман от беспокойства не мог стоять на месте. Он то и дело восклицал:

— Нельзя ли достать для меня откуда-нибудь «Шторх»? Мне непременно нужно к Деницу. Это очень важно.

В глазах у Бормана был страх. «Прочь из этого ада» — было его единственной мыслью и единственным желанием. Никто уже не говорил о Гитлере. Разговоры вращались вокруг одного: «Как нам отсюда выбраться?».

Наконец, Геббельс, в качестве нового «рейхсканцлера», предложил установить связь с русским командованием и попытаться хоть на несколько часов добиться прекращения боевых действий. Было совершенно ясно, что Геббельс хотел отсрочить конец хоть на несколько часов, так как он не мог серьезно верить в реальность своего плана. Кребс предложил подождать, пока в бомбоубежище прибудет генерал Вейддинг, который предупредил, что явится на доклад к Гитлеру в половине шестого.

Гюнше пошел в телефонную комнату. Через приоткрытую дверь из спальни Геббельса доносился рыдающий голос его жены:

— Что теперь будет с детьми и мной? Фюрер не должен был делать этого...

Тем временем Линге велел Крюгеру и ординарцу Швиделю убрать из кабинета Гитлера ковер со следами крови. При этом все трое искали гильзу, которая при выстреле автоматически

должна была выскочить из револьвера. Но гильза не была найдена. Ковер был вытащен в парк и сожжен. Бумаги и сводки германского информационного бюро, лежавшие на письменном столе, Линге сжег сам. В комнатах Гитлера осталась лишь голая мебель. Линге вынул из рамы портрет Фридриха II, висевший над письменным столом, и передал его, как приказал Гитлер, члоту Бауру, который спрятал его под китель...

Публицистика

Безыменский Лев Александрович

**ОПЕРАЦИЯ "МИФ" ,
ИЛИ
СКОЛЬКО РАЗ
ХОРОНИЛИ ГИТЛЕРА**

Редактор Н.М. Маслова

Оформление художника П.С. Сацкого

Художественные редакторы С.С.Водчиц, И.А. Горбунов

Компьютерная верстка Л.А. Кривошеиной

Корректор Э.С. Казанцева

ИБ № 2255

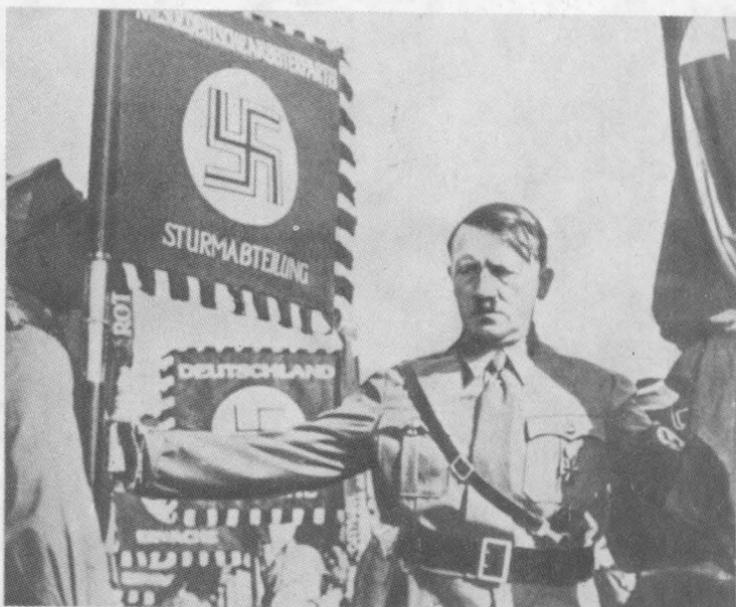
Сдано в набор 29.12.94. Подписано в печать 20.03.95.
Формат 60x90 ¹/₁₆ Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,0+2,0 вкл.
Усл. кр.отт. 18,5. Уч.изд.л. 16,11.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 74.
Цена договорная. Изд. № 18-и/94.

Издательство "Международные отношения"
107078, Москва, Садовая-Спаская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета, изготовленного
в издательстве "Международные отношения", Тульской
типографией, 300600, г.Тула, пр. Ленина, 109

Нацистская троица: Гитлер, Геббельс и Геринг

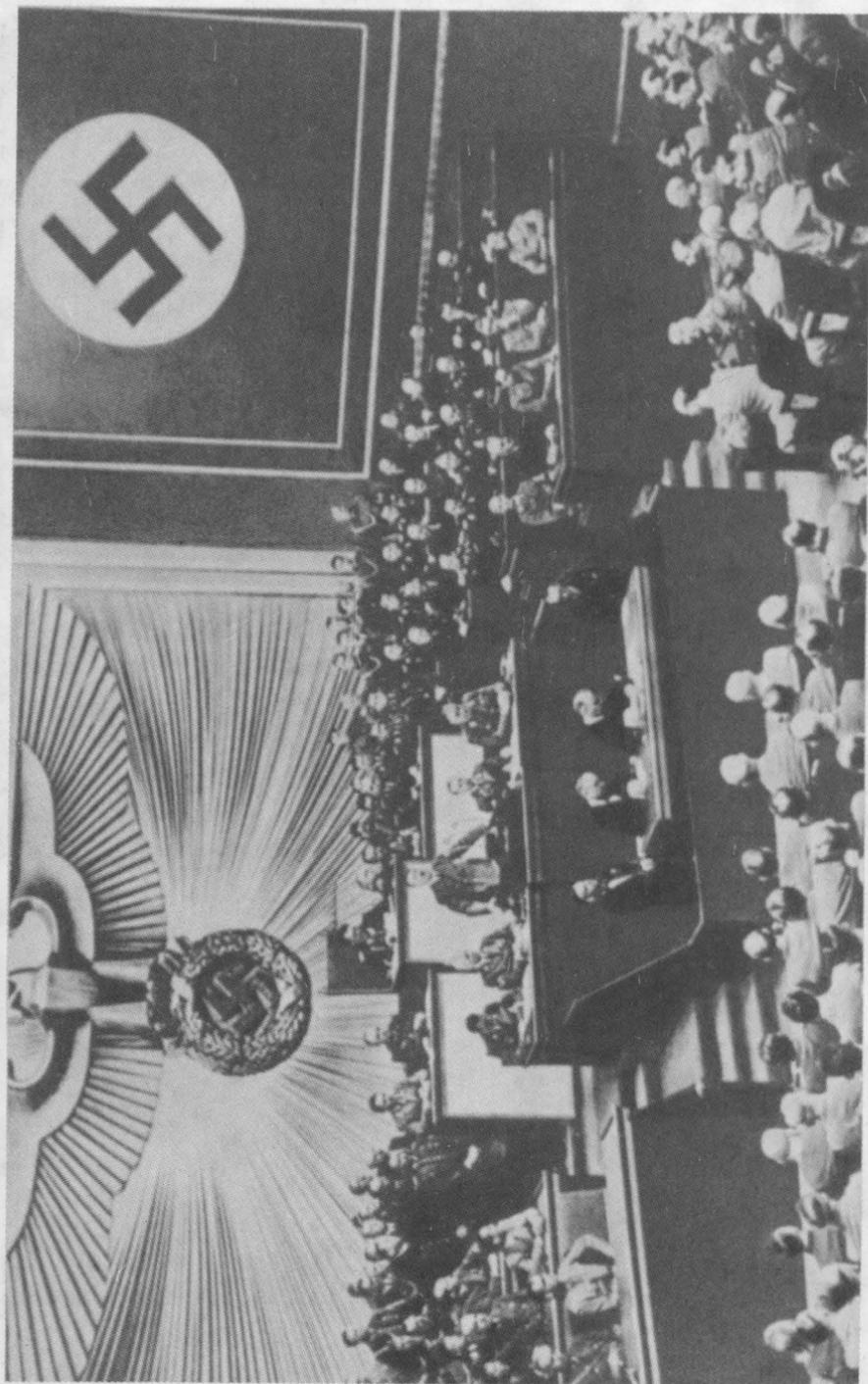
Гитлер вручает штурмовым отрядам штандарты – те самые, которые в 1945 году советские воины бросят к подножию Мавзолея

Главный пропагандист "третьего рейха" Й.Гebbельс

Гитлер репетирует свои выступления

Гитлер выступает в рейхстаге

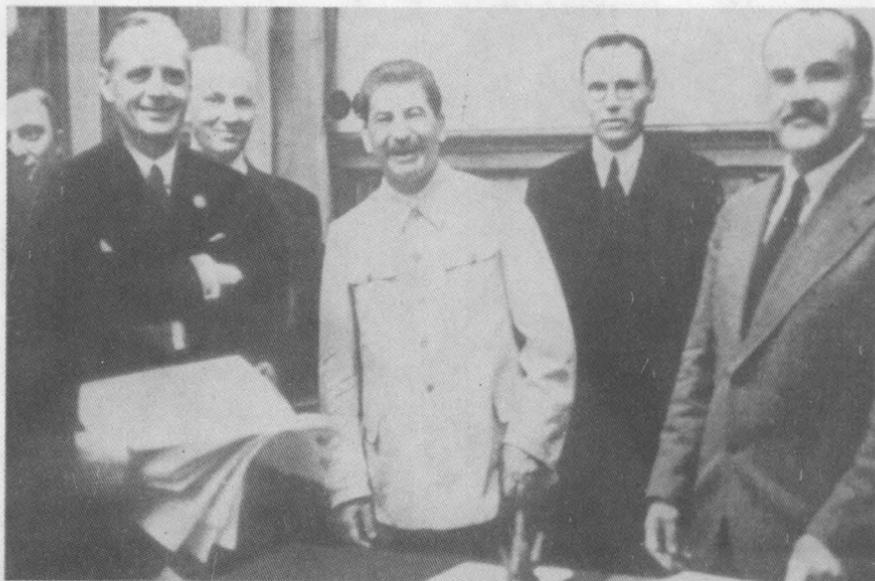
И. Сталин

Г. Зиновьев

Н. Бухарин

Подписание пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г.

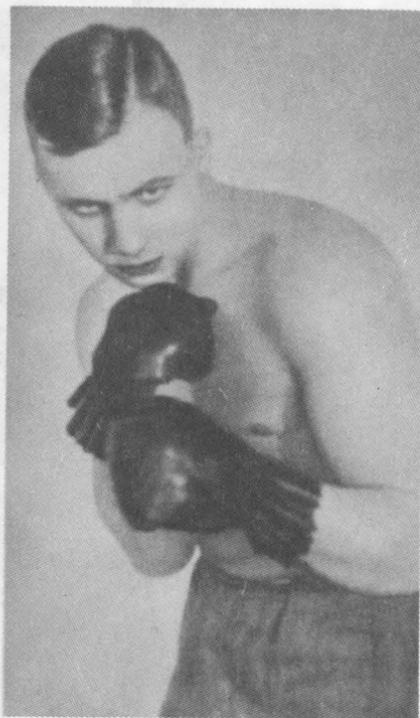
Встреча Молотова и
Риббентропа в Берлине
(ноябрь 1940 г.)

Посол СССР в Германии В.Деканозов (Берлин, 1940 г.)

Посол Германии в СССР
граф Шуленбург

И.Миклашевский. Он должен был возглавить босую группу для покушения на Гитлера (1940 г.)

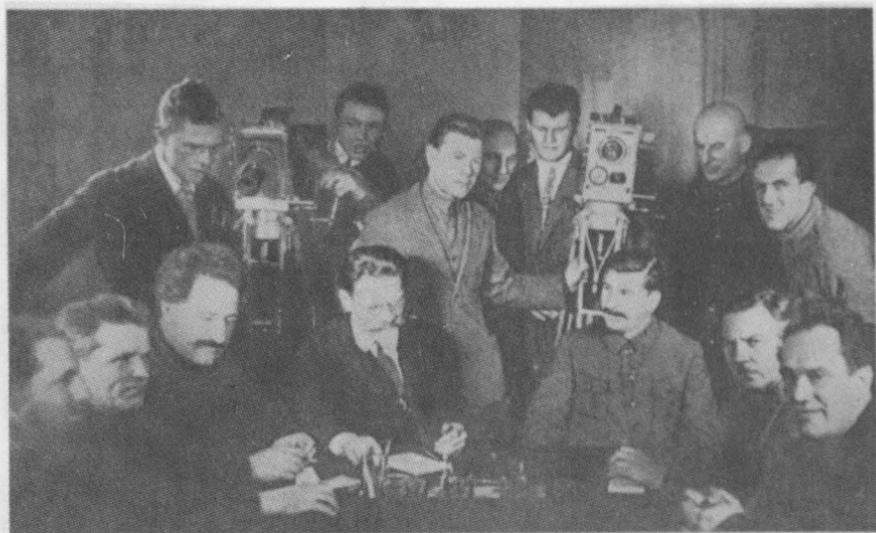
И.Миклашевский после войны (1970 г.)

П. Судоплатов, руководитель разведывательных и диверсионных акций в немецком тылу

Н. Эйтингон, заместитель П. Судоплатова

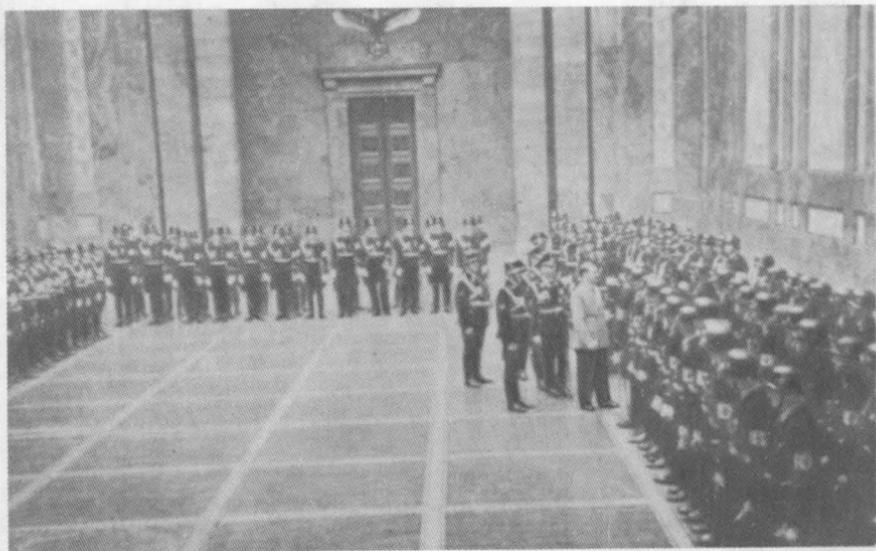
В. Ильин (во втором ряду слева), сотрудник НКВД, нашедший Миклашевского

Риббентроп объявляет войну СССР (22 июня 1941 г.)

Гитлер на оперативном совещании

Зал имперской канцелярии (1940 г.)

Кабинет Гитлера в рейхсканцелярии

На балконе имперской канцелярии – Гитлер (1940 г.)

Гитлер осматривает остатки собственной канцелярии (апрель 1945 г.)

На балконе имперской канцелярии – победители (1945 г.)

Имперская канцелярия (май 1945 г.)

Берлин, апрель 1945 года

И. Клименко

И. Мирошниченко

В. Горбушин

Б. Быстров

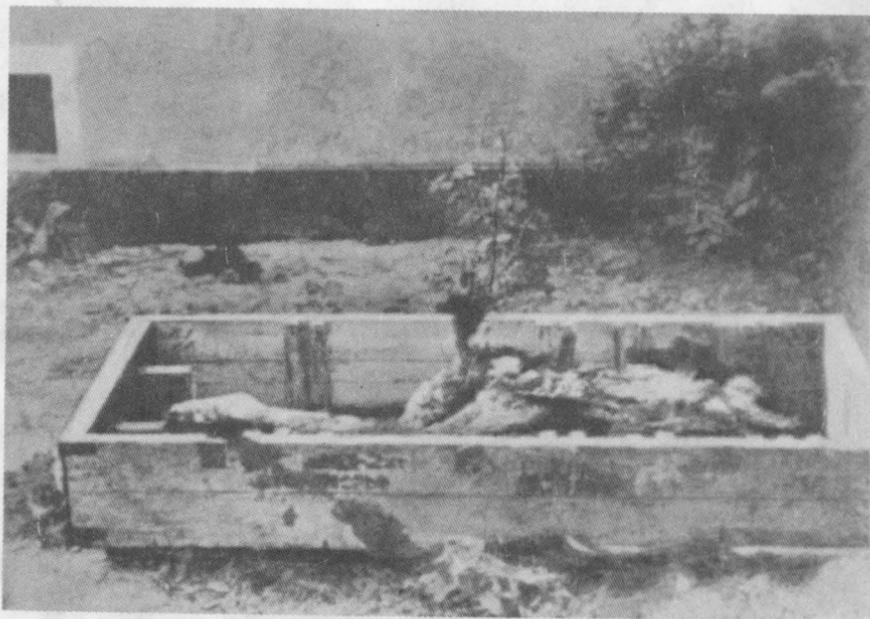
Е. Ржевская

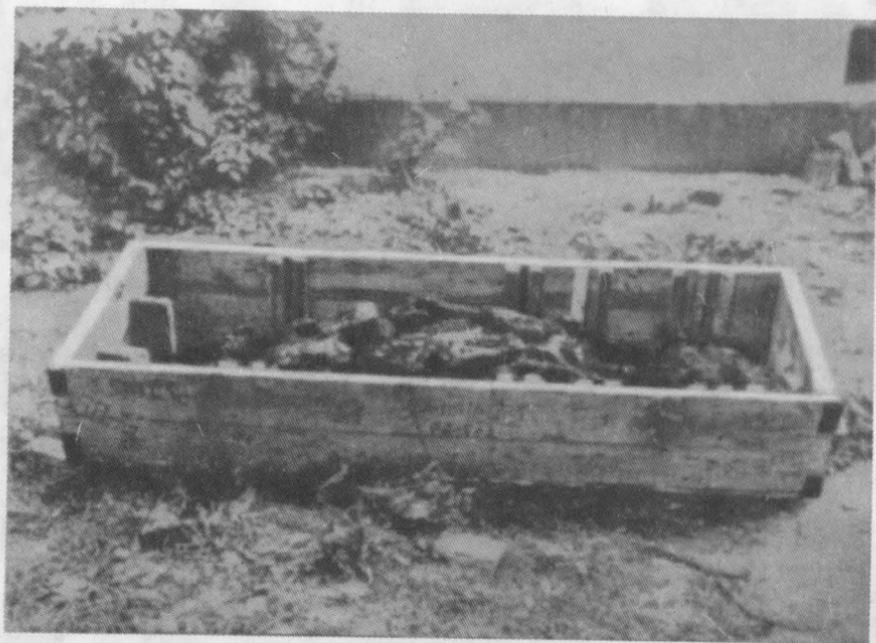
ПсевдоГитлер (труп, найденный в саду рейхсканцелярии, май 1945 г.)

Выход из бункера Гитлера (отмечен тремя крестиками);
место сожжения трупов (отмечено двумя крестиками)

Останки Гитлера в ящике для снарядов

Останки Евы Браун

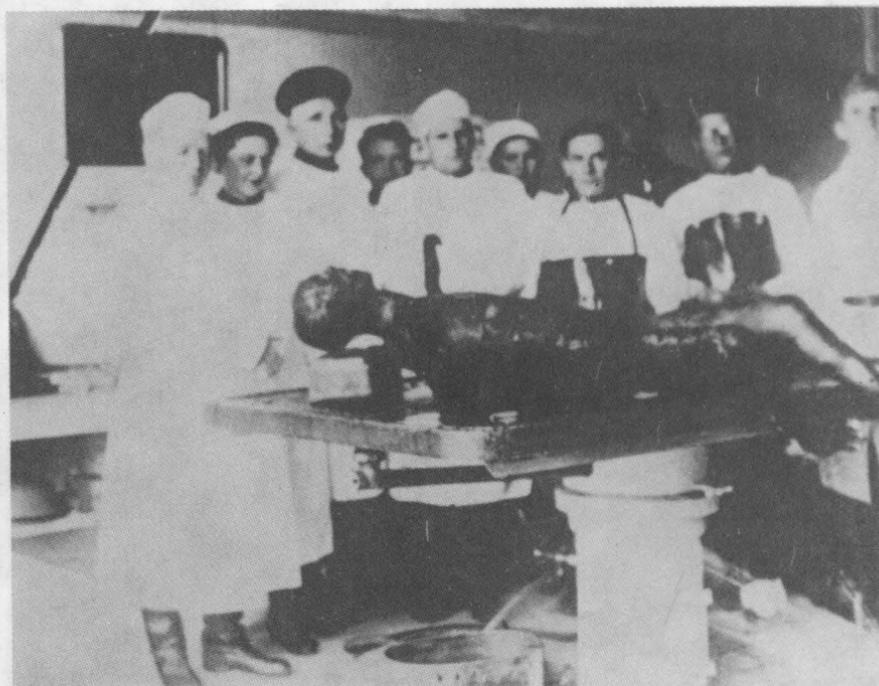
Останки детей Геббельса

Труп старшей дочери Геббельса

Ф. Шкаравский

Комиссия Ф. Шкаравского. Вскрытие трупа Геббельса

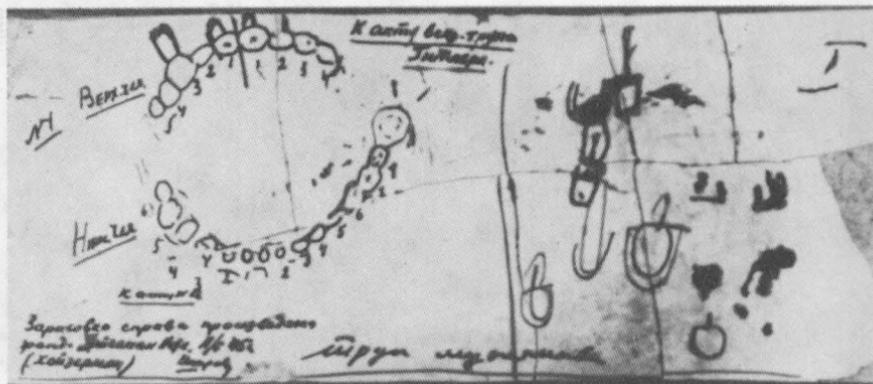
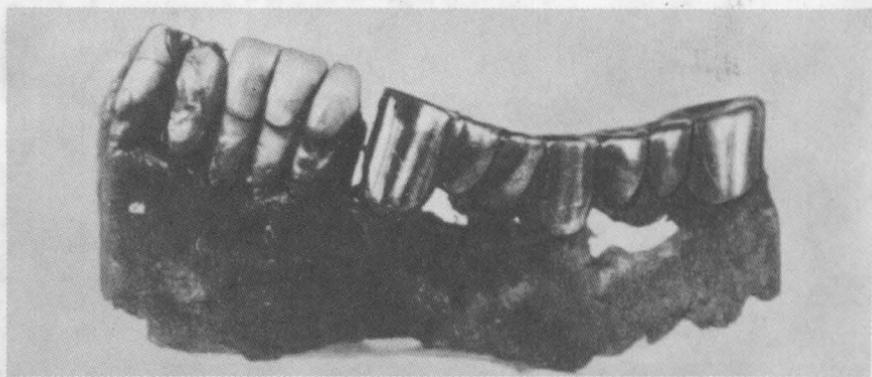
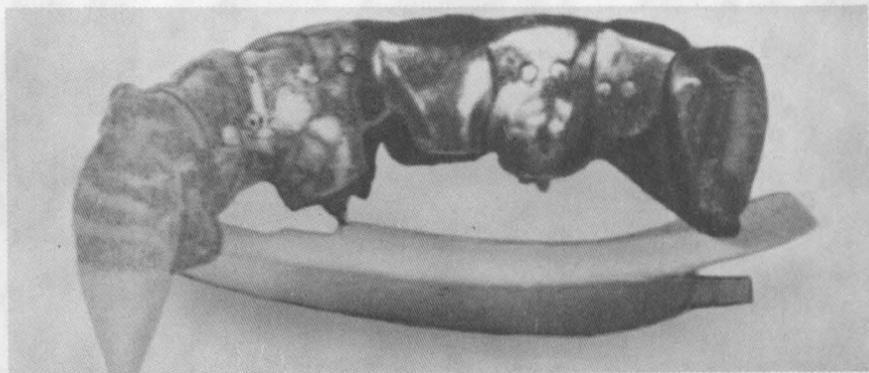

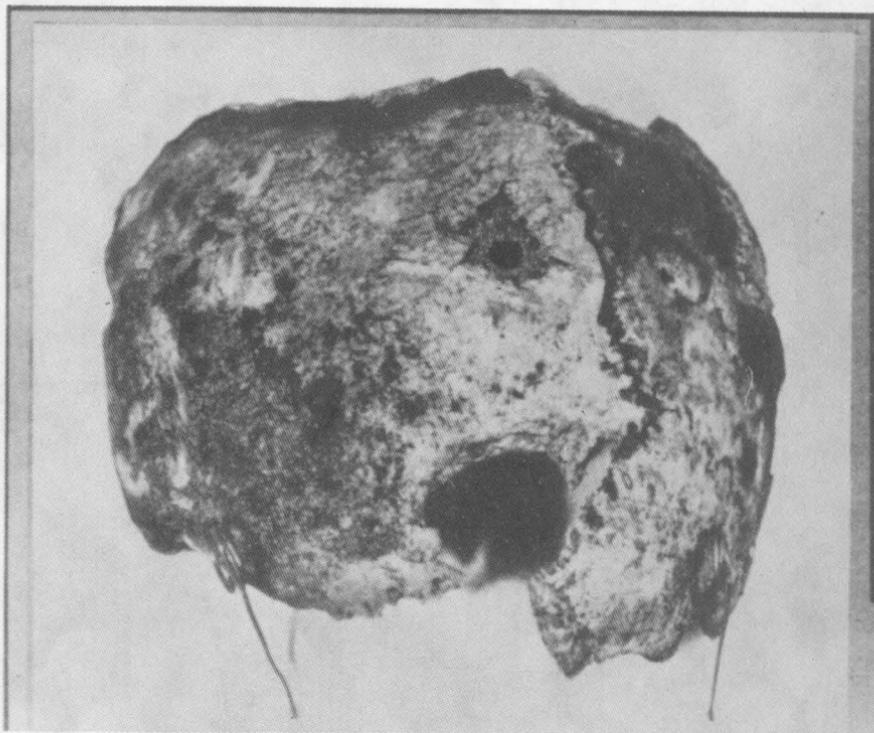
Схема зубов Гитлера, составленная Хойзерман

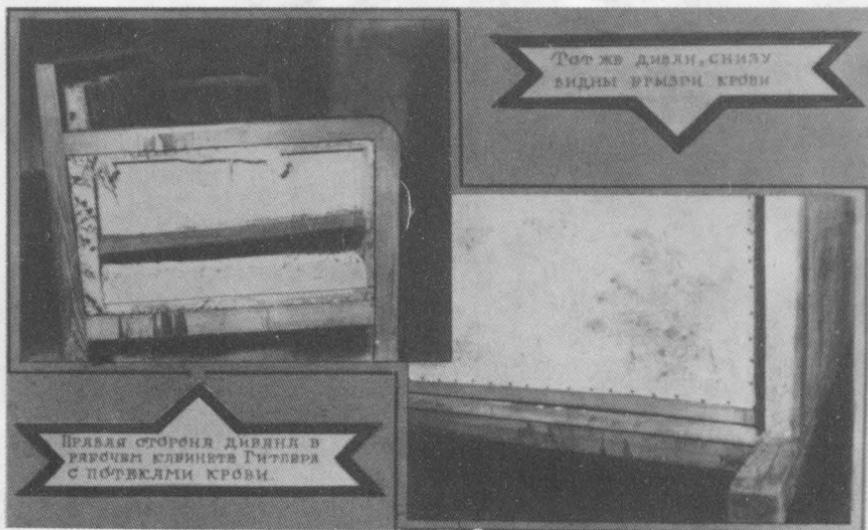
Нижняя челюсть Гитлера

Зубной мост Гитлера с царапиной, по которой была безошибочно определена его принадлежность Гитлеру

Часть теменной кости черепа Гитлера с выходным пулевым отверстием

Тот же диван, снизу
видны фрагменты крови

Правая сторона дивана в
рядочке кресел Гитлера
с потяжками крови.

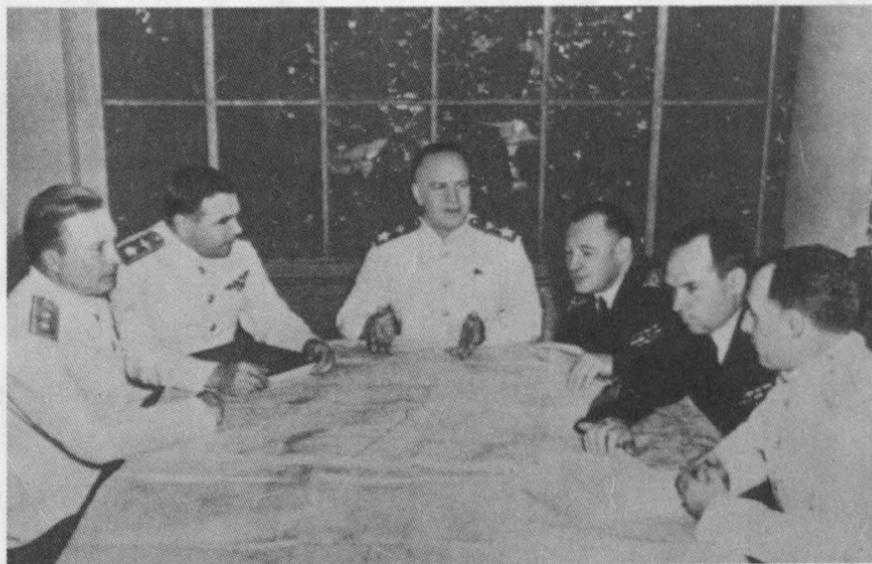
Диван с пятнами крови Гитлера, обнаруженный при проведении операции «Миф»

Арест правительства Деница

«Большая тройка» в Ялте

Советские военные руководители во главе с Г.К. Жуковым на Потсдамской конференции

Начальник «СМЕРШ» генерал Абакумов в оккупированной Германии

Он же – узник «Матросской тишины»

Маршал Жуков в гостях у Эйзенхауэра

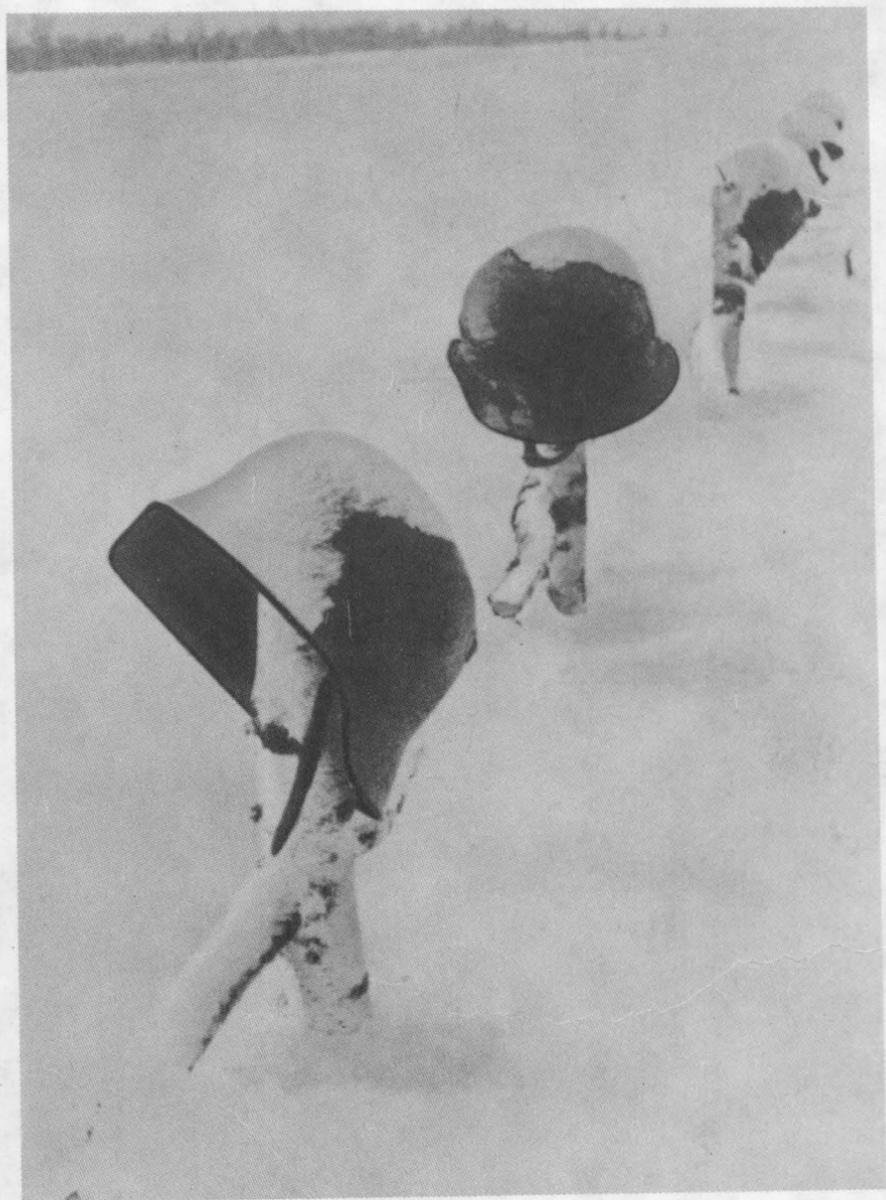

Подписание акта о капитуляции Германии

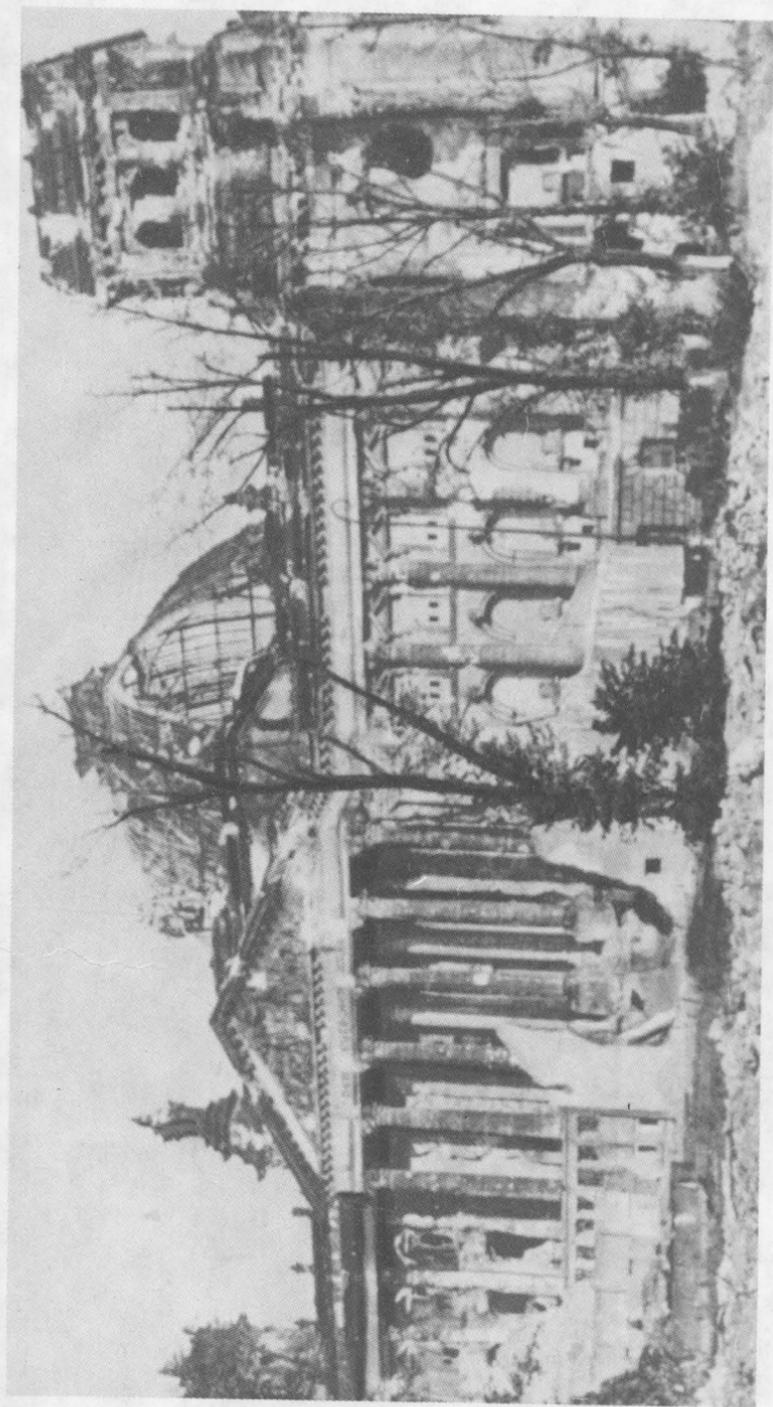
HITLERS WEG NACH OSTEN

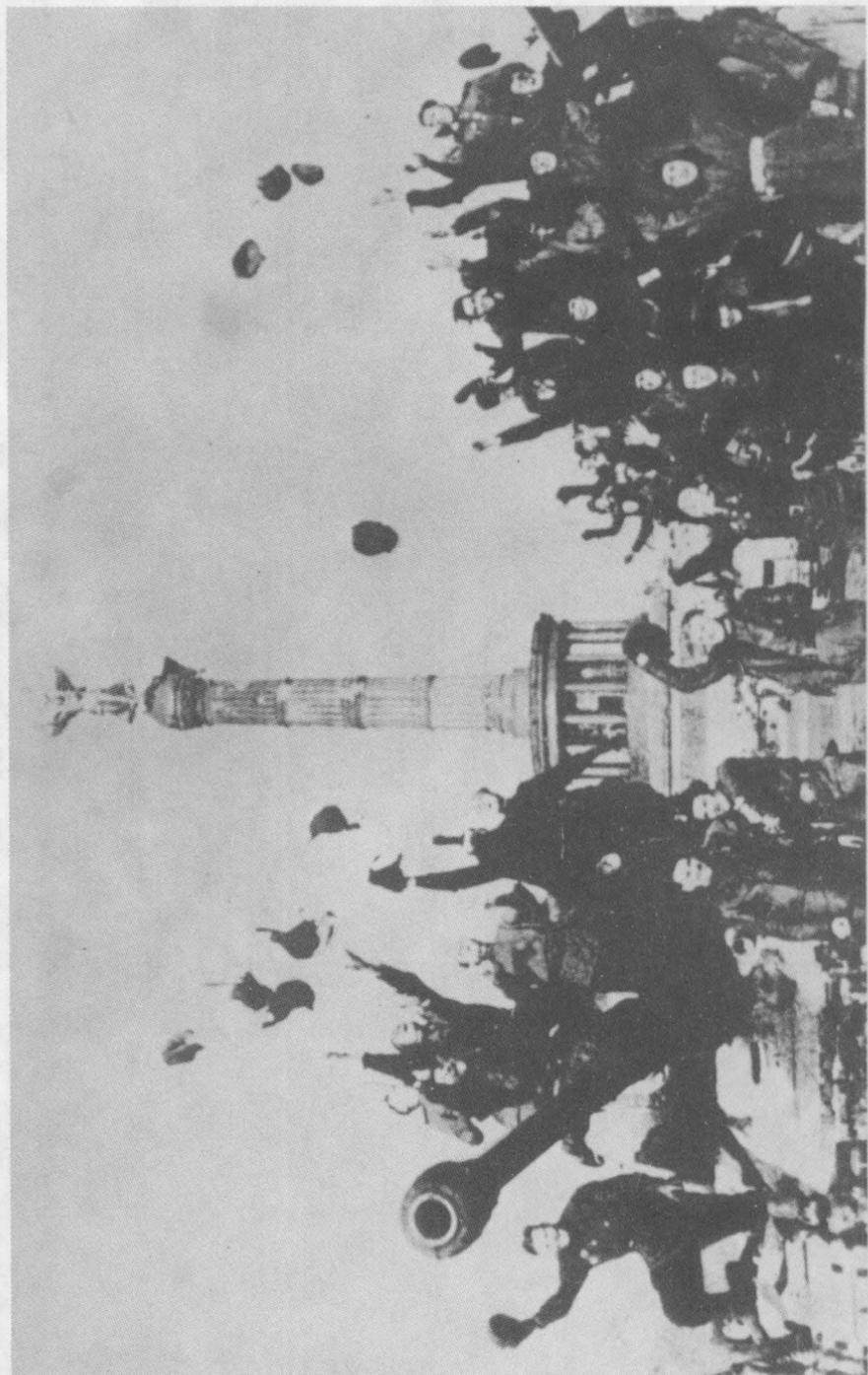
ZWEI MONATE RAUBKRIEG HABEN DER DEUTSCHEN WEHRMACHT
ÜBER 2 000 000 SOLDATEN UND OFFIZIERE GEKOSTET

Русское поле. Следы блицкрига

Рейхстаг, май 1945 г.

Советские солдаты в центре Берлина

От Москвы до Берлина

Победа!

Знамя Победы над рейхстагом

Лев Безыменский

ОПЕРАЦИЯ «МИФ»